

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 (80) — 2016

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

Редакционный совет:

- С. Г. Айвазова** (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
В. Н. Егоров (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор экономических наук, профессор),
Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
О. В. Рябов (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург;
доктор философских наук, профессор),
З. Х. Саралиева (Нижегородский государственный исследовательский университет,
г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),
Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),
И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
Т. Б. Рябова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор социологических наук, профессор),
Н. Б. Гафизова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат исторических наук, доцент),
И. Н. Смирнова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент)

Тел./факс в Иваново: (4932) 32 74 52

E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 3 (80) — 2016

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

---

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws
on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77-16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy (St. Petersburg State University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State Research University,
Nizhniy Novgorod),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow)

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39
Publishing House "Ivanovo State University"

Tel./Fax: (4932) 32 74 52

E-mail: wins@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request
Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2016
© Ivanovo State University, 2016

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

ББК 74.044.92

О. А. Хасбулатова

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ STEM-ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Статья посвящена проблеме создания равных возможностей для женщин и мужчин в получении инженерных и технологических специальностей (STEM-профессии). На основе изучения исторических и документальных источников выявлена устойчивая тенденция сосредоточения российских женщин в гуманитарных профессиях, мужчин — в технических. Сделан вывод, что в основе разделения профессий на «мужские» и «женские» лежит биодетерминистский подход. Среди технологий, способных вовлечь женщин в STEM-образование, обозначены участие девочек и девушек в техническом творчестве, STEM-центрах, профессиональное образование по технологическим профессиям. Предлагается создать STEM-кластер, объединяющий учебные заведения всех типов, предприятия-партнеры, бизнес, научные и общественные организации.

Ключевые слова: STEM-образование для женщин, «мужские» и «женские» профессии, человеческий капитал, гендерная сегрегация в выборе профессий, механизм достижения гендерного баланса в STEM-образовании.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.3.1

O. A. Khasbulatova. Gender aspects of STEM-education in Russia

The article is devoted to the problem of creating equal opportunities for women and men to receive engineering and technological specialities (STEM-professions). The study of historical and documentary sources has revealed the following tendency: concentration of Russian women in the field of humanities, men — in sciences. This logically led to women and men working in corresponding spheres. It is concluded, that the separation of professions into male and female ones is based on the approach known as biodeterminism. Among the technologies, capable to involve women in STEM-education, the author mentions the participation of girls in technological creativity, STEM-centers, vocational education aimed at acquiring technical professions. It is proposed to create

Женщина в российском обществе. 2016. № 3 (80). С. 3—15

© Хасбулатова О. А., 2016

Хасбулатова Ольга Анатольевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru (Dr. Sc., Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia).

STEM-cluster, which unites educational institutions of all types, businesses, scientific and public organizations.

Key words: STEM-education for women, «men» and «women» professions, human capital, gender segregation in the choice of profession, the mechanism to achieve gender balance in STEM-education.

Проблема модернизации инженерного образования и качества подготовки технических специалистов в настоящее время находится в центре внимания органов государственного управления и научного сообщества. Премьер-министр России Д. А. Медведев заявил, что в стране взят курс на возрождение инженерного образования в рамках Национальной технологической инициативы, который предполагает стимулирование мотивации молодежи на поступление в университеты на технологические программы, на занятие наукой [О разработке и реализации Национальной технологической инициативы... , 2015].

В зарубежных системах образования комплекс научно-технических дисциплин обозначается как STEM, что в переводе с английского означает ряд научных направлений, таких как естествознание, технология, инженерное дело и математика, т. е. это система учебных предметов, которая является основой подготовки специалистов в области высоких технологий.

Внедрение системы STEM-образования продиктовано новой мировой экономикой, оно предполагает вовлечение молодежи в наукоемкие отрасли: нейроэлектронику, робототехнику, биоэлектронную медицину, нейробиологию, математику, инженерию и др. Решение этой перспективной задачи позволит повысить качественные характеристики и эффективность использования человеческого капитала. В этом контексте проблема вовлечения в STEM-образование женщин как важного носителя человеческого капитала приобретает не только научный, но и практический интерес. В данной статье предпринята попытка ответить на вопрос, почему до настоящего времени среди российских студентов, получающих специальности технологического профиля, большинство составляют юноши и есть ли механизмы достижения гендерного баланса в системе STEM-образования.

Разделение профессий на «мужские» и «женские» в России

Разделение профессий на «мужские» и «женские» имеет в России исторические корни. Еще в пореформенный период второй половины XIX в. у мужчин и женщин наблюдался различный доступ к профессиональному образованию. Представительницы низших слоев общества работали на фабриках и заводах, составляли незаменимую рабочую силу в сельском хозяйстве. Уровень оплаты труда рабочих и работниц имел существенные различия.

В сферах государственной службы и профессий, требующих высшего и специального образования, ситуация с трудоустройством женщин была противоположной. Высочайшим повелением от 14 января 1871 г. им запрещалось работать на канцелярских и других должностях во всех правительственных и общественных учреждениях. Круг доступных для женщин профессий был ограничен, им разрешалось работать акушерками, фельдшерами по прививкам,

аптекарями, телеграфистами, учителями в начальных классах [Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям... , 1904: 24].

Вся система образования в России того периода носила дискриминационный по отношению к женщинам характер. Перечень изучавшихся в женских гимназиях предметов (Закон Божий, русский язык, арифметика, география, история, естественная история, физика, домашнее хозяйство, гигиена, чистописание, рукоделие, гимнастика) не соответствовал учебному плану в мужской гимназии. Программа была облегчена из-за «особенностей женской природы» [Хасбулатова, 2005: 66]. Тем самым изначально технические и инженерные профессии становились для девушек недоступными.

Женщины, сумевшие получить высшее образование за границей, практически не имели доступа к работе по специальности. Первые женщины-врачи работали, не имея на это никаких юридических прав. До 1883 г. они не были включены в списки врачей, служили в больницах без официальных документов. В 1885 г. в России был учрежден первый женский медицинский институт, выпускницам которого наконец предоставлялось право свободной практики. Судебная и адвокатская деятельность все еще оставалась для женщин закрытой. В целом во второй половине XIX в. политика государства в сфере занятости приводила к дискриминации женщин во всех профессиональных группах. В течение обозначенного периода женские либерально-демократические организации вели борьбу за высшее женское образование.

В начале XX в. под влиянием потребностей промышленного производства и активной позиции женских организаций начался процесс становления государственного высшего образования для женщин. Ввиду запрета на совместное обучение мужчин и женщин открывались высшие женские коммерческие, сельскохозяйственные, педагогические, юридические, строительные, технические курсы. Только в 1915 г. произошло юридическое уравнение прав женских курсов с мужскими институтами. К этому времени в стране насчитывалось 28 специальных высших учебных заведений для женщин [Юкина, 2007: 211]. Однако учиться в вузах наравне с мужчинами вплоть до 1917 г. женщинам было запрещено. Лишь однажды, в 1905 г., Министерство народного просвещения разрешило допустить женщин в университеты на правах вольнослушательниц, но уже в 1908 г. министр А. Н. Шварц опротестовал данное решение. В результате многие девушки были вынуждены выезжать учиться за границу. Только в швейцарских вузах перед Первой мировой войной обучалось 6 тысяч русских женщин [Хасбулатова, 2005: 71].

Труд женщин-ученых не получал признания в России. Так, выдающийся математик С. Ковалевская была вынуждена уехать за границу и работала в Стокгольмском университете. В начале XX в. в Сорбонне защитили докторские диссертации три русские женщины: О. Крамарская, Е. Билевич-Станкевич, М. Бородина. Однако на родине им было отказано в преподавании и занятии наукой [Выдающиеся женщины-ученые, 2012]. Выпускница Женских политехнических курсов А. Соколова-Маренина прошла через многие испытания, вплоть до «превращения в мужчину», прежде чем была допущена до работы инженером [Будник, 2015: 39]. И это были не единичные примеры.

В целом в 1860—1917 гг. женское образовательное право носило в России сословный и дискриминационный характер. Среднее и высшее образование было доступно ограниченному количеству женщин привилегированных и различинских слоев. Для большинства работниц и крестьянок доступ к полноценному образованию был закрыт. Доступа к получению инженерных и технических специальностей у женщин практически не было.

В советский период 1918—1991 гг. вовлечение девушек в профессиональное образование по техническим специальностям прошло несколько этапов. В 1920-х гг. промышленность страны остро нуждалась в квалифицированных кадрах, но ввиду низкого уровня общего образования, а также ориентации на семью и воспитание детей девушки отсутствовали среди студентов высших учебных заведений. Как констатировали сами женщины, им «мешали учиться дети, плохие жилищные условия, инертность, отсутствие желания» [Хасбулатова, 2005: 115]. С целью вовлечения женской молодежи в систему высшего образования Центральный Комитет ВКП(б) принял ряд постановлений, в которых для девушек вводилась 25 %-я квота на рабфаках технических вузов, поступающим в вузы работницам устанавливались льготы, бронировались места в дошкольные учреждения [там же].

Советская Россия унаследовала от Российской империи «женские» и «мужские» отрасли промышленного производства. Так, в металлообрабатывающей, машиностроительной отраслях, водоснабжении было занято до 5 % женщин, в горной, деревообрабатывающей, кожевенной отраслях — от 15 до 25 % [Воробьев, 1920: 65]. В то же время на швейных фабриках женщины составляли до 72,5 %, на текстильных предприятиях — 60,5 % [там же: 66, 69]. Среди металлургов соотношение мужчин и женщин составляло 12:1, среди химиков — 2:1, строителей — 100:1, железнодорожников — 5:1 [Новосельский, 1923: 7, 8, 10]. К началу 1930-х гг. женщины составляли 35,8 % занятых в промышленности [Хасбулатова, 2005: 122]. Целесообразно отметить, что и в дореволюционной, и в советской России заработная плата мужчин и женщин, занятых в промышленности, имела существенные различия. Например, в 1913 г. заработная плата металлургов вдвое превышала заработную плату текстильщиц. В 1923 г. данное соотношение сохранялось [Зайцев, 1924: 22].

1930—1940-е гг. можно охарактеризовать как период вовлечения женщин в рабочие профессии в технических отраслях: металлургии, машиностроении, на железнодорожном транспорте. В этот период женщины составляли существенный резерв рабочей силы. Поэтому на предприятиях тяжелой машиностроительной и оборонной промышленности, в гражданской авиации были организованы профессиональные курсы для женщин. С трибун всесоюзных совещаний, страниц женских журналов руководители государства обращались с призывом к женщинам овладевать профессиями мужей. Женщины — домашние хозяйки с энтузиазмом включились в профессиональное обучение, к 1941 г. удельный вес женщин в промышленности поднялся до 41 % [Хасбулатова, 2005: 186]. В годы Великой Отечественной войны женщины заняли рабочие места в отраслях тяжелой промышленности, которые традиционно считались мужскими. В печати прославлялись женщины-металлурги, горные рабочие, работницы железнодорожного транспорта, трактористки, комбайнеры, начальники цехов. Именно

в этот период женщины на практике доказали, что могут овладеть любыми профессиями. Однако в мирное время они трудились преимущественно в низкооплачиваемых отраслях, и это являлось результатом государственной политики. Уже в 1946 г. женщинам закрыли дорогу в отрасли тяжелой промышленности и предложили вернуться в отрасли бюджетной сферы, которые финансировались по остаточному принципу.

Эта политика в сфере занятости женщин характерна для всего последующего советского периода. В 1950—1990-х гг. большинство студенток учились в педагогических и медицинских институтах. В 1950-х гг. доля женщин, сделавших карьеру в технических отраслях, была невелика: среди заместителей, главных специалистов и главных инженеров научных учреждений и конструкторских организаций насчитывалось 8 % женщин [Женщина в СССР, 1961: 55]. По прошествии 40 лет ситуация не изменилась. За женщинами прочно закрепились текстильная и швейная отрасли (86 и 94 % от состава работающих), торговля и общественное питание (92 %), здравоохранение (88 %), культпросветработа (82 %). Мужчины составляли большинство в технических отраслях и в сфере управления: металлообработке, строительстве (74 %), среди инженерно-технических работников (50 %), руководителей предприятий и учреждений всех типов (74 %) [Женщины в СССР, 1991: 16—18]. Среди главных инженеров и других главных специалистов соотношение женщин и мужчин не превышало 1:12 [Хасбулатова, 2005: 289]. В сфере науки ситуация была аналогичная: женщины составляли меньшинство среди докторов и кандидатов наук.

В современной России тенденции не изменились. В системе профессионального образования на всех уровнях сохраняется гендерная сегрегация: девушки сосредоточены на гуманитарных и социальных специальностях, а юноши — на технических. Юноши выбирают такие специальности, как энергетика, металлургия, машиностроение, авиационная и ракетно-техническая техника, электронная техника, информационная безопасность, информационная и вычислительная техника, составляя от 78 до 86 % студентов. Девушки преобладают в гуманитарных специальностях: образовании, здравоохранении, экономике, социальных науках, составляя от 76 до 80 % от числа студентов этого профиля [Женщины и мужчины России, 2014].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что разделение профессий на «мужские» и «женские» имеет биодетерминистские корни. Смена законодательства в отношении общего и профессионального образования женщин и мужчин, которую осуществила советская власть в 1920-х гг., автоматически не устранила гендерную асимметрию в выборе профессий юношами и девушками. При юридическом равноправии полов в сфере образования, начиная с 1940-х гг., в советском обществе сложилась устойчивая тенденция разделения профессий на «мужские» и «женские». Эту жизненную установку в выборе профессии разделяли и государство, и общество, и семья. Утвердив в 1940 г. различный уровень заработной платы в производственном и социальном секторах, государство тем самым предопределило гендерную сегрегацию в сфере занятости. И сегодня, по данным Всемирного экономического форума, Россия занимает 53-е место из 145 стран по уровню зарплатного неравенства между мужчинами и женщинами. Заработная плата российских женщин в среднем составляет 72 % от заработной

платы мужчин. Самая большая разница — в IT-сфере: мужчины зарабатывают на 33 % больше, чем женщины [Российским женщинам платят на 30 % меньше... , 2015]. Это означает, что женщине нужно трудиться 15,5 месяцев, чтобы получить столько, сколько получает мужчина за один год. До настоящего времени эта тенденция сохраняется, поскольку в ее основе лежат устойчивые представления о профессиях, «предназначенных для мужчин и женщин». Рассмотрим подробнее процесс формирования данных стереотипов.

Выбор профессии в СССР и Российской Федерации: гендерный анализ

Формирование стереотипного представления о социальных ролях мужчин и женщин и предназначении полов обусловлено рядом факторов: культурными традициями, национальным опытом, складывавшимися веками представлениями о мужественности и женственности, а также государственной гендерной политикой. Очевидно, что выбор профессии для юношей и девушек происходит под влиянием семьи и школы. И если школа как социальный институт воспроизводит сложившиеся гендерные стереотипы о профессиях, можно предположить, что представления о «мужских» и «женских» профессиях неизбежно закрепятся в сознании родителей и их детей. Анализ показывает, что данный тезис применим к российской школе во все исторические периоды.

В начале статьи уже отмечалось, что в Российской империи было узаконено раздельное обучение девочек и мальчиков с официально установленным различием учебных программ. В СССР были созданы законодательные основы для равноправия полов в сфере общего и профессионального образования. После реформы 1918 г. в стране было введено обязательное семилетнее образование. Для учащихся, желавших получить среднее образование, обучение в старших классах средних школ было платным.

Новым моментом в гендерной образовательной политике государства стало введение в 1943 г. раздельного обучения мальчиков и девочек в крупных городах. По мнению Народного комиссариата просвещения, неравноправие мужчин и женщин в области образования было уже устранено, но совместное обучение стало создавать «затруднения педагогического и организационного порядка». Наркомпрос считал, что в учебно-воспитательной работе необходим учет особенностей физической природы и развития девушек, в соответствии с которым должна осуществляться подготовка мальчиков и девочек к труду и практической деятельности [Гончарова, 2013: 6—7]. На уроках труда девочки стали получать навыки ведения домашнего хозяйства, мальчики осваивали навыки токарного и слесарного дела, для них было увеличено количество часов на лабораторные и практические работы по физике, химии, биологии [там же: 7]. Таким способом детям и их родителям государство напомнило о «предназначении полов».

В 1954 г. в результате неготовности Наркомпроса выделять дополнительные средства на развитие учебной базы мужских гимназий, а также ввиду отрицательного общественного мнения государство отказалось от идеи раздельного обучения, в стране повсеместно вводилось совместное обучение, устранялись различия в учебных программах. С 1956 г. в средних школах была отменена

плата за обучение. В 1964—1966 гг. школа перешла к 10-летнему сроку обучения при сохранении 8-летнего образования как обязательного.

Однако с этого периода государство уже не отказывалось от идеи профессиональной ориентации девочек и мальчиков на «женские» и «мужские» профессии. С 1960-х гг. в систему общего образования в различных формах внедрялась концепция подготовки учащихся к производительному труду в промышленности и сельском хозяйстве. Для девочек предлагались профессии ткачихи, швеи, секретаря-машинистки, медсестры, доярки, для мальчиков — профессии токаря, слесаря, тракториста, механизатора. Профессиональная подготовка разворачивалась на шефствующих предприятиях, в колхозах.

В постсоветской России ситуация мало изменилась. Совместное обучение не отменило профессиональной ориентации по половому признаку. На уроках технологии девочек обучают навыкам ведения домашнего хозяйства, основам швейного дела. Мальчикам предлагают освоить навыки слесарного и столярного дела. Такой же подход осуществляется при организации факультативов: для мальчиков — кружки радистов, кинолюбителей, автомобилистов, для девочек — кружки вышивки, кройки и шитья, домоводства. Таким образом, школа поддерживает стереотип о существовании «мужских» и «женских» профессий.

В 2000-х гг. в систему общего образования внедрена система профильного обучения, цель которой — мотивировать старшеклассников на получение конкретных профессий в системе высшего образования. Спектр профильных классов достаточно широк: от математики, информатики и физики — до гуманитарных наук, педагогики и психологии. Нетрудно догадаться, в каких профильных классах большинство составляют девушки: это профили гуманитарного направления. Следует отметить, что современные педагоги и родители не воспринимают сложившуюся ситуацию как реальную угрозу правам женщин на получение высшего образования, равноценного по статусу и уровню оплаты труда с мужчинами.

Сложившиеся тенденции уходят корнями в содержание учебников, по которым учатся школьники российских школ. Данный вывод поддерживается гендерной экспертизой учебников для всех ступеней обучения [Смирнова, 2005: 14—61]. Приведу некоторые выводы исследования о том, как представлены в учебниках различные профессии. Так, в учебниках для начальной школы частота обращений к мужским профессиям в 6 раз превышает упоминание женских (252 : 41). 92 % профессий физического труда и 80 % интеллектуального представлены как мужские. Среди «женских» преобладают профессии учительницы, машинистки, портнихи, врача. Среди увлечений для мальчиков отмечаются «военные игрушки», шахматы и техника. Девочкам предписывается играть в куклы, мягкие игрушки и шить [там же: 16—19].

В учебниках для средних и старших классов гендерная стереотипизация профессий получает свое развитие. В учебниках по химии в «шеренге великих химиков» отсутствует М. Складовская-Кюри, дважды лауреат Нобелевской премии, среди математиков не нашлось места С. Ковалевской. В учебниках истории представлены профессиональные образы учительниц, машинисток, секретарей. Занятия для мужчин — управление государством, участие в военных действиях, управление финансами, наукой, культурой. В учебниках географии представлены

профессии только для мужчин: путешественники, геологи, полярники, топографы. В учебниках русского языка для женщин приоритет отдается семейной сфере (роли матери, дочери, бабушки). В учебниках математики встречается лишь один профессиональный образ — машинистки. «Мужские» профессии относятся в большинстве случаев к промышленности и строительству. В учебниках по обществознанию перечень «мужских» профессий достаточно широк: это работа в органах управления, промышленности, связи, науке. У женщин все скромнее — профессии продавщицы, медсестры, пианистки, балерины. Наиболее жестко транслирует гендерные стереотипы предмет «Технология», где разделение на группы осуществляется по признаку пола, о чем упоминалось выше [там же: 20—34].

В целом есть основания утверждать, что учебная литература является важным каналом гендерной социализации учащихся, воспроизводит традиционные гендерные стереотипы о разделении профессий по половому признаку.

Среди тенденций, которые вызывают озабоченность, целесообразно отметить возврат к раздельному обучению мальчиков и девочек, который набирает обороты в современном российском образовании, а также попытки «научно» обосновать этот процесс. В настоящее время в России уже более 700 школ перешли на раздельное обучение мальчиков и девочек. Во многих регионах классы для мальчиков и девочек создаются внутри школ с совместным обучением школьников. Педагоги предпринимают усилия для разработки теории и методик раздельного обучения. Так, в сентябре 2009 г. в Красноярском крае состоялась первая Всероссийская научно-практическая конференция на эту тему [В России уже более 700 школ... , 2009]. Анализ показывает, что обоснования, приводимые педагогами о необходимости раздельного обучения, носят явно выраженный биодетерминистский характер. Например, директор одной из школ Алтайского края утверждает, что «у мальчиков и девочек, обучающихся раздельно, нейродинамические и психологические характеристики лучше, чем у детей, обучающихся в смешанных классах. У них происходит формирование типичных мужских и типичных женских качеств» [Алтайская школа внедрила раздельное обучение... , 2016]. Мнение педагогов поддерживают депутаты, журналисты. Вот один из тезисов сторонников раздельного обучения: «Программы стоит предусмотреть разные: если у мальчиков это упор на физическую подготовку, то у девочек — на семейные ценности». «Аргументы» приводятся вплоть до таких, что при половом созревании им лучше не общаться, поскольку это отрицательно сказывается на успеваемости [Раздельное обучение в российских школах... , 2016], в качестве положительного примера фигурирует опыт Российской империи по раздельному обучению. Как говорится, комментарии излишни.

Вместе с тем вызывает озабоченность, что Министерство образования и науки не обозначает свою позицию по этой важной проблеме. Между тем очевидно, что при таком социополовом подходе к обучению мальчиков и девочек практически невозможно проводить идеи о равноправном продвижении юношей и девушек в высокотехнологические профессии.

В целом, подводя итоги гендерного анализа российской государственной образовательной политики по вовлечению молодежи в STEM-профессии, можно сделать вывод, что в течение всего исследуемого периода девушки не имели

равных с юношами условий для обучения по наукоемким и технологическим специальностям. Им мешал «стеклянный потолок» в виде стереотипного представления государства, семьи и общества о «мужских» и «женских» профессиях.

Что же делать?

На обозначенный вопрос напрашивается ответ: надо действовать, создавать механизм «социального лифта» для молодых женщин в сфере передовых технологий, иначе через 10—15 лет российские женщины будут значительно уступать мужчинам по уровню доходов и возможностей для профессиональной самореализации, что, в свою очередь, негативно отразится на качестве человеческого капитала в России.

Осознавая важность проблемы для технического прогресса России и благополучия будущих поколений, государственные деятели, общественные организации, ученые все активнее обращаются к теме создания девушкам и юношам равных возможностей для овладения STEM-профессиями, с тем чтобы в последующие десятилетия они могли активно участвовать в реализации Национальной технологической инициативы. Так, в Совете Федерации под председательством заместителя Председателя Совета Федерации Г. Н. Кареловой состоялось обсуждение этой проблемы с членами инициативного комитета по продвижению женщин в систему STEM-образования. На совещании подчеркивалось, что эта тема имеет важное значение, поскольку в ближайшие годы место женщин на рынке труда «будет определяться возможностями владеть современными информационно-коммуникативными средствами, работать в сфере высоких технологий, а также соответствием уровня их подготовки современным вызовам» [Г. Карелова: STEM-программы... , 2016].

Поскольку разделение профессий на «мужские» и «женские» имеет глубокие исторические корни и поддерживается устойчивым общественным мнением, целесообразно активизировать продвижение STEM-программ по вовлечению женщин в инженерные и технологические профессии.

Прежде всего, следует отметить, что пропаганду инженерных, технологических специальностей, компьютерных технологий среди родителей и детей поздно начинать в старших классах, в этот период большинство девушек под влиянием гендерных стереотипов уже сориентированы на гуманитарные и социальные специальности. Учить детей изучать, конструировать, изобретать нужно в детском саду, а затем в школе, начиная с начального звена, не разделяя их по половому признаку. Важно подробно разъяснять и родителям, и детям важность инженерии, компьютерных технологий, химии, биологии в общественной жизни, приучать их к мысли о том, что эти профессии не менее важны и востребованны, чем любые другие.

Неслучайно сегодня все более популярными становятся игрушки системы STEM (инновационные конструкторы, наборы), которые поощряют детей мыслить нестандартно. Современные дети восприимчивы к новым технологиям, они разрабатывают компьютерные игры, запускают веб-сайты. Важно заинтересовать их творческой работой. К сожалению, в системе российского дополнительного образования техническое творчество представлено на уровнях среднего

и старшего звена и объединяет в основном мальчиков. Изменить ситуацию можно лишь при активной позиции Министерства образования и науки, региональных органов управления образованием, а также бизнеса, общественности.

Современная концепция полного среднего образования предполагает профильное обучение, и сегодня повсеместно открыты химические, технические, биологические профильные классы. Важно, чтобы девушки в этих классах были представлены наравне с юношами. В качестве возможного способа решения проблемы назовем также замену домоводства на уроках технологии в старших классах на конструирование, программирование; вовлечение девушек в STEM-центры, олимпиады по техническим дисциплинам; пропаганду среди старшеклассниц технических специальностей; учреждение именных стипендий для студенток в области технических, химических и биологических наук. Сегодня в России существует сообщество педагогов по естественно-научным дисциплинам, математике, ИКТ, робототехнике и научно-техническому творчеству [STEM-образование в России... , 2016]. Педагоги должны мотивировать не только мальчиков, но и девочек к получению образования и карьере в научно-технической сфере.

Поскольку STEM-образование напрямую связано с новым типом экономики, где основной движущей силой прогресса являются профессиональные знания мужчин и женщин, крайне важно придать проекту продвижения женщин в STEM-образование и STEM-карьере масштабный, всероссийский характер. С учетом значимости проекта это могла бы быть государственная программа, своеобразный STEM-кластер, объединяющий учебные заведения всех уровней, ученых, предприятия-партнеры, представителей бизнеса, научные и общественные организации. Общая цель такого объединения — пропаганда среди родителей, педагогов и молодежи перспективы включения девушек в образование и карьеру по наукоемким специальностям; их профессиональная подготовка по технологии инженерно-проектного обучения; создание девушкам и юношам равных условий для участия в научных состязаниях, конференциях, стажировках.

Поднятая проблема важна не только для России. STEM-образование развивается во всем мире. Следует отметить, что многие экономически развитые страны, продвигающие инженерное и технологическое образование, уделяют внимание участию женщин в этих процессах. Можно обратиться к опыту Германии, США, Великобритании, Китая по решению проблемы продвижения женщин в STEM-образование и STEM-карьере. Активную позицию занимают по этому вопросу Организация Объединенных Наций и Международная федерация женщин с университетским образованием [Модельный тренинг ООН — 2015... , 2015]. Важно не копировать зарубежный опыт, а с его учетом принимать неотложные меры по обеспечению гендерного баланса в сфере подготовки кадров по STEM-специальностям. Залог успеха — в объединении усилий органов государственного управления, педагогического и научного сообществ, бизнеса и общественных организаций.

Библиографический список

- Алтайская школа внедрила раздельное обучение мальчиков и девочек. 2016. URL: <http://altapress.ru/story/altayskaya-shkola-vnedrila-razdelnoe-obuchenie-malchikov-i-devochek-176424> (дата обращения: 04.08.2016).
- Будник Г. А. Высшее инженерно-техническое образование женщин: история и современные тенденции // Женщина в российском обществе. 2015. № 3—4. С. 37—44.
- Воробьев Н. Фабрично-заводская промышленность Советской России // Вестник статистики. 1920. № 5—8. С. 65—70.
- В России уже более 700 школ перешли на раздельное обучение мальчиков и девочек. 2009. URL: <http://www.faito.ru/news/1258619230/> (дата обращения: 04.08.2016).
- Выдающиеся женщины-ученые. 2012. URL: <http://novznania.ru/2012/07/выдающиеся-женщины-ученые/> (дата обращения: 11.09.2016).
- Г. Карелова: STEM-программы будут способствовать повышению конкурентоспособности на рынке труда. 2016. URL: http://www.council.gov.ru/events/main_themes/71478/ (дата обращения: 19.09.2016).
- Гончарова Г. Д. Период раздельного обучения в СССР в 1943—1945 гг. и его отражение в литературе и кинематографе. М.: Высш. шк. экономики, 2013. 28 с.
- Женщина в СССР. М.: Госстатиздат, 1961. 230 с.
- Женщины в СССР, 1991: статистические материалы. М.: Финансы и статистика, 1991. 63 с.
- Женщины и мужчины России, 2014. 2014. URL: http://www/gks.ru/bgd/regl/b14_50/lssWWW.exe/Stg/03-01/doc (дата обращения: 19.07.2015).
- Зайцев П. Пути к повышению зарплаты женщин // Коммунистка. 1924. № 4. С. 22—23.
- Модельный тренинг ООН — 2015. Гендерные вопросы и наука. 2015. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/240763.pdf> (дата обращения: 12.08.2016).
- Новосельский С. А. Самодеятельное население г. Петрограда по полу и главным занятиям по переписям 1920 и 1923 гг. // Бюллетень Центрального статистического управления. 1923. № 80. С. 5—14.
- О разработке и реализации Национальной технологической инициативы, об инновационном развитии информационных технологий. 2015. URL: <http://government.ru/news/18433/> (дата обращения: 05.07.2016).
- Раздельное обучение в российских школах: за и против. 2016. URL: <http://politrussia.com/society/stoit-li-perevesti-343/> (дата обращения: 04.08.2016).
- Российским женщинам платят на 30 % меньше, чем мужчинам. 2015. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2015/11/24/618007-rossiiskim-zhenshinam-platyat-30-menshe-chem-muzhchinam> (дата обращения: 18.09.2016).
- Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения за 1870—1903 гг. / изд. Д. П. Кузьменко. Смоленск, 1904. 265 с.
- Смирнова А. В. Учимся жить в обществе: гендерный анализ школьных учебников. М.: Олита, 2005. 68 с.
- Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
- Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.
- STEM-образование в России. 2016. URL: <https://plus.google.com/communities/112772614174573915788> (дата обращения: 25.09.2016).

References

- Altaïskaia shkola vnedrila razdel'noe obuchenie mal'chikov i devochek (2016) [Altai school has introduced separate education for boys and girls], available from <http://altapress.ru/story/altayskaya-shkola-vnedrila-razdelnoe-obuchenie-malchikov-i-devochek-176424> (accessed 04.06.2016).
- Budnik, G. A. (2015) Vyshee inzhenerno-tekhnicheskoe obrazovanie zhenshchin: istoriia i sovremennye tendentsii [Higher engineering education of women: the history and current trends], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 37—44.
- G. Karelova: STEM-programmy budut sposobstvovat' povysheniiu konkurentosposobnosti na rynke truda (2016) [G. Karelova: STEM-programs will enhance the competitiveness in the labor market], available from http://www.council.gov.ru/events/main_themes/71478/ (accessed 19.09.2016).
- Goncharova, G. D. (2013) *Period razdel'nogo obucheniia v SSSR v 1943—1945 gg. i ego otrazhenie v literature i kinematografe* [Separate education in the USSR in 1943—1945 gg. and its reflection in literature and cinema], Moscow: Vysshiaia shkola ekonomiki.
- Iukina, I. I. (2007) *Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge to modernity], St. Petersburg: Aleteiia.
- Khasbulatova, O. A. (2005) *Rossiiskaia gendernaia politika v XX stoletii: mify i realii* [Russia gender policy during XX century: myths and realities], Ivanovo: Ivanovo State University.
- Model'nyi trening OON — 2015. Gendernye voprosy i nauka (2015) [UN model training — 2015. Gender and Science], available from <http://www.state.gov/documents/organization/240763.pdf> (accessed 12.08.2016).
- Novosel'skiĭ, S. A. (1923) Samodeiatel'noe naselenie g. Petrograda po polu i glavnyĭ zaniatiiam po perepisiam 1920 i 1923 gg. [Working population of Petrograd by sex and the main occupations of census 1920 and 1923], *Biulleten' Tsentral'nogo statisticheskogo upravleniia*, no. 80, pp. 5—14.
- O razrabotke i realizatsii Natsional'noi tekhnologicheskoiĭ initsiativy, ob innovatsionnom razvitiĭ informatsionnykh tekhnologiiĭ (2015) [About the National Technology Initiative's development and implementation, and innovative development of information technologies], available from <http://government.ru/news/18433/> (accessed 05.07.2016).
- Razdel'noe obuchenie v rossiiskikh shkolakh: za i protiv (2016) [Separate education in Russian schools: pro and contra], available from <http://politrussia.com/society/stoit-li-perevesti-343/> (accessed 04.08.2016).
- Rossiiskim zhenshchinam platiat na 30 % men'she chem muzhchinam (2015) [Russian women are paid 30 % less than men], available from <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2015/11/24/618007-rossiiskim-zhenshinam-platyat-30-menshe-chem-muzhchinam> (accessed 18.09.2016).
- Sbornik postanovleniĭ i rasporiasheniĭ po zhenskim gimnaziiam i progimnaziiam Ministerstva narodnogo prosvetsheniia za 1870—1903 gg.* (1904) [Reports of judgments and orders at a girls' school and gymnasia Ministry of Education for 1870—1903], Smolensk.
- Smirnova, A. V. (2005) *Uchimsia zhit' v obshchestve: Gendernyiĭ analiz shkol'nykh uchebnikov* [Learning to live in the community. Gender analysis of school textbooks], Moscow: Olita.
- STEM-obrasovanie v Rossii (2016) [STEM-education in Russia], available from <https://plus.google.com/communities/112772614174573915788> (accessed 25.09.2016).

-
- V Rossii uzhe bolee 700 shkol pereshli na razdel'noe obuchenie mal'chikov i devochek (2009) [More than 700 schools in Russia have switched to separate education for boys and girls], available from <http://www.faito.ru/news/1258619230/> (accessed 04.08.2016).
- Vorob'ëv, N. (1920) Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' Sovetskoy Rossii [Factory industry of Soviet Russia], *Vestnik statistiki*, no. 5—8, pp. 65—70.
- Vydaiushchiesya zhenshchiny-uchënye (2012) [Famous women-scientists], available from <http://novznania.ru/2012/07/> (accessed 11.09.2016).
- Zaitsev, P. (1924) Puti k povysheniyu zarplaty zhenshchin [Ways to increase women's wages], *Kommunistka*, no. 4, pp. 22—23.
- Zhenshchina v SSSR* (1961) [Woman in the USSR], Moscow: Gosstatizdat.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2014 (2014) [Women and men in Russia, 2014], available from http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_50/lssWWW.exe/Stg/03-01/doc (accessed 19.07.2015).
- Zhenshchiny v SSSR, 1991: Statisticheskie materialy* (1991) [Women in the USSR, 1991: Statistical data], Moscow: Finansy i statistika.

Статья поступила 29.08.2016 г.

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В STEM-ПРОГРАММАХ
ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР
УСПЕШНОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Дискутируется значимость внедрения обучающих программ для дошкольников по освоению базовых знаний о науке, технологиях, инженерии и математике (STEM-знания) как научной основы происходящего в современном мире технологического перехода. Доказывается, что обучение дошкольников STEM-знаниям дает им большой потенциал для дальнейшего развития в начальной и средней школе. При раскрытии предмета STEM-знаний для дошкольников и гендерных аспектов его успешного преподавания делается вывод, что вместе с подготовкой и институционализацией таких обучающих программ необходимо развитие специальных знаний как у разработчиков образовательных программ, так и у воспитателей — об особенностях освоения знаний мальчиками и девочками. Учет гендерных различий должен приводить не к развитию гендерной дихотомии в образовании, а к выравниванию мотивации и позитивного отношения мальчиков и девочек к освоению STEM-знаний.

Ключевые слова: STEM, технологическое развитие, дошкольное образование, гендерное равенство, гендерные различия в дошкольном развитии, мальчики и девочки.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.3.2

*O. B. Savinskaya. Gender equality in the early STEM-education
as a factor of Russia's successful technological development*

The article discusses the importance of the implementation of educational programs for pre-school children to study the basics of science, technology, engineering and math (STEM-knowledge), as the scientific basis of development in today's world of technological transition. Overview of the current situation in preschool education shows that STEM-knowledge gives preschoolers great potential for further development in primary and secondary schools. Studies also show that boys are more likely to acquire a better knowledge of mathematics and engineering sciences, which — to a certain extent — is determined by the teachers and pupils gender stereotypes concerning pre-school education. The article deals with the subject of STEM-knowledge for preschool children and the gender dimensions of its successful teaching. The two important parts of

education policy should be implemented: development of pre-service activities or teacher training on gender analysis in STEM-programs and wider spreading of STEM-knowledge in the municipal kindergartens. Knowledge of gender differences should not lead to the development of gender dichotomy in education; on the contrary, it should lead to equal access of children to knowledge by developing motivation and positive attitudes of boys and girls to STEM-knowledge. The high importance of STEM-education is based on the fact that new information technologies and scientific approach encompass any professional activity and even everyday life of modern man.

Key words: STEM, technological development, early childhood education, gender equality, gender differences of preschoolers, girls and boys.

В современном мире за последние четверть века произошел кардинальный научно-технологический переворот благодаря развитию компьютерных и информационно-коммуникационных технологий. Этот переворот привел к новому формату человеческой жизни, пронизав новыми знаниями, умениями и технологиями как профессиональные сферы, так и рутинную повседневность. Технологический взрыв пока еще дает понять, что переход к новому технологизированному обществу не закончен, демонстрируется позитивная динамика все новых и новых открытий, их внедрения в разработку технологических новшеств. Изменения коснулись каждого, но особенно чувствительным к ним оказалось молодое поколение, наиболее активно включающееся в освоение новых, только еще разрабатываемых технологий. Это касается и дошкольного детства, которое в силу особенностей дошкольного развития человека закладывает возможности для развития в начальной и средней школе, а в перспективе — для дальнейшего шага в развитии технологий. Так, исследование Дж. Хекмана показало, что наличие и качество дошкольного образования являются существенным фактором успеха в средней школе (Heckman, 2006).

Концепция STEM как междисциплинарная интегрированная сфера знания современного человека приобретает все большее значение в экономически развитых странах. Например, в 2015 г. развитие STEM-умений у дошкольников (от рождения до 8 лет) стало приоритетной темой доклада Национальной академии наук США, который посвящен будущему национального рынка труда. В докладе утверждается, что множество исследований показывает связь между освоением STEM-навыков в дошкольном возрасте и последующим успехом в сфере информатики и технических наук в средней школе [Wolfgang et al., 2001]. Утверждается также, что начинать изучать подобные знания надо с малых лет, поскольку дети очень легко интуитивно впитывают новшества времени. Указывается, что математические знания, заложенные в дошкольном возрасте, оказываются влиятельным фактором даже при достижении успехов в высшей школе. Именно поэтому, чтобы обоснованно строить стратегию развития рынка труда, необходимо начинать с образовательных программ для дошкольников. В 2014 г. Национальная научная ассоциация учителей США признала, что дошкольники имеют прекрасные возможности учиться тому, как устроен мир, и давать этому свои объяснения.

Институционализация интегрированных знаний и умений, касающихся науки, технологий, инженерии и математики (STEM-умения), и пересмотр и рефреймирование обучающих программ в сфере основ естественных и технических наук в дошкольном образовании в России пока еще только начинаются. Вместе с тем следует признать наличие серьезной базы исследовательских методов обучения в дошкольном образовании (см., напр.: [Савенков, 2006]). Успешно стартовали и многие российские проекты дополнительного образования, но они пока касаются скорее детей дошкольного возраста и младших школьников*. Приобретают широкую известность мультсериалы, популяризирующие STEM-знания для дошкольного и младшего школьного возраста, среди которых наиболее успешны «Фиксики» и специальный сериал «Пин-код» проекта «Смешарики».

Однако образовательных программ широкого профиля, интегрированно затрагивающих STEM-знания, которые бы массово внедрялись в детских садах, пока не имеется. Традиционно считающаяся успешной российская математическая подготовка дошкольников, включающая азы по освоению логики и счета (см., напр.: [Колесникова 2015, Шевелев, 2015]), пока еще остается вне осмысления и привязки к компьютерным технологиям в современном мире и не показывает, как освоенные азы могут быть применены дошкольниками на практике как в игре, так и при реализации быденных потребностей детей — общении он-лайн с родственниками, друзьями или определенными организациями, которые предоставляют нужные дошкольнику сервисы (покупка новой игрушки, запись на прием к врачу). Или же как IT-технологии помогают в создании и распространении видеоролика, рассказывающего о новой поделке или рисунке дошкольника.

Пребывание ребенка в дошкольном учреждении сопряжено со многими обучающими и воспитательными практиками [Савинская, 2015], а также с практиками ухода, которые предполагают ситуации, когда STEM-знания косвенно оказываются значимыми для понимания и успешного освоения дошкольником. Скажем, во время принятия пищи может возникнуть ситуация обсуждения еды, традиционных технологий ее производства и приготовления, с одной стороны, и ее роли для благополучия человека — с другой. Примеры можно найти в практиках прогулок, занятий музыкой и физкультурой и, конечно же, игр детей и использования ими игрушек. Такие наблюдения и рассуждения в ходе проживания быденных практик в детском саду дают детям понимание, что STEM-умения конструируют их жизнь, они необходимы буквально каждому современному человеку. Вынесение технологических знаний из «башни слоновой кости» или из отдельных занятий, чаще всего входящих в систему дополнительного образования, в быденную жизнь, протекающую в обычном детском саду, важно для повышения мотивации любого дошкольника получать такие знания и умения. Образовательный маршрут и интересы ребенка могут сильно различаться, однако знания о технологиях могут быть полезны везде.

---

* В качестве примера можно привести проекты фонда «Вольное дело» по развитию знаний и умений детей в сфере робототехники (URL: <http://www.russianrobotics.ru>; <http://volnoe-delo.ru/directions/education/robototekhnika/> (дата обращения: 26.08.2016)).

Узость применения математики сформировала стереотипное представление о том, что математика больше подходит мальчикам, именно они становятся призерами олимпиад и далее показывают более высокие достижения в технических вузах. Удивительно, что эти стереотипы формируются в основном женщинами, поскольку именно женщины чаще всего являются учителями математики [Weilock, 2010], не говоря уже о воспитателях детских садов и других специалистах, проводящих занятия с дошкольниками. Применение гендерного подхода к изучению сложившейся ситуации в дошкольном образовании необходимо для того, чтобы подробнее изучить, каким образом формируются образовательные стереотипы в отношении успехов девочек и мальчиков и как они постепенно задают рамки для их индивидуальных образовательных маршрутов и повышения мотивации к обретению STEM-умений.

Гендерный подход к развитию обучающих технологий

Ф. Джексон одним из первых обратил внимание на целостность образовательного процесса и скрытых культурных практик, протекающих в пространстве класса. В работе «Жизнь в классной комнате» [Jackson, 1968] он описал школьную повседневность и предложил термин «скрытый учебный план», который отражает то, как материал учебников, а также общение во время уроков и на переменах конструирует рамки образовательных интересов девочек и мальчиков и различия в их образовательной направленности. Е. Р. Ярская-Смирнова [Ярская-Смирнова, 2001], используя термин «скрытый учебный план», описала российскую специфику гендеризации образования в средней школе: как в системе образования формируются гендерные стереотипы и как институт школы влияет на усвоение ребенком его половой принадлежности и соответствующих моделей поведения.

В дошкольном образовании в той модели, которая была сформирована в России за советский период, многие обучающие практики осознанно создавались не только на занятиях, похожих на уроки в школе, — в соответствии с идеями Л. С. Выготского [Выготский, 2005] и других основателей современной детской педагогики. Однако именно этот подход, признающий то, что развитие дошкольника более успешно, когда новые знания он тут же применяет на практике в игровой форме, осваивая окружающую действительность, или же получает знания в контексте практической проблемной ситуации, еще более подтверждает значимость учета гендерных стереотипов и гендерных ролей, которые конструируются в процессе развивающей деятельности в детском саду. Так, контексты проблемной ситуации должны всегда учитывать уже сложившиеся интересы мальчиков и девочек и в деятельности по созданию новых интересов реформировать гендерную сегрегацию интересов детей. Например, мальчики и девочки имеют разную увлеченность ролевыми профессиональными играми: мальчики больше играют в пожарных и водителей автомобилей, девочки — в учителей, врачей, ветеринаров. Учитывая это, воспитателю, реализующему образовательную программу STEM, во-первых, важно создавать проблемные ситуации, раскрывающие необходимость применения новых технологий в профессиях, в которые играют и мальчики и девочки. Во-вторых, в компетенцию воспитателя также должно входить умение расширять ролевые предпочтения детей:

включаться в игру и объяснять на языке дошкольника, в чем особые преимущества выбора каждой из профессий.

Примеров такого рода методических разработок в современной российской педагогике нам найти не удалось. Обзор педагогической литературы скорее приводит к выводу о том, что распространение знаний о гендерном подходе в российской педагогике чаще закрепляет гендерные стереотипы. Так, гендерный подход применяется для изучения условий смешанного и отдельного обучения мальчиков и девочек. Один из авторов работ этого направления, В. Е. Каган, утверждает, что образование как социальный институт должно воспитывать в детях правильные представления о женственности и мужественности, которые помогут им лучше адаптироваться в обществе и в дальнейшем выбрать соответствующую профессиональную стратегию. Именно в дошкольном возрасте (4—7 лет) у детей начинает формироваться гендерная идентичность, которая закрепляет за ними нормы поведения и личностные качества, свойственные мужчинам и женщинам. Поэтому отдельное обучение лучше воспитывает у детей полоролевые нормы и определяет вектор развития личности как мужчины и как женщины. Также делается акцент на том, что в дошкольном возрасте дети скорее усваивают гендерные нормы поведения, а не личностные качества [Каган, 2000].

С. Е. Кувшинова [Кувшинова, 2013], описывая становление гендерной идентичности у дошкольников, утверждает, что гендер в дошкольном возрасте представляет собой неокрепший социальный конструкт, который родителям и воспитателям необходимо направлять в правильное русло, чтобы ребенок сохранял свою индивидуальность, не нарушая при этом полоролевых ожиданий общества. Этот тезис полностью противоречит тезису С. Бем, чья книга «Линзы гендера» [Бем, 2004] стала учебным пособием по социологии и педагогике во многих странах. Она подробно показывает, как происходит социализация детей дошкольного и школьного возраста и как усваиваются рамки нормативных представлений о мужественности и женственности. В разных культурах эти представления различаются, что и говорит об их относительности. С. Бем приходит к противоположному выводу: необходимо в большей степени делать акцент на индивидуализацию ребенка и расширение представлений о гендерных нормах, чтобы эти представления не мешали детям находить свою индивидуальность и уникальную идентичность как в жизни, так и в будущей профессии.

Рассмотрим подробнее, каким образом может быть реализован принцип равного вовлечения мальчиков и девочек в программы по обучению дошкольников STEM-навыкам.

STEM как междисциплинарный предмет дошкольного образования

Как было сказано, сфера STEM предполагает интеграцию четырех аспектов. Математика на данный момент признается базовой дисциплиной, позволяющей развивать логику и аргументирование, абстрактное мышление. С ее освоением у будущих школьников возникает больше возможностей для перехода к виртуальному компьютеризированному миру, умение переключаться от виртуального к реальному миру и наоборот. В России традиционно сложилось широкое поле программ обучения математике, однако следует признать, что гендерный анализ учебников или того, насколько они мотивируют мальчиков и девочек к занятиям

математикой и ее применению в тех сферах жизни, которые им представляются интересными, пока систематически не проводится. Именно это следовало бы прежде всего сделать для успешного выравнивания мотивации девочек и мальчиков к занятиям математикой. Кроме того, это направление требует разработки специальных программ по повышению квалификации воспитателей.

Естественно-научный подход и исследовательские методы обучения, воплощенные в проблемно-ориентированную педагогику, также задают хорошую базу для реализации интегрированной программы по STEM-знаниям. А. И. Савенков [Савенков, 2005, 2006] и другие педагоги в своих методиках исходят из того, что дети — это прирожденные исследователи. Они умеют задавать вопросы и пытливо ищут на них ответы. Знакомство с алгоритмами исследовательской деятельности систематизирует их любознательность, дает им больше возможностей открывать новое. Необходимо делать акцент на широте применения методологии исследования, показывать, как исследовательская деятельность может охватывать самые разные стороны человеческой жизни и профессий. Например, исследование свойств химических веществ важно и для создания новых материалов в строительстве, и для получения нового текстиля, что в свою очередь влияет на тенденции в моде или на создание новых лекарств для лечения животных.

Если математика и наука являются базовыми фундаментальными знаниями, то технологии и инженерия — это их применение, и здесь больше стоит говорить о развитии умений применять имеющиеся знания, интерпретировать результаты исследования, пробовать применить результаты на практике, увидеть в реальной жизни выполнение научных законов, разработать дизайн материальных предметов, помогающих усовершенствовать жизнь. Педагоги утверждают, что для успешного синтезирования математики и инженерии в жизни дошкольника уроки должны носить все более неформальный характер [Clements, Sarama, 2014], быть вписаны в игровую деятельность ребенка, в его сюжетно-ролевые игры, в творческое взаимодействие со взрослыми, тогда он сумеет «врастить», согласно Выготскому, полученное знание. Ребенок в дошкольном возрасте — это не только исследователь, но еще и прирожденный испытатель. С первого года жизни он пробует вещи на вкус, бросает, трясет, поднимает, разглядывает игрушки и исследует их свойства. Экспериментированию также посвящен ряд работ педагогов, к примеру, каким образом стоит проводить опыты с дошкольниками (см. напр.: [Кумсковская, Совгир, 2003; Дыбина и др., 2002]). Вместе с тем если математика и научный подход имеют согласованное продолжение в начальной школе, то технология и инженерия — нет. «Технология», которая предлагается начальной школе, скорее нацелена на копирование образцов и дает меньше возможностей для конструирования и изобретения чего-то нового в соответствии со сложившейся проблемной ситуацией.

Замечательным примером материала для развития инженерных навыков может быть серия «Техникс» корпорации «LEGO». Она позволяет изучать самые разные элементы машины, выполняющие различные функции для ее движения. Однако заинтересованность в изучении работы машин имеется не у всех мальчиков, не говоря уже о девочках. Чтобы расширить возможности для нахождения индивидуальных маршрутов освоения STEM-знаний для мальчиков и девочек, необходимо разработать подобного рода развивающий дидактический

материал, открывающий мир других профессиональных сфер человека. Здесь появляется широкий простор для применения компьютерных технологий для разработки обучающих детских игр. Они будут более эффективны, если будут основываться на принципе разнообразия предпочтений и гибком подстраивании интерфейса под интересы мальчиков и девочек, а также на вовлечении их в расширение своих интересов. В рамках занятий технологиями также было бы уместно изучение социальных сетей и других технологий современной коммуникации и конструирования социального и обсуждение того, для каких целей эти технологии оказываются полезными и какие опасности они таят.

Описанные выше примеры очерчивают лишь в общих чертах возможные темы для разработки курсов по STEM-знаниям для дошкольников. Еще одна важная тема, которая здесь могла бы синтетически быть встроенной, это баланс профессиональной и семейной жизни. Девочки уже в дошкольном возрасте стараются примерить роль матери, играя в «дочки-матери». В ход этой игры можно встраивать обучающие диалоги и проективное ролевое исполнение ситуаций, в которых современные технологии позволяют мальчикам и девочкам совмещать профессию и родительские обязанности, выравнивая их гендерные роли и смягчая нормативные представления о границах принятого поведения.

Заключение

Современные рынки труда кардинально изменяются, отвечая возникающим вызовам и формируя новую повестку дальнейшего развития общества. STEM-умения начинают приобретать все большую значимость как конкурентное преимущество на рынках труда, входя в качестве минимальных профессиональных компетенций почти во все сферы занятости. При создании облика будущих профессий систематический анализ равного вовлечения мужчин и женщин — один из ключевых для успешного технологического перехода.

Как показывает практика, STEM-умения начинают формироваться в раннем возрасте, и потому они должны стать частью образовательных программ для дошкольников и способствовать достижению основной цели дошкольного образования, обозначенной в федеральном стандарте в п. 1.5.2 — обеспечение государством равенства возможностей для каждого ребенка в получении качественного дошкольного образования [Федеральный государственный образовательный стандарт... , 2013].

Библиографический список

- Бем С. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН, 2004. 336 с.
- Выготский Л. С. Проблема культурного развития ребенка // Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл: Эксмо, 2005. С. 191—207.
- Дыбина О. В., Рахманова Н. П., Щетинина В. В. Неизвестное рядом. М.: Сфера, 2002. 111 с.
- Каган В. Е. Когнитивные и эмоциональные аспекты гендерных установок у детей 3—7 лет // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 66—69.

- Колесникова Е. В. Я считаю до пяти: математика для детей 4—5 лет. М.: Сфера, 2015. 64 с.
- Короткова Н. А. Организация познавательной-исследовательской деятельности детей старшего дошкольного возраста // Ребенок в детском саду. 2001. № 6. С. 42—47.
- Кувшинова С. Е. Гендерное воспитание в дошкольном возрасте: как влияет гендерное воспитание на детей дошкольного возраста? // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2013. № 1. С. 22—25.
- Кумсковская И. Э., Совгир Н. Н. Детское экспериментирование. М.: Пед. о-во России, 2003. 80 с.
- Савенков А. И. Методика проведения учебных исследований в детском саду. Самара: Учеб. лит., 2005. 30 с.
- Савенков А. И. Исследовательские методы обучения в детском саду // Дошкольное воспитание. 2006. № 1. С. 21—30.
- Савинская О. Б. Родительская оценка услуг детского сада: ценность воспитания и обучения: (на примере г. Москвы) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18, № 2. С. 115—129.
- Шевелев К. В. Развитие математических способностей у дошкольников. М.: Ювента, 2015. 48 с.
- Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования: приложение // Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 17 октября 2013 г. № 1155, г. Москва. URL: <http://base.garant.ru/70512244/> (дата обращения: 26.08.2016).
- Ярская-Смирнова Е. П. Гендерная социализация в системе образования: скрытый учебный план // Личность и свобода. Саратов: Гос. пед. ин-т, 2001. С. 192—195.
- Beilock S. L., Gunderson E. A., Ramirez G., Levine S. C. Female teachers' math anxiety affects girls' math achievement // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2010. № 107 (2). P. 1860—1863.
- Clements D. H., Sarama J. *Learning and Teaching Early Math: the Learning Trajectories Approach*. New York (NY): Routledge, 2014. 327 p.
- Heckman J. J. Skill formation and the economic of investing in disadvantaged children // *Science*. 2006. № 312 (6). P. 1900—1902.
- Jackson Ph. W. *Life in Classrooms*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1968. 183 p.
- Wolfgang C., Stannard L., Jones I. Block play performance among preschoolers as a predictor of later school achievement in mathematics // *Journal of Research in Childhood Education*. 2001. № 15. P. 173—180.

References

- Beilock, S. L., Gunderson, E. A., Ramirez, G., Levine, S. C. (2010) Female teachers' math anxiety affects girls' math achievement, in: *Proceedings of the National Academy of Sciences*, no. 107 (2), pp. 1860—1863.
- Bem, S. (2004) *Linzy gendera: Transformatsiia vzgliadov na problemu neravenstva polov* [Gender lens: Views transformation on gender equality problem], Moscow: ROSSPĖN.
- Clements, D. H., Sarama, J. (2014) *Learning and Teaching Early Math: The Learning Trajectories Approach*, New York, NY: Routledge.
- Dybina, O. V., Rakhmanova, N. P., Shchetinina, V. V. (2002) *Neizvestnoe riadom* [Undiscovered is around], Moscow: Sfera.

- Heckman, J. J. (2006) Skill formation and the economic of investing in disadvantaged children, *Science*, no. 312 (6), pp. 1900—1902.
- Jackson, Ph. W. (1968) *Life in Classrooms*, New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Kagan, V. E. (2000) Kognitivnye i émotSIONal'nye aspekty gendernykh ustanovok u detei 3—7 let [Cognitive and emotional aspects of 3—7-aged children's gender attitudes], *Voprosy psikhologii*, no. 2, pp. 66—69.
- Kolesnikova, E. V. (2015) *Ja schitaiu do piati: Matematika dlia detei 4—5 let* [I'm counting till five: Maths for 4—5-aged children], Moscow: Sfera.
- Korotkova, N. A. (2001) Organizatsiia poznavatel'no-issledovatel'skoï deiatel'nosti detei starshego doshkol'nogo vozrasta [Organization of research activity for children of pre-school age], *Rebenok v detskom sadu*, no. 1, pp. 42—47.
- Kumskovskaia, I. É., Sovgir, N. N. (2003) *Detskoe éksperimentirovanie* [Child experimentation], Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii.
- Kuvshinova, S. E. (2013) Gendernoe vospitanie v doshkol'nom vozraste: kak vliiaet gendernoe vospitanie na detei doshkol'nogo vozrasta? [Gender socialization and education in early ages: how gender socialization involves on early children?], *Munitsipal'noe obrazovanie: innovatsii i éksperiment*, no. 1, pp. 22—25.
- Savenkov, A. I. (2005) Metodika provedeniia uchebnykh issledovaniï v detskom sadu [Methodology of educational research in kindergarten], Samara: Uchebnaia literatura.
- Savenkov, A. I. (2006) Issledovatel'skie metody obucheniya v detskom sadu [Educational research methods in a kindergarten], *Doshkol'noe vospitanie*, no. 1, pp. 21—30.
- Savinskaia, O. B. (2015) Roditel'skaia otsenka uslug detskogo sada: tsennost' vospitaniia i obucheniia: (Na primere g. Moskvy) [The parents evaluation of kindergarten service: the values of education and socialization: (On the example of Moscow)], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 18, no. 2, pp. 115—129.
- Shevelev, K. V. (2015) *Razvitie matematicheskikh sposobnostei u doshkol'nikov* [Development of math capacities of preschoolers], Moscow: Iuventa.
- Vygotskiï, L. S. (2005) Problema kul'turnogo razvitiia rebënka [The problem of cultural child development], in: Vygotskiï, L. S., *Psikhologiya razvitiia cheloveka*, Moscow: Smysl, Éksmo, pp. 191—207.
- Wolfgang, C., Stannard, L., Jones, I. (2001) Block play performance among preschoolers as a predictor of later school achievement in mathematics, *Journal of Research in Childhood Education*, no. 15, pp. 173—180.
- Yarskaia-Smirnova, E. R. (2001) Gendernaia sotsializatsiia v sisteme obrazovaniia: skrytyï uchebnyi plan [Gender socialization in the system of education: hidden curricula], in: *Lichnost' i svoboda*, Saratov: Gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, pp. 192—195.

Статья поступила 26.08.2016 г.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА
РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Представлены результаты социологических исследований, проводившихся Всероссийским центром изучения общественного мнения в период с 1991 по 2016 г. Рассматриваемые данные свидетельствуют о том, что достижение высокого профессионального статуса или получение привлекательного места работы по завершении обучения для женщины связано (и прежде всего в технологической сфере) с необходимостью преодоления сформированных стереотипов восприятия ее традиционной роли в общественной системе.

Ключевые слова: гендерные роли, профессиональная самореализация, равенство прав, занятость женщин, профессиональный статус, технологические процессы.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.3.3

*E. A. Mikhaylova. Implementation of professional capacity
of Russian women: sociological dimension*

Analysis of all Russian public opinion polls conducted by Russian Public Opinion Research Centre in the period from 1991 to 2016, indicates the presence of significant changes in the system of distribution of social roles that have occurred over the last quarter century in Russia. However, it turns out that public stereotypes that women are less competitive in the labour market, are forced out rather slowly.

The sphere of technology could serve as an example of the area closed to most women. Thus, the majority of Russians (60 %) continue to hold the view that technological specialities are the prerogative of the male sex.

Major barriers arise precisely at the stage of professional development when the gender imbalance and scepticism on the part of the professional environment are perceived by women as indicative of futility.

The maximum effective realization of women's potential as economic agents under the conditions when the country feels the need to mobilize domestic resources, is an important strategic task.

Key words: gender roles, professional self-realization, equal rights, women's employment, occupational status, processes.

В условиях рыночной экономики проблемы распределения гендерных ролей, гендерного равноправия в социально-трудовой сфере продолжают оставаться одними из наиболее актуальных.

За последние 25 лет наблюдается значимая позитивная динамика в решении вопросов, связанных с обеспечением возможностей для самореализации женщин. Если в 1991 г. относительное большинство (48 %) жителей страны придерживались точки зрения, что у женщин меньше шансов устроиться на работу по специальности после окончания учебы, то в 2016-м большинство россиян (56 %) ¹ говорят о равенстве возможностей. Тем не менее стереотип, что женщина является менее конкурентоспособной на рынке труда, из общественного сознания вытесняется достаточно медленно. Только 40 % россиян оценивают шансы женщин на трудоустройство по специальности после окончания вуза однозначно как равные с шансами мужчин, в то же время 36 % ответов носят негативную окраску (рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, имеют женщины одинаковые шансы с мужчинами устроиться на работу по специальности после окончания учебы или нет?», %

В целом женщины более критично определяют ситуацию: если 61 % мужчин расценивают шансы представителей разных гендерных групп на рынке труда как равные («скорее согласны» с этой точкой зрения или «полностью согласны»), среди женщин данный показатель составляет 53 %. Наиболее чувствительно воспринимается уязвимость женщин в профессиональной сфере жителями городов с численностью до 100 тыс. человек и проживающими в сельской местности (40 % ответов с негативной тональностью) — там, где вариативность выбора существенно ниже, чем в крупных городах. Почти каждый третий молодой человек в возрасте от 18 до 34 лет (29 %) сомневается, что выпускницы высших учебных заведений при поиске работы не столкнутся с дискриминацией по гендерному признаку (табл. 1).

¹ По данным всероссийского опроса ВЦИОМ, проводившегося 5—6 февраля 2016 г. в 130 населенных пунктах, расположенных в 46 областях, краях и республиках и 9 федеральных округах России. Объем выборки 1600 человек. Выборка репрезентирует население РФ в возрасте 18 лет и старше по полу, возрасту, образованию, типу населенного пункта; является многоступенчатой стратифицированной с пошаговым отбором домохозяйств, с применением квот на последнем этапе отбора. Максимальный размер ошибки (с учетом эффекта дизайна) с вероятностью 95 % не превышает 3,5 %. Метод опроса — личные формализованные интервью по месту жительства респондента.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, имеют женщины одинаковые шансы с мужчинами устроиться на работу по специальности после окончания учебы или нет?» по полу, возрасту и уровню образования респондентов (2016 г.), %

Социально-демографические характеристики	Да; чаще да, чем нет	Чаще нет, чем да; нет	Затрудняюсь ответить
Пол:			
мужской	60	31	8
женский	53	40	8
Возраст, лет:			
18—24	69	30	1
25—34	67	29	5
35—44	60	33	7
45—59	54	38	8
60 и старше	39	46	15
Образование:			
неполное среднее	44	45	10
среднее	55	38	7
среднее специальное	56	35	10
высшее	60	34	6

Различия в восприятии гендерных ролей в разнообразных сферах базируются прежде всего на укоренившихся представлениях о роли женщин в обществе, несмотря на активную трансформацию этих представлений. Большинство россиян признают, что с точки зрения декларируемых и закреплённых на нормативном уровне требований в современном российском обществе женщинам во всех отраслях предоставляются равные права с мужчинами. Проблемы возникают скорее на этапе реализации формального права.

В современной России мужчины и женщины имеют равные возможности получения образования — такой точки зрения придерживаются 90 % респондентов (табл. 2)². При этом значимых различий в оценке доступности образования представителями разных гендерных и возрастных групп не выявлено. Наиболее существенные отклонения от общероссийского показателя наблюдаются в Дальневосточном федеральном округе, где 13 % убеждены в наличии у мужчин преимуществ в образовательной сфере, что обусловлено высоким миграционным потенциалом и традиционно более высокой мобильностью мужской части населения (не видят особых различий между гендерными группами в данной сфере 82 %

² По данным всероссийского опроса ВЦИОМ, проводившегося 14—15 февраля 2015 г. в 130 населённых пунктах, расположенных в 46 областях, краях и республиках и 9 федеральных округах России. Объём выборки 1600 человек. Выборка репрезентирует население РФ в возрасте 18 лет и старше по полу, возрасту, образованию, типу населённого пункта; является многоступенчатой стратифицированной с пошаговым отбором домохозяйств, с применением квот на последнем этапе отбора. Максимальный размер ошибки (с учетом эффекта дизайна) с вероятностью 95 % не превышает 3,5 %. Метод опроса — личные формализованные интервью по месту жительства респондента.

жителей округа). Однако реализовать право на трудоустройство в профессиональной сфере женщины могут не всегда. 19 % россиян полагают, что в этом случае мужчины имеют больше преимуществ, чем женщины (и здесь речь идет не только о молодых специалистах, а обо всех трудоспособных возрастных группах).

В то время как только 14 % мужчин готовы признать, что имеют больше возможностей для отдыха, среди женщин каждая пятая (20 %) заявляет, что мужчины находятся в более выгодном положении с точки зрения реализации этого права. Тем не менее в молодежной среде (возрастная группа от 18 до 24 лет) различия менее ощутимы: только 12 % считают, что мужчины пользуются большими правами, 7 % убеждены в обратном (утверждают, что у женщин имеется больше возможностей для свободного времяпрепровождения). Наиболее критично воспринимают гендерное неравенство по данной позиции специалисты с высшим образованием, занятые в бюджетной сфере: каждый третий представитель такой группы полагает, что мужчины пользуются в этом случае преимуществами. Бюджетные организации являются коллективами, формирование нормативных систем в которых осуществлялось многие десятилетия назад, а распределение ролевых функций и нормативных образцов поведения реализуется посредством преемственности поколений, низкой мобильности кадров (и прежде всего стабильной занятости в таких организациях представителей старших возрастных групп). Сопоставимы с этими оценками и распределения ответов на вопрос о равенстве возможностей в получении зарплаты, соответствующей объему трудового вклада: 75 % опрошенных считают их равными (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, равны или не равны права мужчин и женщин в различных сферах жизни в современной России?» (2015 г.), %

Сфера жизни	Одинаковые права	У мужчин больше прав	У женщин больше прав	Затрудняюсь ответить
Получение образования	90	6	2	2
Работа по профессии	76	19	2	2
Получение зарплаты в соответствии с количеством и качеством труда	75	20	2	3
Проведение свободного времени, отдых	76	17	4	3
Распределение семейных обязанностей	67	16	12	5
Участие в общественной и политической жизни	74	19	2	5

Эгалитаризм в большей степени присущ семьям, проживающим в Москве и Санкт-Петербурге. Здесь 74 % респондентов не видят особых различий в распределении семейных ролей между мужчинами и женщинами. В остальных регионах обычно в семьях определяется лидер, принимающий решения и устанавливающий ролевые функции внутри семьи. Несколько чаще, в 16 % случаев, в качестве такого лидера называется мужчина (считают, что женщины играют главную роль при распределении внутрисемейных функций, 12 % россиян).

Наиболее выражено тяготение к воспроизводству традиционного семейного уклада в регионах Северного Кавказа, где только 58 % респондентов декларировали свою приверженность гендерному равенству в вопросах распределения семейных обязанностей, в то время как каждый четвертый (24 %) отдал пальму первенства в этих вопросах мужчинам.

Возвращаясь к сфере трудовых отношений, необходимо отметить, что за прошедшую четверть века значимо выросла доля несогласных с мнением, что женщины «невыгодные» работники и руководство предприятия старается избавиться от них (64 % против 48 в 1991 г.) (рис. 2). Справедливым данное суждение считают 28 % россиян, а среди женщин этот показатель составляет 32 %. В то же время в группе занятых домашним хозяйством и находящихся в декретном отпуске или отпуске по уходу за ребенком рассматриваемый показатель достигает максимального значения — 38 %, что зачастую приводит к стигматизации, формированию пассивных моделей участия в сфере производственных отношений (табл. 3).

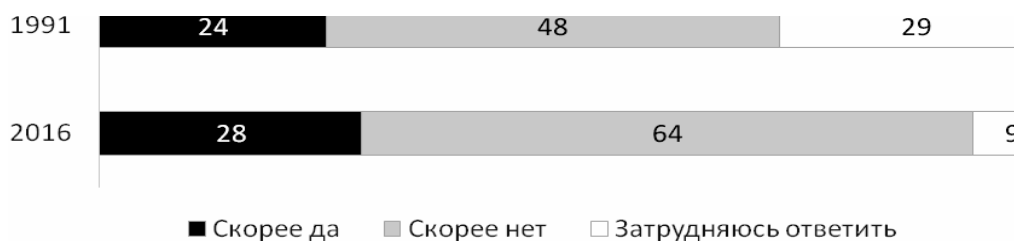

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Справедливо или нет суждение, что женщины «невыгодные» работники и руководство предприятия старается избавиться от них?», %

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Справедливо или нет суждение, что женщины «невыгодные» работники и руководство предприятия старается избавиться от них?» по полу, возрасту и уровню материального положения респондентов (2016 г.), %

Социально-демографические характеристики	Скорее да	Скорее нет	Затрудняюсь ответить
Пол:			
мужской	22	67	11
женский	32	62	6
Возраст, лет:			
18—24	22	70	8
25—34	22	72	6
35—44	24	69	7
45—59	29	61	9
60 и старше	37	52	11
Материальное положение:			
хорошее	18	76	6
среднее	27	63	10
плохое	35	58	7

Важнейшим результатом последних десятилетий стало отстаивание женщинами в глазах общества права на активное участие в бизнес-процессах. В то же время 93 % россиян не отрицают, что женщины могут успешно заниматься предпринимательством, признавая их высокий потенциал как активных участников системы экономических отношений (среди самих женщин данный показатель несколько ниже — 88 %) (табл. 4). В 1991 г. лишь 57 % жителей страны допускали, что женщины могут вполне успешно осуществлять предпринимательскую деятельность (рис. 3).

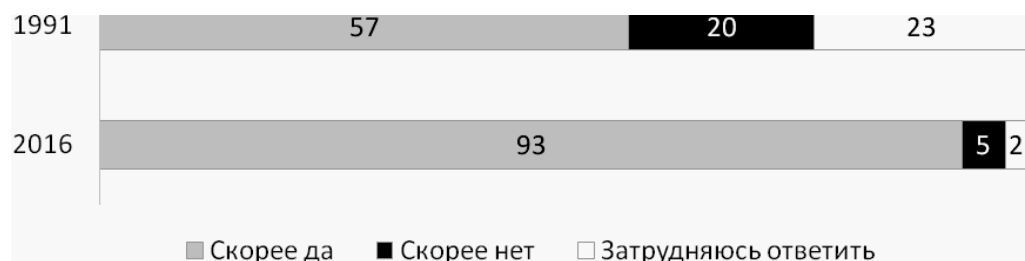

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, могут ли женщины успешно заниматься предпринимательством?», %

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, могут ли женщины успешно заниматься предпринимательством?» по полу, возрасту и типу населенного пункта, в котором проживают респонденты (2016 г.), %

Социально-демографические характеристики	Скорее да	Скорее нет	Затрудняюсь ответить
Пол:			
мужской	92	4	3
женский	93	5	2
Возраст, лет:			
18—24	89	9	2
25—34	93	5	2
35—44	94	4	2
45—59	94	4	2
60 и старше	92	4	4
Тип населенного пункта:			
Москва и Петербург	92	7	1
миллионники	94	4	2
крупные города	97	3	0
средние города	93	5	2
малые города	95	3	2
села	89	6	5

Рассматривая наиболее значимые изменения в вопросах обеспечения равенства возможностей для женщин, достигнутые за последние 15 лет, можно

констатировать, что далеко не во всех сферах трансформации гендерных ролей воспринимаются как очевидные. Кроме того, по ряду направлений ощущается ухудшение ситуации: в настоящее время женщинам сложнее достигать поставленных целей. Если в образовательной сфере, в бизнес-среде им стало легче пробивать себе дорогу, а развитие технологий, сервисов и услуг облегчило решение вопросов, касающихся ведения хозяйства и ухода за собой, то в основных сферах самореализации (профессиональная, связанная с созданием семьи, воспитанием детей) женщины в последние годы испытывают больше трудностей (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Как изменились возможности российских женщин за последние 10—15 лет?» (2015 г.), %

Возможности	Стало легче	Стало труднее	Не изменились	Затрудняюсь ответить
Получить желаемое образование	42	28	24	6
Найти работу	31	48	16	5
Устроить личную жизнь	28	42	22	7
Растить и воспитывать детей	26	50	18	6
Занять руководящую должность	34	38	19	9
Реализовать себя в бизнесе, политике, общественной деятельности	40	34	18	8
Следить за своей внешностью и здоровьем	53	25	16	5
Вести домашнее хозяйство	46	30	20	4
Уберечься от насилия	24	41	23	12

Так, говоря о возможностях для получения образования, 42 % россиян отметили, что за последние 10—15 лет ситуация изменилась в лучшую сторону. В наиболее сложном положении оказались представители самых низкообеспеченных слоев населения (*Мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты*). В этой группе 51 % респондентов придерживаются точки зрения, что женщинам стало труднее за последние годы реализовывать свое право на получение образования. Превалируют негативные оценки динамики ситуации и в Уральском и Приволжском федеральных округах, где 44 и 35 % соответственно дали аналогичный ответ.

Ситуация с трудоустройством женщин воспринимается почти каждым вторым россиянином как ухудшающаяся (48 %). Что же касается динамики ситуации, связанной с возможностями занять руководящую позицию, то мнения по данному вопросу разделились. Наиболее значимые различия наблюдаются в оценках, которые давали представители разных гендерных групп: в то время как в ответах мужчин с незначительным перевесом доминировали позитивные оценки (38 % при 34 негативных), среди женщин более распространенным (41 %) являлось убеждение, что за последние 10 лет им стало труднее добиваться руководящих должностей. Наиболее радужные перспективы карьерного роста открываются перед женщинами Москвы и Санкт-Петербурга: 59 % жителей этих городов полагают, что сегодня женщинам гораздо проще занять руководящую должность.

Самореализация женщин неразрывно связана с созданием семьи и воспитанием детей. И именно в данных сферах доминируют негативные тренды. Так, 42 % респондентов считают, что женщинам за последние 10—15 лет стало труднее устраивать личную жизнь (при этом среди мужчин данный показатель составляет 39 %, среди женщин — 45 %). Наиболее чувствительны к проблемам, касающимся создания семьи, жители Сибирского и Уральского федеральных округов (50 и 60 % соответственно негативно оценивают изменения, связанные с возможностями женщин устроить личную жизнь).

Воспринимаются преимущественно как ухудшившиеся возможности российских женщин для воспитания детей — такой точки зрения придерживается каждый второй россиянин (и лишь 26 % считают, что женщинам стало легче растить детей). Единственную группу, где положительные оценки преобладают над негативными, составляют жители Северо-Западного региона (38 % полагают, что женщинам стало легче в вопросах воспитания детей, 34 % респондентов придерживаются противоположной точки зрения).

Настораживают ответы респондентов, указывающие на ухудшение ситуации, связанной с возможностями уберечься от насилия. 41 % респондентов отмечают, что женщинам стало труднее избегать таких случаев. Наиболее выраженная негативная динамика наблюдается в Приволжском и Уральском федеральных округах (52 и 63 %).

Несмотря на присутствие женщин практически во всех социально-экономических отраслях, 50 % россиян затруднились с определением персоны, которую можно было бы назвать символом современной России. Еще 27 % считают, что среди публичных россиянок достойные этого звания отсутствуют. В рейтинге женщин, которые были названы в числе олицетворяющих современную Россию, доминируют политики (В. Матвиенко — 5 %, И. Хакамада — 1 %), спортсмены (А. Кабаева — 1 %), творческие деятели (А. Пугачёва — 3 %, Ч. Хаматова — 1 %), летчица-космонавт В. Терешкова (3 %). В перечне фамилий, указанных россиянами, полностью отсутствуют фамилии женщин, занимающихся собственным бизнесом, осуществляющих инновационную деятельность или же представляющих фундаментальную науку. В общественном сознании образ современной успешной женщины формируется под воздействием СМИ: создаваемые модели поведения ориентированы на личности, которые активно продвигаются в информационном пространстве. Однако образ женщины, наравне с мужчиной участвующей в развитии приоритетных отраслей экономики, скорее декларируемый, формализованный, не подкрепленный в общественном сознании убедительными примерами.

В целом можно констатировать, что за период становления российской государственности наблюдается позитивная динамика в области обеспечения равенства гендерных прав и возможностей, предоставляемых женщинам в разных сферах общественной жизни. Тем не менее процессы активной трансформации ряда ключевых социальных институтов, а также напряженная экономическая ситуация формируют угрозы нивелирования достигнутых изменений. Негативные тенденции в некоторых социально значимых и наиболее важных с точки зрения самореализации женщин отраслях свидетельствуют об актуальности внедрения институционализированных форм их поддержки в тех сферах, где они чувствуют себя наиболее уязвимыми. Кроме того, существует потребность в реализации региональных

программ поддержки женщин с учетом специфических запросов целевых аудиторий (и прежде всего в Приволжском и Уральском федеральных округах, характеризующихся явно выраженными негативными трендами развития ситуации по фактору распределения гендерных ролей в системе общественного воспроизводства).

Особой, наиболее закрытой для женщин продолжает оставаться технологическая сфера. Так, большинство россиян (60 %) продолжают придерживаться точки зрения, что технические специальности — это прерогатива мужского пола, при этом наблюдается сохранение тренда и в молодежной среде. И лишь в Москве и Санкт-Петербурге, характеризующихся высокой инновационной активностью, постепенно удается переломить стереотипы: здесь доля несогласных с суждением, что техническими специалистами должны быть представители мужского пола (49 %), даже несколько превысила долю сторонников гендерного равноправия в сфере (46 %) (табл. 6)³.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Согласны или не согласны Вы с суждением: «Технические специальности – для мужчин...»?», %

Социально-демографические характеристики	Скорее согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить
Все опрошенные	60	36	4
Пол:			
мужской	66	31	4
женский	55	40	4
Возраст, лет:			
18—24	58	40	2
25—34	58	40	2
35—44	55	40	4
45—59	61	36	3
60 и старше	65	28	7
Пользование Интернетом:			
практически ежедневно	56	42	2
несколько раз в неделю, несколько раз в месяц	63	33	4
эпизодически либо не пользуюсь	68	26	6
Тип населенного пункта:			
Москва и Санкт-Петербург	46	49	5
города-миллионники	56	39	5
500—950 тыс. человек	55	43	2
100—500 тыс. человек	64	31	5
до 100 тыс. человек	60	38	2
село	67	29	4

³ По данным всероссийского опроса ВЦИОМ, проводившегося 30—31 июля 2016 г. в 130 населенных пунктах, расположенных в 46 областях, краях и республиках и 9 федеральных округах России. Объем выборки 1600 человек. Выборка репрезентирует население РФ в возрасте 18 лет и старше по полу, возрасту, образованию, типу населенного пункта; является многоступенчатой стратифицированной с пошаговым отбором домохозяйств, с применением квот на последнем этапе отбора. Максимальный размер ошибки (с учетом эффекта дизайна) с вероятностью 95 % не превышает 3,5 %. Метод опроса — телефонные интервью.

Большинству россиян очевидно, что добиться высоких результатов и признания в технологической сфере сегодня российским женщинам гораздо сложнее (такой точки зрения придерживаются 62 %), несмотря на отсутствие каких-либо формальных или неформальных ограничений. Профессиональная среда формирует мощные барьеры активному включению женщин в инновационные технологические процессы. И если для мужчин существующие диспропорции в сфере менее заметны (58 % согласны, что у женщин в технологической профессиональной среде меньше шансов на успех), то сами женщины более чувствительно воспринимают сложившуюся ситуацию (65 % из них считают, что мужчины имеют в данной сфере преимущества) (рис. 4).

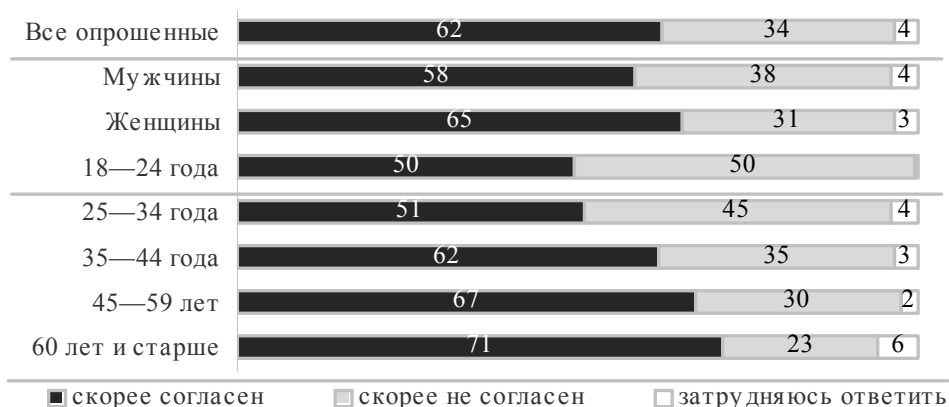

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Согласны или не согласны Вы с суждением: «Женщинам сложнее строить карьеру и добиваться успеха в технологической сфере?»», %

Фактически существующие стереотипы снижают инновационный потенциал женщин и формируют пассивное отношение к участию в технологических проектах. Так, 73 % россиянок не рассматривают женщину в качестве активного субъекта инновационной деятельности, что обуславливает соответствующие модели профессионального поведения (рис. 5).

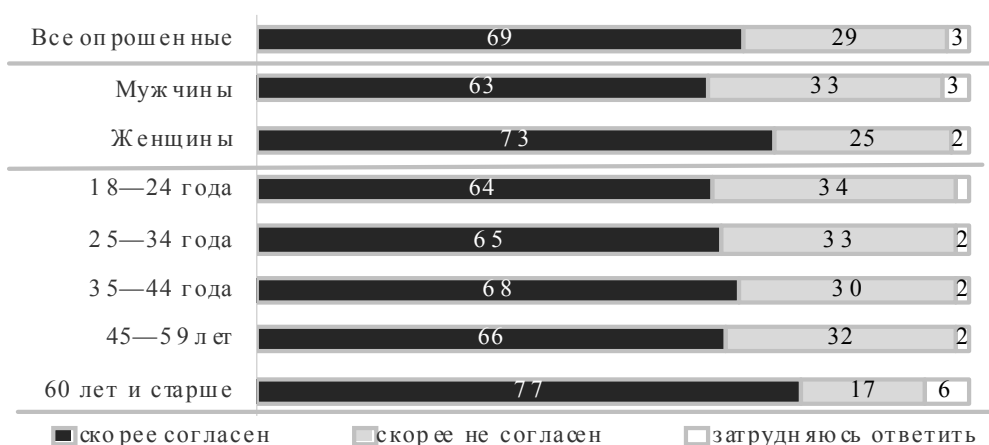

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Согласны или не согласны Вы с суждением: «Технические изобретения остаются за мужчинами?»», %

Высокий объем информации об историях успеха мужчин в публичном пространстве при редких упоминаниях о достижениях женщин в технологической сфере приводит к формированию скептического отношения к роли женщин в технологиях. Так, только 38 % россиян считают, что женщина может выступать источником инновационных идей, креативных решений, в то время как 51 % респондентов отводят ей лишь вспомогательную роль. И если женщины достаточно часто заявляют о высоком потенциале, возможностях привнести что-то новое в технологическую сферу (40 %), среди мужчин такая уверенность отмечается реже (35 %). В молодежной среде (18—24 года, т. е. группа, еще находящаяся на входе в профессиональные среды) 48 % верят в высокий инновационный потенциал женщин (табл. 7).

Таблица 7

Распределение выборов варианта утверждений, %

Утверждение	Все	Пол		Возраст, лет				
		мужской	женский	18—24	25—34	35—44	45—59	60 и старше
Большинство женщин в технологической сфере — источник новых решений, инноваций	38	35	40	48	39	39	37	33
Женщины в технологической сфере выполняют скорее вспомогательную функцию	51	51	51	47	51	49	50	53
Затрудняюсь ответить	12	14	9	6	10	12	13	14

Однако современные технологии проникают почти во все сферы общественной жизни, и уже на практике женщины имеют возможность доказать, что способны овладеть ими ничуть не хуже представителей противоположного пола. Наиболее наглядно это прослеживается в сфере информационных технологий. 69 % россиян не отрицают, что женщины в данном сегменте работают сегодня не менее успешно, чем мужчины (при этом у мужчин более скептический взгляд на ситуацию: согласны с такой точкой зрения только 64 %, в то время как среди женщин данный показатель достигает 73 %). Однако некоторую настороженность вызывают настроения в молодежной среде, где оценка потенциала женщин в IT-технологиях наиболее низка (60 %). Уже на этапе выбора профессии эти настроения могут выступать в качестве сдерживающего фактора, а в ближайшем будущем на этапе вхождения в профессиональные среды женщины, возможно, столкнутся с проявлением столь же предвзятого, настороженного отношения, как и в других технологических сегментах рынка (рис. 6).

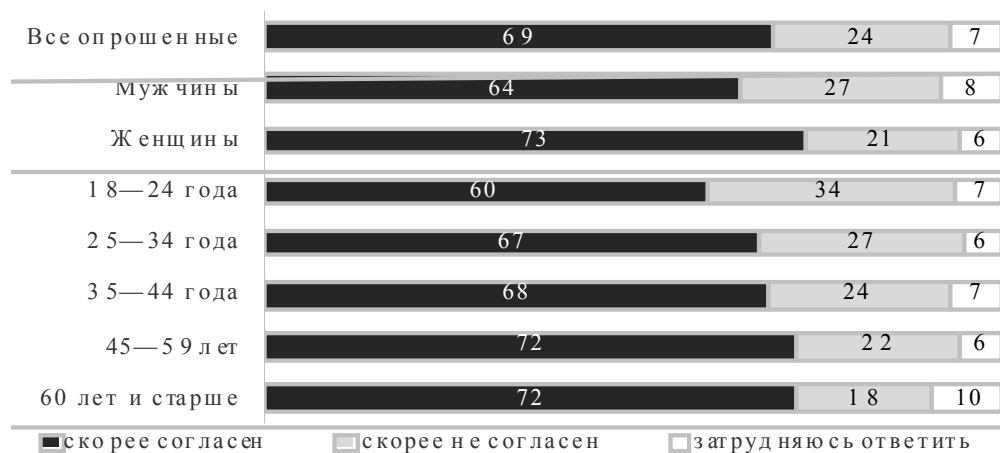

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Согласны или не согласны Вы с суждением: «В сфере IT-технологий женщины работают не менее успешно, чем мужчины?»», %

В то же время за последние десятилетия удалось преодолеть стереотипы, связанные с приписыванием занимающимся точными науками женщинам негативных характеристик (закрытости, агрессивности): если в старшей возрастной группе (60 лет и старше) такие взгляды разделяют 41 % респондентов, то среди молодежи подобные суждения не пользуются поддержкой (с ними согласны только 27 %) (рис. 7).

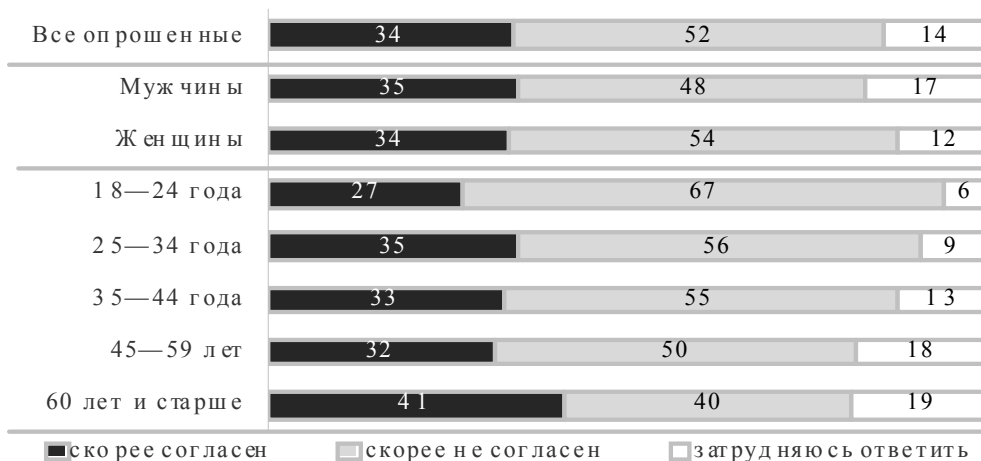

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Согласны или не согласны Вы с суждением: «Женщины, занимающиеся точными науками, более агрессивны, закрыты?»», %

Однако на уровне семейного воспитания, на этапе социализации, по мнению россиян, не должно быть особых различий, связанных с ориентацией на те или иные виды занятости. Традиционно в период воспитания детям стараются дать максимально полный спектр знаний, что обеспечит им большую вариативность

при выборе профессии, позволит успешно самореализоваться. Стереотипное восприятие профессиональных ролей женщин проявляется в более зрелом, подростковом возрасте, когда на выбор профессии начинают оказывать влияние факторы внешней среды (табл. 8).

Таблица 8

Распределение выборов вариантов утверждений, %

Утверждение	Все опрошенные	Пол		Возраст, лет				
		мужской	женский	18—24	25—34	35—44	45—59	От 60
С детства всем детям, независимо от пола, надо прививать интерес к точным наукам и технологиям	82	79	83	80	83	84	85	75
Мальчикам в детстве надо прививать интерес к точным и естественным наукам, девочкам — не надо	13	14	13	17	14	12	8	19
Затрудняюсь ответить	5	6	4	3	3	5	7	5

В сложившихся условиях большинство россиян признают, что максимально эффективное использование потенциала женщин в технологической сфере требует разработки и внедрения особых форм поддержки со стороны государства (67%), причем среди женщин 73% убеждены в необходимости государственных мер стимулирования участия женщин в сфере технологий (табл. 9).

Таблица 9

Распределение выборов вариантов утверждений, %

Утверждение	Все опрошенные	Пол		Возраст, лет				
		мужской	женский	18—24	25—34	35—44	45—59	От 60
Государство должно стимулировать участие женщин в технологической сфере	67	59	73	65	63	62	72	67
Государству не следует особо выделять женщин, занятых в технологической сфере	29	35	24	35	33	31	23	30
Затрудняюсь ответить	4	6	3	0	4	7	5	3

Высокий потенциал женщин и их готовность к участию в процессах модернизации общества фактически блокируются под воздействием внешней среды, заставляющей сомневаться в возможностях достижения успеха и отводящей женщине вспомогательную функцию в важнейших сферах развития страны. При этом основные барьеры возникают именно на стадии профессионального становления, когда гендерный дисбаланс и скептическое отношение со стороны профессиональной среды начинают восприниматься женщинами как указывающие на бесперспективность. И если часть женщин готовы преодолевать эти барьеры, многие выбирают пассивную позицию, соответствующую ожиданиям среды (или же просто уходят из профессии в поисках альтернативных возможностей для самореализации).

Максимально эффективное использование потенциала женщин как экономических агентов в условиях, когда страна испытывает потребность в мобилизации внутренних ресурсов, является важной стратегической задачей. Поиск оптимальных решений, позволяющих женщинам не только чувствовать себя равноправными членами общественного воспроизводства, но и активными участниками процесса трансформации российского общества, на сегодняшний день одно из важнейших направлений реализации гендерной политики в Российской Федерации.

Статья поступила 23.08.2016 г.

МАТЕРИНСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ

Материнство попало в фокус внимания исследователей-социологов в 60—70-х гг. XX в. С тех пор это активно развивающаяся дискуссия. Данная статья представляет собой обзор современных западных социологических дебатов о материнстве. Автор выделяет три ключевых вектора обсуждения: публичное/приватное материнство, «плохое»/«хорошее» материнство, культурное принуждение к материнству/его возможности. Последовательно рассмотрено каждое из направлений дискуссии. Предлагается свой взгляд с выделением значимых концепций, исследовательских категорий и интерпретаций.

Ключевые слова: материнство, женщины, интенсивное материнство, работающие матери, правильное материнство, выбор материнства.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.3.4

N. A. Nartova. Motherhood in contemporary Western sociological debate

Motherhood got into focus of social researchers in 1960—1970s. Since that time it is a rich and rapidly developing debate. This article provides an overview of contemporary Western sociological discussion about motherhood. The author identifies three key vectors of research of motherhood: a public/private motherhood, “bad”/“good” motherhood, oppression/possibilities of motherhood. In the first discussion researchers are focused on the production of motherhood in public discourses and institutions, they consider as well how public ideals of motherhood affect women’s experience and identification. The significant part of the discussion consists of the research devoted to the study of combining work and motherhood by women. The second area of research examines how women are labeled as good or bad mothers, how women are proving for themselves the correctness of their own motherhood, and how they redefine the stigmatizing label of “bad” mother at the level of narration and practices. And the last area discussion, deeply rooted in feminism, is built around the analysis of cultural oppression to motherhood and of the subjective and objective resources of motherhood in a woman’s life. The author understands the genre limitations of the review and does not claim to cover the whole rich and contradictory discussion. She offers the reader her own view of the contem-

porary debate about motherhood, highlighting important, from her point of view, conceptions, research categories, and interpretations.

Key words: motherhood, women, intensive motherhood, good motherhood, working mothers, choice of motherhood.

В российских виртуальных медиа- и социальных сетях в последнее время все чаще возникают дискуссии о материнстве. И хотя рассуждения о материнстве пока ограничиваются рамками публицистических порталов, родительских форумов и частных высказываний в сетях, не перерастая в полноценные научные дебаты, в целом можно отметить повышение интереса к данной теме. Почему это происходит именно сейчас — вопрос открытый. На Западе материнство попало в фокус внимания исследователей-социологов относительно давно — в 60—70-х гг. XX в., когда политические и академические дебаты феминизма, подкрепленные развитием социального конструктивизма и постструктуралистских подходов, поставили вопрос о социальном анализе систем воспроизводства человека в современном обществе, преодолев натурализирующие дискурсы социального дарвинизма, структурного функционализма и психоанализа, рассматривающих рождение и воспитание детей как естественное, инстинктивное и объективное предназначение женщин [Miller, 2007: 338]. В середине XX в. феминистки второй волны указали, что материнство во многом остается пространством неопределенности, напряженности, уязвимости и фрустрированности [Фридан, 1994; Rich, 1995] и не может более рассматриваться как вневременная биологически детерминированная практика. А. Рич в 1976 г. писала: «Материнство — неупомянутое в истории завоеваний и рабства, войн и договоров, эксплоаций и империализма, — имеет историю, имеет идеологию, оно более фундаментально, чем трибализм или национализм» [Rich, 1995: 34].

Идеологии и практики воспитания детей разнообразны, исторически и культурно изменчивы, более того, они не всегда подразумевали и подразумевали, что именно (биологическая) мать должна осуществлять основную заботу [Hays, 1996: 4]. Исторические исследования наглядно показывают, как с XVIII в. в европейских странах в рамках процессов модернизации, индустриализации и формирования капиталистического рынка забота о детях начинает складываться и институционально оформляться как материнство [Regulating womanhood, 1992; Rich, 1995; Featherstone, 2005; Ikas, 2005; Porter, 2005; Абрамс, 2011]. Вместе с модернизацией оно было медикализовано, психологизировано и педагогизировано [Klett-Davies, 2007; Boulis, 2004]. За два с лишним столетия материнство оформилось в сложную систему правил и практик, множества дискурсов и структур, направленных на его производство, поддержку и контроль.

П. Шот указывает, что институт материнства — это отношения и форма заботы, сформулированные в западной культуре и выдвинутые на уровень идеологии и практики как идеал [Short, 2005a: 286]. Исследовательница выделяет четыре фундаментальных для современного института материнства аспекта: «1) стойкую патриархатную дихотомию, которая формирует понимания, отношения и практики материнства; 2) господствующие индивидуализирующие и изолирующие формы материнской заботы; 3) модель интенсивного материнства; 4) стратегическое ограничение физического/телесного и эмоционального опыта

материнства» [ibid.]. Дихотомии «мужское/женское» и «приватное/публичное» замыкают женщин в домашней сфере, изолируя мать в ее заботе о ребенке и конституируя первостепенность интенсивных связей «мать — младенец», чем в свою очередь утверждается и поддерживается идеал материнства как биологического, основанного на естественной и безусловной любви женщины к своему потомству [Short, 2005a]. При этом другие эмоции и переживания, такие как ненависть, раздражение, стресс, запрещаются и игнорируются [Tardy, 2000; Nowitz, Long, 2005; Almond, 2010].

В ставшей очень авторитетной книге «Культурные противоречия материнства» Ш. Хейз анализирует доминирующую идеологию материнства в современной культуре и концептуализирует ее как «интенсивное материнство — гендерированную модель, вменяющую женщинам тратить огромное количество времени, энергии и денег на воспитание детей» [Haas, 1996: x]. «Образы интенсивного материнства и образы детей как экономических активов — это исторически сконструированная культурная модель приемлемого ухода за детьми. Концепции подходящего воспитания детей не просто случайный конгломерат разрозненных идей, они образуют полностью разработанную, логически единую структуру для осмысления и действия по отношению к детям. ИмPLICITно или эксплицитно такие культурные модели не только поставляют идеи о том, кто такие дети, каково должно быть их воспитание и кто должен растить их, но и описывают, почему эта модель является лучшей для детей, взрослых и общества в целом» [ibid.: 2]. Несмотря на то что в современном обществе с его индивидуализацией и идеями самореализации, а также со все увеличивающейся долей матерей, занятых на рынке оплачиваемого труда, такое интенсивное инвестирование в детей требует все больше усилий, оно остается доминирующей моделью. По мнению Хейз, это происходит не только потому, что интенсивное материнство служит интересам мужчин, капитализма, государства, среднего класса, но и потому, что строится на мощной культурной позиции, определяющей его как последний оплот интимности, близости и бескорыстности в противовес рационализированной, эгоистичной и обезличенной публичной сфере рынка и капиталистических отношений [ibid.: xiii].

В рамках такого институционального понимания интенсивного материнства современные западные социологические дебаты, на мой взгляд, располагаются по трем основным векторам обсуждения и исследования ключевых дихотомий, вернее, континуумов: публичное/приватное материнство, «хорошее»/«плохое» материнство и культурное принуждение к материнству/его возможности. Это аналитическое разделение, как и любая попытка структурировать довольно обширные дебаты, безусловно, может вызвать нарекания в ограниченности, обобщенности и поверхностности. Более того, фактически невозможно охватить все опубликованные по данной тематике работы, поэтому авторский обзор всегда будет фрагментарным и неполным. Тем не менее я рискну очертить круг перспектив и интерпретаций, актуальных, на мой взгляд, для современного анализа материнства, описав социологическую дискуссию по трем доминирующим направлениям.

Публичное/приватное материнство

Исследования, затрагивающие проблематику публичного/приватного материнства, посвящены изучению того, как и какие нормативные модели материнства конструируются в публичных дискурсах и как женщины реализуют материнство в своей повседневной жизни. Исследователи рассматривают, какое формируется материнство в продуктах популярной культуры — кино и литературе [Addison et al., 2009; Gandolfo, 2005; O'Reilly, 2005; Bartlett, 2000], в литературе «самопомощи» и специализированной литературе для матерей [Hays, 1996; Horwitz, Long, 2005; Dworkin, Wachs, 2004]. Так, Э. Пью показывает, что даже каталоги игрушек в рекламной информации транслируют основные идеи интенсивного материнства, ориентируя матерей на инвестирование в развитие и образование детей, и тем самым усиливают и поддерживают доминирующий дискурс правильной материнской заботы [Pugh, 2005].

Большим спектром здесь представлены работы, изучающие, как публичные институты, такие как социальные службы, школьное образование, медицина, и социальная политика в целом устанавливают и контролируют нормы правильного материнства [Hennum, 1999; Lessa, 2002; Walter, 2002; Cooney, 2006; Caputo, 2007]. Например, исследование С. Бьянон-Джонс показывает, что шотландские медики через оценку рациональности/нерациональности выбора женщиной аборта поддерживают культурные установки о том, от кого ожидается материнство (бездетные замужние женщины среднего класса), а от кого нет (слишком молодые, бедные, не имеющие стабильных отношений) [Beunon-Jones, 2013].

В то же время социологов интересует, как публичные идеалы материнства влияют на опыт и идентификации женщин [Sevón, 2005; Lupton, 2000]. Исследователи указывают на формирование «нового мамизма» — медийных образцов материнства селебритиз [Douglas, Michaels, 2004]. Транслируемые в СМИ и Интернете образы успешных и в работе и в воспитании детей, ухоженных и стройных сразу после родов, богатых и счастливых матерей из кино- и поп-звезд задают притягательные, но сложно реализуемые для большинства обычных работающих женщин стандарты. Идеология мамизма порождает соревновательность и сравнение себя с селебритиз, что в свою очередь еще больше угнетает женщин [Chae, 2015].

Именно эта несостыковка между публичной риторикой и повседневными практиками ставит ключевой вопрос в данном направлении исследований: как женщины совмещают материнство и работу? Пью пишет, что современные женщины живут на стыке противоречивых социальных «сообщений»: 1) успешный работник — это неограниченный во времени, полностью приверженный своему делу, идеальный сотрудник (преимущественно мужчина); 2) мир работы обладает большей ценностью по отношению к домашнему миру; 3) лучшее материнство — это интенсивное, трудоемкое и альтруистичное [Pugh, 2005: 731]. Шведские исследователи показывают: чтобы совладать с оппозиционными установками современной культуры, работающие женщины формируют несколько дискурсивных позиций относительно собственного материнства. Первая связана с отношениями «мать — ребенок» и несет идею, что развитие и благополучие ребенка зависит от близости и доступности матери.

Вторая дискурсивная позиция описывает отношения «ребенок — мать — женщина» и говорит о том, что счастливая мать является гарантией счастливого ребенка. И третья — фокусируется на материнстве как отдельной от оплачиваемой работы сфере. Эти три позиции, по мнению социологов, сосуществуют в рамках повседневной жизни работающих женщин, и их актуализация зависит от жизненного этапа, возраста детей, количества и качества работы [Elvin-Nowak, Tomsson, 2001]. Л. Бейли утверждает, что для современных женщин характерна уже не двойная идентичность, основанная на оппозиции «работник — мать», а сложное, динамичное и гибкое переплетение различных представлений внутри самоидентичности [Bailey, 2000]. Бейли говорит о формировании «междупро-странственной» субъективности, где границы и ориентации могут быть нестабильны и подвижны [ibid.: 67].

Более того, часть исследователей говорят о интенсификации желания у женщин автономии и саморазвития, несмотря на материнство, и указывают на появление в конце XX в. новой фигуры — «независимая мать» [Woodward, 1997; Lupton, 2000; Bailey, 2000]. Независимые матери — это успешные женщины 1990-х, которые сделали выбор стать матерью, комбинируя его с удачной карьерой, с поддержкой (или без) партнера или государства. Материнство представлено как осторожный, независимый выбор, сделанный каждой индивидуально после рассмотрения всех возможностей. Независимое материнство связывается с идеей автономного маскулинного субъекта, который инвестирует время и энергию в собственную карьеру и не связан обязательствами с зависимыми другими, и с идеей заботливой матери, которая может лучше воспитывать детей, потому что может развивать свой потенциал как индивидуальность, через достижение успеха в профессиональной деятельности [Lupton, 2000: 61].

В то же время при анализе повседневного опыта социологи используют и категорию профессионального материнства для описания женщин, которые выстраивают свою идентичность и жизнь вокруг воспитания детей как основного занятия, не участвуя в рынке наемного труда и определяя свои карьерные устремления как второстепенные по отношению к полному вовлечению в материнство [Klett-Davies, 2007: 61]. Однако важно отметить, что, исследуя неработающих одиноких матерей, получающих государственное пособие в Германии и Британии, М. Клетт-Девис обнаружила, что одинокие женщины с детьми оправдывают свой статус профессиональных матерей тем, что они растят будущих налогоплательщиков, и воспринимают государственную поддержку как зарплату за выполнение материнских обязанностей [ibid.: 67], т. е. женщины переопределяют материнство как интенсивную работу.

Матери сегодня, считает Р. Тарди, должны найти пути согласования ожиданий реализовать себя как члена общества и выполнить обязанности интенсивного материнства [Tardy, 2000: 442]. Это приводит к переосмыслению женщинами собственного профессионального и материнского опыта, формирует сложные гибкие дискурсивные модели идентичности. И все же в большинстве европейских стран, как показывают сравнительные исследования, рождение детей все еще имеет негативные последствия для карьеры и зарплаты женщин как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе [Abendroth et al., 2014].

«Хорошее»/«плохое» материнство

Еще острее вопрос о социально одобряемом выполнении материнских обязанностей встает в рамках дискуссий о «хорошем»/«плохом» материнстве. Исследования в этой области направлены на анализ того, как женщины создают и подтверждают свой статус «хороших» матерей, как они реализуют представления о правильном материнстве [Tardy, 2000; Bell, 2004; Wall, 2001; McGuillan et al., 2008]. «Материнство нагружено социальными, культурными и идеологическими образами, моделями и теориями... которые влияют на опыт каждой матери и в равной степени нематери» [Sevón, 2005: 462].

Исследователи показывают, что в период беременности женщины воспроизводят представления об интенсивном материнстве и далее, после рождения ребенка, стараются представлять себя как «справляющихся матерей», даже если не чувствуют себя такими [Miller, 2007; Bell, 2004]. И в культурно доминирующей группе — среди матерей среднего класса — одна из основных задач связана с оправданием собственных действий перед лицом социального принуждения к интенсивному материнству и согласно ему [Tardy, 2000]. Тарди подчеркивает, что другие матери, особенно при взаимодействии с культурно доминирующей группой, являются основным пространством оценивания собственного материнства и декларирования соответствия правильному материнству [ibid.]. Ш. Хейз указывает, что, хотя у женщин из разных социальных групп и слоев непосредственные методы взаимодействия с детьми могут отличаться, все же общего гораздо больше: они все репрезентируют идеологию интенсивной материнской заботы.

Несмотря на то что модель интенсивного материнства не является единственным образцом воспитания детей, другие модели почти не попадают в публичное пространство [Haas, 1996: 21]. Более того, все опыты материнства сравниваются с доминирующей моделью и несоответствующие маргинализуются [Bell, 2004]. Так из пространства «хороших» матерей выпадает целый спектр материнских биографий, опытов и практик: одиноких матерей [Good Enough Mothering?, 1996], матерей, живущих отдельно от детей [Thacher, 2005; Buskens, 2005, Kiely, 2008], матерей с «особыми» детьми [Carpenter, Austin, 2007] и других.

М. Ледд-Тейлор и Л. Умански считают, что «в течение последних ста лет женщины, классифицированные как “плохие” матери, попадали в три основные группы: те, кто не жил в “традиционной” нуклеарной семье, те, кто не мог или не смог защитить своих детей от вреда, и те, с чьими детьми что-то пошло не так» (цит. по: [Hennum, 1999: 48]). Например, ими становятся матери детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности, поскольку поведенческие характеристики их детей не соответствуют ожидаемому поведению отпрысков «хороших» матерей [Carpenter, Austin, 2007]. Вся ответственность за подростков, отправленных в «молодежные дома временного пребывания» в Норвегии, также ложится на плечи матерей, а выбор самих подростков в расчет не принимается. Лейбл «плохой» матери, пишет Н. Хеннум, «наклеивается» экспертами, государственными социальной и правовой системами, а также членами семьи [Hennum, 1999: 48].

Матери, которые не согласны с идеологией «хорошего» материнства или не соответствуют ей, неизбежно страдают от нее. Они оцениваемы другими по тому, насколько близко их практики соответствуют доминирующим моделям, и вынуждены противостоять маргинализации [Bell, 2004: 49]. Исследователи анализируют самописание и самоутверждение стигматизированных матерей и показывают, что большинство из них дискурсивно переопределяют свой дисквалифицированный опыт, демонстрируя соответствие правильным моделям. С. Килти опирается на категорию К. Фросби «дискурсивная работа», чтобы показать, что женщины активно стремятся избавиться от ярлыка «плохих» матерей, дискурсивно управляя собственными нетипичными ситуациями (цит. по: [Kielty, 2008: 374]). Так, матери, живущие отдельно от детей, выстраивают свои нарративы таким образом, «чтобы показать, что они являются полностью вовлеченными родителями. Отводя и забирая детей из школы, участвуя в школьных активностях, посещая с детьми врачей, совершая покупки и участвуя в детских социальных мероприятиях, они демонстрируют соответствие всем общим чертам повседневного “хорошего” материнства» [ibid.: 376]. К. Кристофер, опираясь на интервью с работающими женщинами в США и Канаде, показывает, что они переопределяют «интенсивное материнство» на «экстенсивное», при котором «хорошее» материнство предполагает в первую очередь ответственность за благополучие ребенка, в то время как повседневная забота может быть делегирована другим [Christopher, 2012].

«Быть матерью, — отмечает Т. Миллер, — сопряжено с ответственностью, особенностью которой является “самонаблюдение”, т. е. оценивание себя по отношению к другим в запутанном контексте, где “нормальная” материнская забота четко не определена, но ожидается» [Miller, 2005: 59]. Довольно жесткая культурная регуляция материнства вынуждает многих женщин к бесконечному мониторингу себя и других на предмет соответствия мифическим идеалам «хорошего» материнства.

Культурное принуждение к материнству/его возможности

Современные матери не могут создать свое материнство или детство своих детей вне интериоризации культурных схем и сценариев действия [Pugh, 2005: 729]. Повседневное материнство располагается внутри системы координат, предзаданных институциональной структурой. И это порождает еще одну большую дискуссию, касающуюся культурного принуждения к материнству/его возможностей. Континуум значений задан еще в середине 80-х теоретиками феминизма второй волны: одни из них считали материнство патриархальным институтом, подчиняющим женщин [Rich, 1995], другие — уникальным и эксклюзивным женским опытом, указывая, что в фаллологоцентричной культуре женское возможно только как материнское в пространстве досимволического, где реализуется «до-языковое чувственное слияние» матери и ребенка [Николчина, 2003: 19].

Современные исследователи также подчеркивают, что по сей день конституируемое как «природное» (основанное на «материнском инстинкте») материнство становится вмененным и обязательным фрагментом женского опыта, выражением как женской природы, так естественного порядка вещей [Weatherall,

Ulrich, 2000; Greil, 2002; Miller, 2007; Mcquillan et al., 2008]. Женщины не могут быть признаны «настоящими» или, в конце концов, взрослыми, пока они не станут матерями. Имплицитно или эксплицитно материнство рассматривается как присущее взрослой женской идентичности [Hammons, 2008: 271].

Однако деторождение в позднем модерне, который, по мнению теоретиков, характеризуется индивидуализацией, самореализацией, рефлексивной самоидентификацией и мобильностью [Giddens, 1991; Бек, 2000; Бауман, 2005], связано с конфликтом между автономностью и «хорошим» материнством [Lupton, 2000; Baker, 2009]. «Материнская индивидуализация ограничена, — считает М. Клетт-Девис, — потому что социальный конструкт детства запрашивает материнское присутствие рядом с ребенком» [Klett-Davies, 2007: 68]. Несмотря на то что работающие матери конституируют работу как активность и присутствие, а материнство как пассивность и отсутствие, включая идею, что материнство концентрируется на других, а работа позволяет сфокусироваться на индивидуальной самости [Bailey, 2000: 64], ради идеи быть ближе к детям они сокращают свою профессиональную активность или отказываются от нее, например от семинаров по вечерам или в выходные [Elvin-Nowak, Thomsson, 2001]. Время на заботу о детях вытесняет время на заботу о себе [Craig, 2007:133].

Неоклассическая концепция заботы о детях как удовольствия и единственного поставщика эмоциональной привязанности в мире мобильных одиночек [Бек, 2000], по мнению Л. Крейг, довольно адекватно описывает отцовство, но не материнство. Отцы чаще проводят с детьми время в игровой активности, всецело посвящая себя коммуникации, в то время как матери, во-первых, в целом проводят с детьми большую часть времени, во-вторых, их забота связана с жизнеобеспечением, в-третьих, матери зачастую параллельно делают что-то еще, скажем занимаются домашним хозяйством [Craig, 2007: 131—133].

В обществе при наличии и приемлемости контрацепции и абортов материнство становится выбором и рассматривается уже не только и не столько как судьба, а как образ жизни [Sevón, 2005: 461]. Несмотря на все потенциальные ограничения, женщины продолжают хотеть иметь детей. Исследователи показывают, что желание и решение родить ребенка не является исключительно рациональным, оно связано с воспоминаниями и культурными нарративами, с сознательными и бессознательными идентификациями, с репрезентациями материнства [ibid., 2005:465]. Материнство позволяет пережить женщине множество уникальных эмоциональных и телесных опытов. Более того, замечает Л. Бейли, телесные изменения во время беременности являются ресурсом для переопределения социальной позиции женщины. Хотя, оговаривается она, могут заставить чувствовать себя «сведенной к биологии», находящейся под социальным контролем врачей [Bailey, 2001: 110].

Тем не менее и другие исследователи говорят о том, что материнство зачастую становится ресурсом для изменения самоидентичности и социального статуса [Klett-Davies, 2007: 64]. В книге «Одинокие по случаю, матери по выбору» Р. Херц наглядно показывает, что для многих незамужних женщин материнство представляет индивидуальный, активный и рефлексивный проект [Hertz, 2006]. Херц считает, что в современном мире произошли принципиальные изменения и ядром семейной жизни теперь являются мать и ее дети, вне зависимости

от наличия или отсутствия партнера/отца [ibid.: xiii]. Клетт-Девис добавляет, что беременность может быть также ресурсом для переопределения себя в более традиционную гендерную идентичность, если есть такое желание [Klett-Davies, 2007: 65]. В государствах же благосостояния и развитой системы социальной поддержки и защиты — возможностью получить еду и жилье [ibid.: 67].

Ответственность за детей может стать стержнем и стимулом в сложных жизненных ситуациях, позволяя мобилизовывать ресурсы для преодоления трудностей и формировать особые типы идентичности, включающие силу, выносливость и уверенность в себе [Short, 2005b]. Как показало исследование К. Эдин и М. Кифалас, материнство рассматривается бедными женщинами в Америке не только как необходимость, существенная часть жизни женщины, но и как источник идентичности и смысла [Edin, Kefalas, 2005]. Более того, в социальном мире неимущих женщин рождение ребенка предоставляет возможность доказать свою ценность и настоящей трагедией они считают ситуацию женщины, которая упустила свой шанс иметь детей [ibid.: 6].

В целом, по мнению П. Шот, множественные материнские опыты, не вписывающиеся в доминирующую нормативную модель, позволяют расшатывать жесткий институт материнства, переопределяя значения различных форм материнской жизни и отстаивая пространство для их реализации [Short, 2005a: 292]. Так, например, для отказавшихся от детей «материнство» начинается после рождения и не связано с плодом, беременность и роды дают только возможность для последующего материнства [Pavlovich et al., 2005: 256]; матери, живущие отдельно от детей, доказывают реализуемость других типов родительства, а не только интенсивного материнства в стабильном гетеросексуальном браке [Thacher, 2005; Buskens, 2005; Kiely, 2008]; работающие матери демонстрируют значимость для женщин автономии и личной реализации в профессиональной деятельности, несмотря на материнство, а порой и вопреки ему [Bailey, 2000; Elvin-Nowak, Thomsson, 2001].

Материнство может стать и ресурсом для политической активности. «Как активистки, — пишет К. Рейгер, — матери приносят новые формы политического, трансформируя приватный опыт в вопрос публичной борьбы. Изменяя установленные категории, они стремятся повысить свои социальные права через просвещение общественности и изменение профессиональных и институциональных практик — например утверждая право рожать дома и кормить грудью в публичных местах» [Reiger, 2000: 309].

Материнский опыт и схож и уникален одновременно. Мы можем увидеть общее и отличное как внутри групп женщин, так и между ними, различающимися по социальному положению, возрасту, этничности, локализации, количеству детей и др. Поэтому и социологическая дискуссия не может быть однонаправленной и прозрачной. Она богата, сложна и противоречива. Исследователи соглашаются друг с другом в том, что материнство является социальным институтом, определяющим правила и практики рождения детей и заботы о них. Указывают, что концепция интенсивного материнства устанавливает жесткие нормативные модели материнства, по отношению к которым оценивают повседневные опыты обычных женщин. Однако в то же время показывают, что, несмотря

на ограничения в отношении жизненных шансов и возможностей женщин, для многих материнство становится ресурсом идентичности, смысла и значимым эксклюзивным опытом.

С. Каваш пишет: «Исследования материнства сегодня занимают позицию феминистских исследований в 70-е гг.: они однозначно готовы оказать трансформирующий эффект на более широкий социальный контекст, но в то же время находятся под угрозой уменьшиться до разделенных лагерей» [Kawash, 2011: 973]. Хочется надеяться, что споры вокруг материнства не утихнут, а академические дебаты будут способствовать деконструкции и изменению репрессивных элементов института материнства, что к западной социологии в скором времени подключится уверенная российская дискуссия, выйдя за пределы фейсбука и пока не очень большого пула научных публикаций.

Библиографический список

- Абрамс Л.* Формирование европейской женщины новой эпохи, 1789—1918. М.: Высш. шк. экономики, 2011. 408 с.
- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
- Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
- Николчина М.* Значение и матерубийство: традиция матерей в свете Юлии Кристевой. М.: Идея-Пресс: Гнозис, 2003. 180 с.
- Фридан Б.* Загадка женственности. М.: Прогресс: Литера, 1994. 496 с.
- Abendroth A., Huffman M. L., Treas J.* The patity penalty in life course perspective: motherhood and occupational status in 13 European countries // *American Sociological Review*. 2014. Vol. 79, № 5. P. 993—1014.
- Almond B.* The monster within: the hidden side of motherhood. Berkeley, etc.: University of California Press, 2010. 266 p.
- Bailey L.* Bridging home and work in the transition to motherhood: a discursive study // *European Journal of Women's Studies*. 2000. Vol. 7. P. 53—70.
- Bailey L.* Gender shows: first-time mothers and embodied selves // *Gender and Society*. 2001. Vol. 15, № 1. P. 110—129.
- Baker J.* Young mothers in late modernity: sacrifice, respectability and the transformative neoliberal subject // *Journal of Youth Studies*. 2009. Vol. 12, № 3. P. 275—288.
- Bartlett A.* Thinking through breasts: writing maternity // *Feminist Theory*. 2000. Vol. 1, № 2. P. 173—188.
- Bell S. E.* Intensive performances of mothering: a sociological perspective // *Qualitative Research*. 2004. Vol. 4, № 1. P. 45—75.
- Beynon-Jones S. M.* Expecting motherhood? Stratifying reproduction in 21st-century Scottish abortion practice // *Sociology*. 2013. Vol. 47, № 3. P. 509—525.
- Boulis A.* The evolution of gender and motherhood in contemporary medicine // *The ANNALS of American Academy of Political and Social Science*. 2004. November. № 596. P. 172—206.
- Buskens P.* When Eve left the Garden: a modern tale about mothers who leave their families // *Motherhood: Power and Oppression* / ed. by M. Porter, P. Short, A. O'Reilly. Toronto: Women's Press, 2005. P. 265—284.
- Caputo V.* She's from a "good family": performing childhood and motherhood in a Canadian private school setting // *Childhood*. 2007. Vol. 14, № 2. P. 173—192.

- Carpenter L., Austin H.* Silenced, silence, silent. Motherhood in the margins // *Qualitative Inquiry*. 2007. Vol. 13, № 5. P. 660—674.
- Craig L.* *Contemporary Motherhood. The Impact of Children on Adult Time*. Hampshire: Ashgate Publishing Ld, 2007. 187 p.
- Chae J.* Am I a better mother than you? Media and 21st-century motherhood in the context of the social comparison theory // *Communication Research*. 2015. Vol. 42, № 4. P. 503—525.
- Christopher K.* Extensive mothering. Employed mothers' construction of the good mother // *Gender and Society*. 2012. Vol. 26, № 1. P. 73—96.
- Cooney K.* Mothers fist, not work fist: listening to welfare clients in job training // *Qualitative Social Work*. 2006. Vol. 5, № 2. P. 217—235.
- Douglas S. J., Michaels M. W.* *The Mommy Myth: the Idealization of Motherhood and How It Has Undermined All Women*. New York: Free Press, 2004. 400 p.
- Dworkin S. L., Wachs F. L.* “Getting your body back”: postindustrial fit motherhood in shape fit magazine // *Gender and Society*. 2004. Vol. 18, № 5. P. 610—624.
- Edin K., Kefalas M.* *Promises I can Keep. Why Poor Women Put Motherhood before Marriage*. Berkeley, etc.: University of California Press, 2005. 293 p.
- Elvin-Nowak Y., Tomsson H.* Motherhood as idea and practice: a discursive understanding of employed mothers in Sweden // *Gender and Society*. 2001. Vol. 15, № 3. P. 407—428.
- Featherstone L.* The kinder cut? The caesarean section as turning point, Australia, 1880—1990 // *Motherhood: Power and Oppression* / ed. by M. Porter, P. Short, A. O'Reilly. Toronto: Women's Press, 2005. P. 25—40.
- Gandolfo E.* A lasser women? Fictional representation of the childless woman // *Motherhood: Power and Oppression* / ed. by M. Porter, P. Short, A. O'Reilly. Toronto: Women's Press, 2005. P. 111—123.
- Giddens A.* *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, 1991. 256 p.
- Good Enough Mothering? *Feminist Perspectives on Lone Motherhood* / ed. by E. Bortolaia. London; New York: Routledge, 2005. 241 p.
- Greil A. L.* Infertile bodies: medicalization, metaphor, and agency // *Infertility around the Globe: New Thinking on Childlessness, Gender, and Reproductive Technologies* / ed. by M. C. Inhorn, F. van Balen. Berkeley, etc.: University of California Press, 2002. P. 101—118.
- Hammons S. A.* Assisted reproduction technologies: changing conceptions of motherhood? // *Affilia: Journal of Women and Social Work*. 2008. Vol. 23, № 3. P. 270—280.
- Hays S.* *The Cultural Contradiction of Motherhood*. New Haven; London: Yale University Press, 1996. 255 p.
- Hennum N.* Young people and motherhood: culture and conduct // *Young*. 1999. Vol. 7, № 4. P. 38—51.
- Hertz R.* *Single by Chance, Mothers by Choice: How Women are Choosing Parenthood without Marriage and Creating the New American Family*. Oxford (NY): Oxford University Press, 2006. 273 p.
- Horwitz E., Long B. C.* Mothering and stress discourses: a deconstruction of the interrelationship of discourses on mothering and stress // *Motherhood: Power and Oppression* / ed. by M. Porter, P. Short, A. O'Reilly. Toronto: Women's Press, 2005. P. 97—110.
- Ikas K.* “Pax Materna” or mothers at war with the empie? Canadian and Australian perspectives on the motherhood debate in the British Empire during the Great War // *Motherhood: Power and Oppression* / ed. by M. Porter, P. Short, A. O'Reilly. Toronto: Women's Press, 2005. P. 77—96.
- Kawash S.* New directions in motherhood studies // *Sings*. 2011. Vol. 36, № 4. P. 969—1003.
- Kielty S.* Working hard to resist a “bad mother” label // *Qualitative social work*. 2008. Vol. 7, № 3. P. 363—379.

- Klett-Davies M.* Going it alone? Lone motherhood in late modernity. Hampshire: Ashgate Publishing Ltd, 2007. 166 p.
- Lessa I.* Unraveling a relationship: single motherhood and the practices of public housing // *Affilia: Journal of Women and Social Work*. 2002. Vol. 17, № 3. P. 314—331.
- Lupton D.* “A love / hate relationship”: the ideals and experiences of first-time mothers // *Journal of Sociology*. 2000. Vol. 36, № 1. P. 50—63.
- Mcquillan J., Greyl A. L., Shreffler K. M., Tichenor V.* The importance of motherhood among women in the contemporary United States // *Gender and Society*. 2008. Vol. 22, № 4. P. 477—496.
- Miller T.* Making Sense of Motherhood. A Narrative Approach. Cambridge, etc.: Cambridge University Press, 2005. 176 p.
- Miller T.* “Is this what motherhood is all about?” Weaving experiences and discourse through transition to first-time motherhood // *Gender and Society*. 2007. Vol. 21, № 3. P. 337—358.
- Motherhood misconceived: representing the maternal in U. S. Films / ed. by H. Addison, M. K. Goodwin-Kelly, E. Roth. Albany: State University of New York Press, 2009. 265 p.
- O'Reilly A.* (Mis)Conceptions: the paradox of maternal power and loss in Toni Morrison's *The bluest Eye* and *Pradise* // *Motherhood: Power and Oppression* / ed. by M. Porter, P. Short, A. O'Reilly. Toronto: Women's Press, 2005. P. 125—136.
- Pavlovich A., Mullender A., Aris R.* Abandoning mothers and their children // *Motherhood: Power and Oppression* / ed. by M. Porter, P. Short, A. O'Reilly. Toronto: Women's Press, 2005. P. 251—264.
- Porter M.* Down under power? Australian mothering experiences in the 1950s, 1960s // *Motherhood: Power and Oppression* / ed. by M. Porter, P. Short, A. O'Reilly. Toronto: Women's Press, 2005. P. 181—194.
- Pugh A. J.* Selling compromise: toys, motherhood, and the cultural deal // *Gender and Society*. 2005. Vol. 19, № 6. P. 729—749.
- Regulating womanhood: historical essays on marriage, motherhood and sexuality / ed. by C. Smart. London; New York: Routledge, 1992. 233 p.
- Reiger K.* Reconceiving citizenship: the challenge of mothers as political activists // *Feminist Theory*. 2000. Vol. 1, № 3. P. 309—327.
- Rich A.* Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution. New York; London: W. W. Norton and Co., 1995. 322 p.
- Sevón E.* Timing motherhood: experiencing and narrating the choice to become a mother // *Feminism and Psychology*. 2005. Vol. 15, № 4. P. 461—482.
- Short P.* Conclusion: reflection on motherhood // *Motherhood: Power and Oppression* / ed. by M. Porter, P. Short, A. O'Reilly. Toronto: Women's Press, 2005a. P. 285—294.
- Short P.* Mothers at the margins: singular identities and survival // *Motherhood: Power and Oppression* / ed. by M. Porter, P. Short, A. O'Reilly. Toronto: Women's Press, 2005b. P. 205—219.
- Tardy R. W.* “But I an a good mom”: the social construction of motherhood through health-care conversation // *Journal of Contemporary Ethnography*. 2000. Vol. 29, № 4. P. 433—473.
- Thacher J.* Women of courage: the non-custodial mother // *Motherhood: Power and Oppression* / ed. by M. Porter, P. Short, A. O'Reilly. Toronto: Women's Press, 2005. P. 237—250.
- Wall G.* Moral constructions of motherhood in breastfeeding discourse // *Gender and Society*. 2001. Vol. 15, № 4. P. 592—610.
- Walter M.* Working their way out of povetry? Sole motherhood, welfare and material well-being // *Journal of Sociology*. 2002. Vol. 38, № 4. P. 361—380.
- Weatherall A., Ulrich M.* Motherhood and infertility: viewing motherhood throuh the lens of infertility // *Feminism and Psychology*. 2000. Vol. 10, № 3. P. 323—336.
- Woodward K.* Motherhood: identities, meanings and myths // *Identity and Difference* / ed. by K. Woodward. London: Sage, 1997. P. 239—298.

References

- Abendroth, A., Huffman, M. L., Treas, J. (2014) The patity penalty in life course perspective: Motherhood and occupational status in 13 European countries, *American Sociological Review*, vol. 79, no. 5, pp. 993—1014.
- Abrams, L. (2011) *Formirovanie evropejskoj zhenshchiny novoj epokhi, 1789—1918* [The making of modern woman: Europe 1789—1918], Moscow: Vysshiaia shkola ekonomiki.
- Addison, H., Goodwin-Kelly, M. K., Roth, E. (eds) (2009) *Motherhood misconceived: representing the maternal in U. S. Films*, Albany: State University of New York Press.
- Almond, B. (2010) *The monster within: the hidden side of motherhood*, Berkeley, etc.: University of California Press.
- Bailey, L. (2000) Bridging home and work in the transition to motherhood: A discursive study, *European Journal of Women's Studies*, vol. 7, pp. 53—70.
- Bailey, L. (2001) Gender shows: first-time mothers and embodied selves, *Gender and Society*, vol. 15, no. 1, pp. 110—129.
- Baker, J. (2009) Young mothers in late modernity: sacrifice, respectability and the transformative neo-liberal subject, *Journal of Youth Studies*, vol. 12, no. 3, pp. 275—288.
- Bartlett, A. (2000) Thinking through breasts: writing maternity, *Feminist Theory*, vol. 1, no. 2, pp. 173—188.
- Bauman, Z. (2005) *Individualizirovanoe obshchestvo* [The individualized society], Moscow: Logos.
- Bek, U. (2000) *Obshchestvo riska* [World risk society], Moscow: Progress-Traditsiia.
- Bell, S. E. (2004) Intensive performances of mothering: a sociological perspective, *Qualitative Research*, vol. 4, no. 1, pp. 45—75.
- Beynon-Jones, S. M. (2013) Expecting motherhood?: Stratifying reproduction in 21st-century Scottish abortion practice, *Sociology*, vol. 47, no. 3, pp. 509—525.
- Bortolaia, S. E. (ed.) (2005) *Good Enough Mothering?: Feminist Perspectives on Lone Motherhood*, London, New York: Routledge.
- Boulis, A. (2004) The evolution of gender and motherhood in contemporary medicine, *The ANNALS of American Academy of Political and Social Science*, November, no. 596, pp. 172—206.
- Buskens, P. (2005) When Eve left the Garden: A modern tale about mothers who leave their families, in: Porter, M., Short, P., O'Reilly, A. (eds), *Motherhood: Power and Oppression*, Toronto: Women's Press, pp. 265—284.
- Caputo, V. (2007) She's from a "good family": performing childhood and motherhood in a Canadian private school setting, *Childhood*, vol. 14, no. 2, pp. 173—192.
- Carpenter, L., Austin, H. (2007) Silenced, silence, silent: Motherhood in the Margins, *Qualitative Inquiry*, vol. 13, no. 5, pp. 660—674.
- Craig, L. (2007) *Contemporary motherhood. The Impact of Children on Adult Time*, Hampshire: Ashgate Publishing Ltd.
- Chae, J. (2015) Am I a better mother than you?: Media and 21st-century motherhood in the context of the social comparison theory, *Communication Research*, vol. 42, no. 4, pp. 503—525.
- Christopher, K. (2012) Extensive mothering. Employed mothers' construction of the good mother, *Gender and Society*, vol. 26, no. 1, pp. 73—96.
- Cooney, K. (2006) Mothers fist, not work fist: listening to welfare clients in job training, *Qualitative Social Work*, vol. 5, no. 2, pp. 217—235.
- Douglas, S. J., Michaels, M. W. (2004) *The Mommy Myth: the Idealization of Motherhood and How it Has Undermined All Women*, New York: Free Press.

- Dworkin, S. L., Wachs, F. L. (2004) "Getting your body back": postindustrial fit motherhood in shape fit magazine, *Gender and Society*, vol. 18, no. 5, pp. 610—624.
- Edin, K., Kefalas, M. (2005) *Promises I Can Keep: Why Poor Women Put Motherhood before Marriage*, Berkeley, etc.: University of California Press.
- Elvin-Nowak, Y., Tomsson, H. (2001) Motherhood as idea and practice: A discursive understanding of employed mothers in Sweden, *Gender and Society*, vol. 15, no. 3, pp. 407—428.
- Featherstone, L. (2005) The kinder cut? The caesarean section as turning point, Australia, 1880—1990, in: Porter, M., Short, P., O'Reilly, A. (eds), *Motherhood: Power and Oppression*, Toronto: Women's Press, pp. 25—40.
- Fridan, B. (1994) *Zagadka zhenstvennosti*: [The Feminine Mystique], Moscow: Progress, Literatura.
- Gandolfo, E. (2005) A lesser women? Fictional representation of the childless woman, in: Porter, M., Short, P., O'Reilly, A. (eds), *Motherhood: Power and Oppression*, Toronto: Women's Press, pp. 111—123.
- Giddens, A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Cambridge: Polity Press.
- Greil, A. L. (2002) Infertile bodies: medicalization, metaphor, and agency, in: Inhorn, M. C., van Balen, F. (eds), *Infertility around the Globe: New Thinking on Childlessness, Gender, and Reproductive Technologies*, Berkeley, etc.: University of California Press, pp. 101—118.
- Hammons, S. A. (2008) Assisted reproduction technologies: changing conceptions of motherhood?, *Affilia: Journal of Women and Social Work*, vol. 23, no. 3, pp. 270—280.
- Hays, S. (1996) *The Cultural Contradiction of Motherhood*, New Haven, London: Yale University Press.
- Hennum, N. (1999) Young people and motherhood: Culture and conduct, *Young*, vol. 7, no. 4, pp. 38—51.
- Hertz, R. (2006) *Single by Chance, Mothers by Choice: How Women are Choosing Parenthood without Marriage and Creating the New American Family*, Oxford, New York: Oxford University Press.
- Horwitz, E., Long, B. C. (2005) Mothering and stress discourses: a deconstruction of the inter-relationship of discourses on mothering and stress, in: Porter, M., Short, P., O'Reilly, A. (eds), *Motherhood: Power and Oppression*, Toronto: Women's Press, pp. 97—110.
- Ikas, K. (2005) "Pax Materna" or mothers at war with the empie? Canadian and Australian perspectives on the motherhood debate in the British Empire during the Great War, in: Porter, M., Short, P., O'Reilly, A. (eds), *Motherhood: Power and Oppression*, Toronto: Women's Press, pp. 77—96.
- Kawash, S. (2011) New directions in motherhood studies, *Sings*, vol. 36, no. 4, pp. 969—1003.
- Kielty, S. (2008) Working hard to resist a "bad mother" label, *Qualitative Social Work*, vol. 7, no. 3, pp. 363—379.
- Klett-Davies, M. (2007) *Going it alone? Lone motherhood in late modernity*, Hampshire: Ashgate Publishing Ltd.
- Lessa, I. (2002) Unraveling a relationship: single motherhood and the practices of public housing, *Affilia: Journal of Women and Social Work*, vol. 17, no. 3, pp. 314—331.
- Lupton, D. (2000) "A love/hate relationship": the ideals and experiences of first-time mothers, *Journal of Sociology*, vol. 36, no. 1, pp. 50—63.
- Mcquillan, J., Greyl, A. L., Shreffler, K. M., Tichenor, V. (2008) The importance of motherhood among women in the contemporary United States, *Gender and Society*, vol. 22, no. 4, pp. 477—496.
- Miller, T. (2005) *Making Sense of Motherhood: A Narrative Approach*, Cambridge, etc.: Cambridge University Press.

- Miller, T. (2007) "Is this what motherhood is all about?" Weaving experiences and discourse through transition to first-time motherhood, *Gender and Society*, vol. 21, no. 3, pp. 337—358.
- Nikolchina, M. (2003) *Znachenie i matereubiĭstvo: Traditsii materei v svete Iulii Kristevoi* [Meaning and matricide: The tradition of the mothers in the light of Julia Kristeva], Moscow: Gnosis.
- O'Reilly, A. (2005) (Mis)Conceptions: the paradox of maternal power and loss in Toni Morrison's *The bluest Eye* and *Paradise*, in: Porter, M., Short, P., O'Reilly, A. (eds), *Motherhood: Power and Oppression*, Toronto: Women's Press, pp. 125—136.
- Pavlovich, A., Mullender, A., Aris, R. (2005) Abandoning mothers and their children, in: Porter, M., Short, P., O'Reilly, A. (eds), *Motherhood: Power and Oppression*, Toronto: Women's Press, pp. 251—264.
- Porter, M. (2005) Down under power? Australian mothering experiences in the 1950s, 1960s, in: Porter, M., Short, P., O'Reilly, A. (eds), *Motherhood: Power and Oppression*, Toronto: Women's Press, pp. 181—194.
- Pugh, A. J. (2005) Selling compromise: toys, motherhood, and the cultural deal, *Gender and Society*, vol. 19, no. 6, pp. 729—749.
- Reiger, K. (2000) Reconceiving citizenship: the challenge of mothers as political activists, *Feminist Theory*, 2000, vol. 1, no. 3, pp. 309—327.
- Rich, A. (1995) *Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution*, New York, London: W. W. Norton and Co.
- Sevón, E. (2005) Timing motherhood: experiencing and narrating the choice to become a mother, *Feminism and Psychology*, vol. 15, no. 4, pp. 461—482.
- Short, P. (2005a) Conclusion: reflection on motherhood, in: Porter, M., Short, P., O'Reilly, A. (eds), *Motherhood: Power and Oppression*, Toronto: Women's Press, pp. 285—294.
- Short, P. (2005b) Mothers at the margins: singular identities and survival, in: Porter, M., Short, P., O'Reilly, A. (eds), *Motherhood: Power and Oppression*, Toronto: Women's Press, pp. 205—219.
- Smart, C. (ed.) (1992) *Regulating womanhood: Historical essays on marriage, motherhood and sexuality*, London, New York: Routledge.
- Tardy, R. W. (2000) "But I an a good mom": the social construction of motherhood through health-care conversation, *Journal of Contemporary Ethnography*, vol. 29, no. 4, pp. 433—473.
- Thacher, J. (2005) Women of courage: the non-custodial mother, in: Porter, M., Short, P., O'Reilly, A. (eds), *Motherhood: Power and Oppression*, Toronto: Women's Press, pp. 237—250.
- Wall, G. (2001) Moral constructions of motherhood in breastfeeding discourse, *Gender and Society*, vol. 15, no. 4, pp. 592—610.
- Walter, M. (2002) Working their way out of povetry? Sole motherhood, welfare and material well-being, *Journal of Sociology*, vol. 38, no. 4, pp. 361—380.
- Weatherall, A., Ulrich, M. (2000) Motherhood and infertility: Viewing motherhood through the lens of infertility, *Feminism and Psychology*, vol. 10, no. 3, pp. 323—336.
- Woodward, K. (1997) Motherhood: identities, meanings and myths, in: Woodward, K. (ed.) *Identity and Difference*, London: Sage, pp. 239—298.

**ЖЕНСКАЯ МОДА КАК ЭЛЕМЕНТ ЛОКАЛЬНОЙ
ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(На примере г. Нальчик)**

Исследуется проблема локального феномена моды в контексте адыгской культурной системы. Осуществляется анализ отдельных аспектов (национальная одежда) динамики материальной культуры, которая привела к замене традиционных ценностей, мировоззренческих установок, устоев общества и формированию новой культурной парадигмы. На материалах анкетирования городской молодежи сделана попытка экспликации женских образов, представленных в г. Нальчик (Кабардино-Балкарская Республика).

Проводится идея о диалектической взаимообусловленности традиционных стилей и современных тенденций в моде.

Ключевые слова: женская мода, динамика культуры, традиция, новаторство, локальная культура, культурная трансформация, быстрая мода, ментальность.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.3.5

**Z. Kh. Soblirova. Woman's fashion as an element
of the local urban culture (On the example of Nalchik)**

The paper studies problems of local fashion phenomenon in the context of the Adyghe cultural system. This work analyzes certain aspects of the material culture dynamics (national dress), which led to the replacement of traditional values, worldview, the foundations of society and the formation of a new cultural paradigm. The study advances the idea of dialectical interdependence of traditional styles and modern fashion trends.

Based on the materials of the urban youth survey we attempted to explicate female images presented in Nalchik (Kabardino-Balkarian Republic). The article presents a typology of different girlish images, makes theoretical conclusions aimed at a thorough disclosure of the stages of evolution of spiritual and material values in the city, village and illustrates issues related to the transformation of the whole material culture of the local people.

Range of scientific questions and issues raised here did not often become the subject of research, especially in the context of historical-cultural interpretation of fashion as a manifestation of the local culture.

Key words: woman's fashion, the dynamic's of culture, tradition, innovation, local culture, cultural transformation, fast fashion, mentality.

© Соблирова З. Х., 2016

Соблирова Зарета Хасанбиевна — старший преподаватель кафедры культурологии, этнологии и истории народов Кабардино-Балкарской Республики, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик, Россия, zaretta.soblirova@inbox.ru (Assistant Professor at the Department of Cultural Studies, Ethnology and History of the Peoples of the Kabardino-Balkarian Republic, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik, Russia).

Постановка проблемы

Развитие общества можно рассматривать как эволюцию различных форм бытия человека. Поэтому важным объектом междисциплинарного анализа становится вопрос об изменениях и трансформациях многообразных процессов культуры. На современном этапе в историко-культурологических науках основными критериями для определения специфики культурной динамики являются традиции и новаторство. Характер их соотношения наиболее ярко отражается в феномене моды.

Мода представляет собой совокупность культурных форм, характерных для общества в определенный период его развития. Ее основная функция заключается в отборе, селекции и формировании различных культурных объектов. Она выступает как определенная норма, принуждающая большинство людей к ее принятию. В этом случае реализуется одно из основных этимологических значений моды — «правило», «образец». В каждом регионе в зависимости от историко-культурных предпосылок, ментальных особенностей, типа религиозной идентичности существует своя собственная мода.

Возникновение моды далеко не случайно. Ведь долгое время в истории культуры мода рассматривалась в качестве одной из форм проявления обычая, т. е. унаследованного стереотипного образца (паттерна), который постоянно воспроизводился. Моду мы можем рассматривать с различных позиций: как способ одеваться, как социально-психологическую функцию культуры и как способ действия. Наряду с этим моду можно трактовать как подражание определенному образу, как выражение собственного вкуса и неординарности и, наконец, как образ жизни. Но нет сомнений в том, что моду нужно оценивать, по словам одного из основоположников теории классической эстетики Э. Шефтсбери, «с точки зрения просветительского идеала жизненной гармонии, где индивидуальное и общественное, внешнее и внутреннее, рациональный и эмоциональный моменты должны находиться в равновесии» [Шефтсбери, 1974: 289].

Мода представляет собой тип изменений и источник рождения новых форм. Стремление человека к инновациям рассматривается исследователями как потребность в приобретении нового опыта. Разнообразие мод свидетельствует о динамике развития культуры, при которой возникает, с одной стороны, новое осмысление уже существующих форм, а с другой — совершенно новые культурные явления.

Однако мода принадлежит не столько миру вещей, сколько миру людей. Сами по себе вещи могут не меняться, но меняются те значения, которые им придают люди, взаимодействующие между собой и с культурой в целом. Поэтому мода рассматривается, как это мы видим из обобщающих рассуждений А. Б. Гофмана, как «один из механизмов социальной регуляции и саморегуляции человеческого поведения, как индивидуального, так и коллективного» [Гофман, 1994: 9].

В основу исследования положен системный подход, позволяющий рассматривать моду как совокупность культурно-исторических составляющих. Адыгская культура представлена черкесской модой XVIII—XIX вв. Мода отражает историю и культуру народа и неразрывно связана с жизнью общества, поэтому функциональный подход позволяет изучить процесс зарождения новых социальных ценностей и норм поведения. Феноменологический подход в изучении повседневной моды помогает раскрыть культурное значение моды.

Методы исследования и материал

В работе получил широкое применение визуальный метод исследования. Он основан на изучении общества путем наблюдения и анализа визуальных проявлений (поведение людей и характеристики материальных элементов культуры). В центре внимания при этом находится образное представление (например, изменения в моде, архитектуре, уличном искусстве, изменение событий, поз и лиц на семейных снимках или объявлениях). Визуальный метод предполагает одновременное нахождение в пространстве исследователя и его поля. Был применен также метод анкетирования. Анкетирование проводилось в студенческой среде, возрастные рамки — от 18 до 25 лет.

Наше исследование направлено на изучение современной моды (перформанса моды) в рамках локальной городской культуры Нальчика. Нальчик выбран для анализа не случайно. Основанный еще в 1724 г., сегодня он воплощает образ полиэтнического, поликонфессионального города. Здесь проживает более 300 тыс. человек около 100 национальностей. Своеобразную динамику городской жизни придает наличие вузов — 3 государственных учреждения высшего профессионального образования, в которых обучается более 20 тыс. студентов. Кабардино-Балкарский государственный университет (КБГУ) является крупнейшим из них, здесь учится около 13 тыс. студентов. В КБГУ мы можем наблюдать многообразие форм и типов девичьей национальной, мусульманской и современной одежды.

Костюм не только неперенный атрибут культуры, связанный с этническими и социальными категориями функционирования человеческого общества, это еще и полноценный исторический источник, несущий большую информацию о различных областях деятельности человека, особенно в том случае, если у изучаемых народов отсутствовала письменность. Одежда отражает преемственность поколений, народные традиции на протяжении длительных хронологических периодов. Благодаря этому костюм позволяет проследить связи между народами. Своей знаковой системой он несет информацию о половозрастном, социально-экономическом статусе владельца и отражает общий уровень экономического развития данного общества.

Одним из исходных принципов нашего исследования локального феномена моды в контексте адыгской культурной системы является следующее. Замена традиционных ценностей и мировоззренческих установок привела к ломке традиционных устоев и формированию новой культурной парадигмы. Произошла перегруппировка всех составляющих культуры, и одним из проявлений этого стала мода, способствующая формированию нового габитуса адыгского мира. Модные новации, влияние русской и мировой цивилизации, глобальной фэшн-индустрии приводят к возникновению новых модных предпочтений, в том числе и к осмыслению уже известных стилей. Особенно это касается женского городского костюма и женских образов, наиболее динамично воспринимающих все новые тенденции и социальные изменения, в том числе и связанные с исламизацией в Кабардино-Балкарской Республике, набирающей силу с начала 2000-х гг.

Адыгский женский национальный костюм (платье, шапочка, кафтан, шаровары, нарукавники, обувь, пояс, корсет) (ил. 1) подвергнулся культурной трансформации несколько раз. Уже в начале XX в. горская одежда принимает

Ил. 1

современный вид. Упростились крой и фасон. Одежда стала украшаться фабричными элементами отделки: тесьмой, лентами и кружевом. Адыгские модницы из зажиточных семей стали носить часы-медальоны на цепочке, городские ботинки, а также использовать сумочки-ридикюли. На смену традиционно простым платкам и шалям пришли привозимые из России шелковые, кружевные и шерстяные шали, пледы, платочки [Цыбульникова, 2014: 79]. Приверженность традиционному костюму наиболее долго сохранялась у женщин низших социальных слоев.

Большие трансформации горский костюм претерпел в период советской модернизации. Новая идеология провозглашала равенство народов и культур, а власть ставила целью преодоление экономической и культурной отсталости северокавказских народов. Одежда стала совершенно иной. Повседневные летние платья стали шить из тонких тканей с короткими рукавами, большим вырезом, часто с низко опущенной талией.

В городах в это время у девушек появилась одежда типа косовороток, юнг-штурмовок, кеги и другие виды, близкие к мужской [Студенецкая, 1989: 249]. Подобная мода не могла легко быть воспринята кавказскими женщинами, поэтому продолжали бытовать платья распашного покроя (у старшего и среднего поколения) или закрытые (у молодых). Предпочитались однотонные темные ткани.

Наиболее устойчивым элементом женской одежды оказались головные уборы, состоящие из платков и шалей. В 1930-х гг. появились шелковые платки, схожие с современными. Функции головного убора начинают утрачивать свое значение в послевоенный период, когда молодые замужние женщины не закрывают свои волосы, а надевают косынку ленточкой, имеющей символическое значение.

В 1960—1970-х гг. адыгские девушки и женщины перешли на современную одежду, которую либо шили, либо заказывали в ателье.

Однако для такого знакового ритуала, как свадьба, девушка надевала старинное платье или заказывала в специализированном ателье платье из современных тканей традиционного либо традиционно-модернизированного покроя. Тенденция сохранения традиционного костюма в качестве свадебного была связана с общей установкой на создание новых советских обрядов и с использованием традиционных народных ритуалов, праздников, обычаев.

На свадебных торжествах использовались национальные формы одежды и в их модернизированном виде. Образ дополняли старинные нагрудники, серебряные пояса и шапочки. Старинные нагрудные застежки и пояса заимствовались

на праздничные дни у родственников и соседей. Ими дорожили и передавали из поколения в поколение [там же].

Значительные изменения претерпел Нальчик в перестроечный период. Именно к этому времени относится формирование у кабардинцев урбанистической культуры, произошло массовое перетекание сельского населения в город. Гласность и свобода своеобразно действовали на закрытые горские сообщества. Универсальный черный цвет стал самым популярным у молодых девушек — как символ изысканности и стройности. Он преобладал во всем, начиная от цвета волос, заканчивая аксессуарами. Торговые лавки и магазины были заполнены одеждой черных или коричневых оттенков, причем продавцы не привозили вещей иной цветовой гаммы, жалуясь на то, что они не продаются. Кроме этого, в 1990-х гг. появилась мода на ношение большого количества золотых украшений. Турецкое золото, доступное женщинам среднего достатка, надевали на любые мероприятия. Наибольшему влиянию в этот период подверглась национальная культура, которая вошла в конфликт с процессом «вестернизации». Самобытная этническая культура оказалась за гранью культурной жизни.

Нами было проведено исследование среди девушек и юношей (студенты КБГУ), направленное на выявление типологии девичьих образов и на систематизацию их восприятия. Исследование проводилось методом анкетирования, нами было собрано и обработано 120 анкет. Средний возраст анкетированных — 20 лет. На основе полученных данных выделено несколько ключевых типов образов девушек:

- с «подиумной» внешностью, одетые по последней моде — стильные и современные;
- одетые согласно мусульманским предписаниям в хиджаб или закрытое платье;
- использующие в своем образе элементы этнической культуры;
- выпадающие из общего массива, вульгарные (субкультурные образы).

На вопрос «Что для Вас мода?» 38 % респондентов ответили, что они следуют моде и это их образ жизни. Именно этот контингент нас интересует при рассмотрении первой категории городских девушек (ил. 2). К анкетированию они подошли особенно ответственно и с увлечением. Эти девушки (16—25 лет) представляют поколение образованных «продвинутых» людей, знающих, чего они хотят от жизни и что нужно делать. Они свободно ориентируются в мировых модных новостях и тенденциях, смотрят модные сайты, заказывают вещи по Интернету (29 % опрошенных). На первый взгляд они не отличаются от столичных девушек. Предпочитают яркие и цветные вещи (34 %), тщательно подбирают ансамбли и критически подходят к выбору своей одежды. Так, на вопрос «Как Вы оцениваете свой гардероб?» 50 % девушек ответили, что можно было бы его обновить. Как и во всем мире, в Нальчике созданы все условия для распространения «быстрой моды»: вещи настолько быстро выходят из моды, что люди не успевают их донашивать, каждый сезон обновляя свой гардероб. Уровень жизни можно определить только по качеству материала. Предпочтение отдается джинсовой одежде и натуральным тканям. В магазинах представлены вещи люксовых производителей — Dior, Chanel, Versace и других, также широко представлены массовые бренды — Zara, Mango, H&M и т. д. Последние

Ил. 2

представляют собой более дешевые копии одежды от модных домов. Бутики и модные магазины города своей ценовой политикой могут составить серьезную конкуренцию московским магазинам. На сравнительно небольшой территории города — 4 крупных базара, часто встречаются магазины «Доступ», «Sale», «Смешные цены», «Ценопад» и др. 29 % опрошенных признались, что за покупками ходят на рынок и вполне довольны ценами и ассортиментом.

Наряду с этим образом, все большую популярность приобретает образ девушки в хиджабе и закрытом платье. Исламский фундаментализм претендует на широкую легитимность и выступает в защиту истинного ислама, отвергая ценность других традиций.

В начале 2000-х впервые появляются девушки, закутанные в хиджабы, не вызвавшие тогда общественной реакции. Ситуация переменя-

лась после событий октября 2005 г., когда группа вооруженных боевиков напала на столицу республики. Эти события стали поворотным пунктом в отношении общества к религиозной молодежи. Людей охватил страх перед «закутанными» и «бородатыми», особенно переживали родители. Молодых девушек в хиджабах стали клеймить, причем ложные и опасные стереотипы складывались и в отношении верующей молодежи, не связанной с экстремизмом. Явно недоброжелательное отношение выражалось во всем (например, им отказывали в трудоустройстве).

Сегодня ситуация стабилизировалась и 31 % опрошенных высказали положительное отношение к хиджабу. Они считают, что люди выполняют предписания своей религии. 63 % респондентов ответили, что то, как одеваться, это личный выбор каждого человека. Отрицательное отношение высказали лишь 4 % опрошенных.

Внутри этой группы можно условно выделить два образа:

— девушки в закрытых цветных модных платьях или юбках-миди. Большинство из них совершают намаз. Светлый либо яркий платок не закрывает шею или повязан широкой лентой (молодые невестки). Возможно ношение любых украшений, допускается каблук, не исключен неброский макияж. Девушки часто посещают мусульманские салоны красоты, спрос на которые за последние два года заметно вырос. Они заимствуют манеру ношения платка, характерную для чеченских и ингушских девушек (ил. 3);

Ил. 3

Ил. 4

— девушки, закутанные в хиджаб, закрывающий полностью шею и даже подбородок. Не допускаются украшения, макияж. Закрываются кисти рук, одеяние темного (обычно черного) цвета (ил. 4).

Следующий девичий образ выделен в особую группу вследствие использования при его создании каких-либо элементов национальной одежды. Стремление использовать этническую составляющую вызвано желанием дистанцироваться от всеохватывающих глобальных процессов. Этнический стиль позволяет местным дизайнерам, опираясь на культурную самобытность, отойти от стандартных шаблонов и привнести в моду новые цвета, крой, аксессуары, украшения [Васильева, 2013]. Следует отметить, что с 2011 г. 28 сентября отмечается как день черкесского костюма. В КБГУ ежегодно проводятся праздничные мероприятия, посвященные этому дню. 75 % опрошенных высказали положительное отношение к введению дня черкесского костюма и согласны с тем, что это будет способствовать сохранению исторической памяти народа (ил. 5). Институционализацией традиционной одежды, закреплением за ней места в современной глокализированной культуре занимаются известные исследователи-модельеры М. Саралып и М. Хацукова.

Ил. 5

Сохранение национальных традиций в покрое и отделке свадебных платьев, равно как использование современными модельерами традиционного силуэта, деталей одежды, украшений, на наш взгляд, говорит не об архаике и возвращении к прошлому, а о стремлении обогатить настоящее и будущее, культуру современного человека.

И последний образ — это девушки с креативной внешностью, находящейся на грани моды и вульгарности. Согласно И. Богардусу, вульгарность является

Ил. 6

следствием того, что люди не успевают прийти к адекватному эстетическому восприятию модных тенденций (см.: [Килошенко, 2011: 25]). Сельские девушки, переезжая в город на время учебы, сочетают в своем образе крайности. Для поездки к родственникам у них есть отдельный гардероб, скромный и консервативный, для повседневной городской жизни — другой. Девушки демонстрируют открытость, свободу, сексуальность. По-прежнему довольно популярен черный цвет, широко распространены леопардовые и тигровые расцветки, красный цвет, атлас, кружево и т. д. Обильные золотые украшения, бриллианты, массивная бижутерия, высокий каблук, прическа завершают образ. Уже не вызывают удивленной реакции девушки в спортивной одежде с ярким макияжем,

прической и золотыми украшениями. 39 % опрошенных нами молодых людей отметили, что внешний вид не всегда определяет воспитание, по мнению 37 %, более важно, чтобы образ не был вызывающим (ил. 6).

Результаты исследования

Городская мода выступает как историческое явление, часть материальной культуры и часть жизни общества. Временное господство определенного стиля и образа сменяется другим и характеризует основные тенденции общественного развития.

Сравнительно небольшой город-курорт Нальчик представлен множеством интересных девичьих культурных образов. Здесь налицо элементы глобального и локального, религиозного и национального, их переплетение создает особую неповторимость. Местный социум активно приспосабливается к сложившимся в стране и регионе условиям с использованием социального ресурса этнической традиции и идеологического ресурса мусульманской религии [Боров, 2007: 272].

Сегодня городская молодежная среда формирует поколение, активно включенное в общественно-культурную жизнь республики. Молодежь образованна, мобильна, владеет современными информационно-коммуникативными технологиями, что и позволяет ей создавать свой уникальный и неповторимый образ. Ментальные основания адыгского общества претерпели существенные сдвиги, но, на наш взгляд, в современном молодежном дискурсе оказываются предпочтительными девичьи образы, несущие в себе отсылки к традициям, прежде всего когда девушка через одежду заявляет о своей воспитанности и культуре.

Библиографический список

- Боров А. Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Нальчик: Кабардино-Балк. ун-т, 2007. 298 с.
- Васильева Ж. В. Влияние процессов глобализации на fashion-индустрию. 2013. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/216.html&j_id=15 (дата обращения: 23.03.2015).
- Гофман А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М.: Наука, 1994. 160 с.
- Килошенко М. Психология моды. СПб.: Речь, 2001. 192 с.
- Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII—XX вв. М.: Наука, 1989. 293 с.
- Цыбульникова А. А. Влияние русской городской культуры на материальную культуру народов Кубани во второй половине XIX — начале XX в. // Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа: материалы X конгресса этнографов и антропологов России. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2014. С. 70—81.
- Шефтсбери Э. Эстетические опыты. М.: Искусство, 1974. 536 с.

References

- Borov, A. Kh. (2007) *Severnyĭ Kavkaz v rossiĭskom tsivilizatsionnom protsesse* [The North Caucasus in the Russian civilization process], Nal'chik: Kabardino-Balkarskiĭ universitet.
- Gofman, A. B. (1994) *Moda i liudi. Novaia teoriia mody i modnogo povedeniia* [Fashion and people. A new theory of fashion and fashionable behavior], Moscow: Nauka.
- Kiloshenko, M. (2001) *Psikhologiiia mody* [The psychology of fashion], St. Petersburg: Rech.
- Sheftsberi, É. (1974) *Èsteticheskie opyty* [Aesthetic experiences], Moscow: Iskusstvo.
- Studenetskaia, E. N. (1989) *Odezhda narodov Severnogo Kavkaza XVIII—XX vv.* [Clothing of the peoples of the North Caucasus of the XVIII—XX cc.], Moscow: Nauka.
- Tsybul'nikova, A. A. (2014) *Vliianie russkoĭ gorodskoĭ kul'tury na material'nuiu kul'turu narodov Kubani vo vtoroĭ polovine XIX — nachale XX v.* [The influence of Russian urban culture in the material culture of peoples of the Kuban region in the second half of XIX — early XX c.], in: *Gorod v ètnokul'turnom prostranstve narodov Kavkaza: Materialy X kongressa ètnografov i antropologov Rossii*, Moscow: Institut ètnologii i antropologii RAN, pp. 70—81.
- Vasil'eva, Zh. V. (2013) *Vliianie protsessov globalizatsii na fashion-industriiu* [The effect of globalization on fashion industry], available from http://www.cr-journal.ru/rus/journals/216.html&j_id=15 (accessed 23.03.2015).

Статья поступила 02.06.2016 г.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ УРБАНИЗАЦИИ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Проанализирован гендерный аспект миграции эвенов и коряков из мест кочевий и сел в урбанизированные населенные пункты Магаданской области. Выявлен гендерный сдвиг на рубеже «село/райцентр». Этот сдвиг показан в виде «лестницы урбанизации», которая демонстрирует резкое возрастание удельного веса женщин в гендерной структуре от кочевья к городу. Прослежены гендерные различия в уровне образования коряков и эвенов. Женщины-эвенки оказались заметно более образованными по сравнению с мужчинами-эвенами, а среди коряков образовательное преимущество женщин выражено слабо. Переселение женщин-аборигенок в райцентр вызвано их родительской ответственностью (желание проживать совместно с детьми-школьниками) и возможностью реализовать материнский капитал (стоимость двухкомнатной квартиры равна этой сумме). Преобладание женщин в райцентре коррелирует с их более высоким, чем у мужчин, уровнем образования. Однако в городе гендерный разрыв в образовательном статусе инвертирует в пользу мужчин. Движущими мотивами переселения в областной центр являются предпочтение женщинами городского образа жизни и стремление использовать брак с представителями некоренных этносов как канал социальной мобильности.

Ключевые слова: Магаданская область, эвены, коряки, урбанизация, гендерный сдвиг, уровень образования, межэтнические браки.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.3.6

**L. N. Khakhovskaya. Gender aspect of the urbanization process
of indigenous people in Magadan region**

The purpose of the article is to analyze the gender aspect of Even and Koryak people migration from nomad locations and villages to urban localities of Magadan region. A gender shift is determined on the edge of village/district center. This shift is shown as an “urbanization ladder” that demonstrates sharp increase of density of women gender structure between nomad areas and urban locations. Also, the gender diversity in the education level between Koryak and Even people is revealed. Even women are significantly more educated than Even men; whereas there isn’t significant difference in education level between Koryak women and men. Aborigine women migration to district centers is caused by their parental responsibility (desire to live together with their children) and opportunity to receive “mother fund” reward (which could be converted into a

© Хаховская Л. Н., 2016

Хаховская Людмила Николаевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории истории и экономики, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило Дальневосточного отделения РАН, г. Магадан, Россия, hahovskaya@gmail.com (Cand. Sc., Senior Researcher of the Laboratory of History and Economy, the N. A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Magadan, Russia).

two-room apartment cost). Women dominance in district centers is correlated with their education level advantage over men. However the educational gender gap in cities inverts in favor of men. The motivation for city or regional centers migration among women can be explained by a city lifestyle preference and advantageous interethnic marriages with non-locals.

Key words: Magadan region, Even, Koryak, urbanization, gender shift, education level, interethnic marriages.

Введение

Во второй половине XX в., а в некоторых российских (советских) регионах и ранее, в среде коренных малочисленных народов Севера (КМНС) возникло социальное явление, получившее в современной сибирской антропологии наименование гендерного сдвига [Povoroznyuk et al., 2010]. Под гендерным сдвигом подразумевается переселение женщин-аборигенок из тундры и тайги в поселки и города и возникающее в результате этого специфическое гендерное разделение пространства [Лярская, 2010: 3]. Причины гендерного сдвига, по мнению исследователей, заключаются в резких расхождениях (асимметриях) жизненных приоритетов женщин и мужчин из числа КМНС. Выделяют три взаимосвязанные асимметрии: в образе жизни, в брачном поведении, в уровне образования [там же: 7].

Среди мужчин значительно выше доля тех, кто трудится в тайге и тундре и продолжает кочевать, чем среди женщин, которые все больше предпочитают оседлый образ жизни. За годы социалистических и рыночных реформ существенно изменилась инфраструктура оленеводства в региональных экономиках: функции по обслуживанию пастухов в значительной мере взяли на себя специальные службы. Поэтому мужчина реально может кочевать и без женщины, традиционная роль которой как хозяйки очага и жилища заменена оплачиваемой трудовой позицией «чумработницы» [Tuisku, 2001; Vitebsky, Wolfe, 2001; Vitebsky, 2005]. Такая официальная замена не смогла, конечно, трансформировать существенные гендерные взаимоотношения и зависимости в оленеводческом коллективе, поскольку «чумработницами» становятся не по найму, а только по родству, — это жены, матери, сестры и дочери пастухов.

Профессиональную диспропорцию усугубляет диссонанс в брачных предпочтениях: если мужчины-аборигены, как правило, выбирают свою вторую половину в собственной этнической среде, то женщины часто находят супруга среди так называемого пришлого населения. Наконец, женщины-аборигенки имеют более высокий уровень образования, чем мужчины, и даже формируют «женское лицо» северной интеллигенции [Бурыкин, 1999]. Все эти явления, налагаясь друг на друга, приводят к резкому гендерному сдвигу, который отмечается исследователями по всему российскому Северу (за исключением Ямала) [Лярская, 2010]. Но, говоря о диспропорциях, авторы не прослеживают их на всей пространственной цепочке — от оленеводческого стойбища до города. Между тем исследование гендерных соотношений в такого рода локальном разрезе поможет убедиться, существует ли явление гендерного сдвига в конкретном регионе и насколько оно выражено; позволит определить его этническую специфику, если дело касается разных аборигенных сообществ; а также увидеть, имеют ли место гендерные различия в образовательном статусе аборигенов в зависимости от места их проживания.

Методика исследования

Цель моей работы заключается в установлении гендерного и образовательного профиля аборигенного населения, локализованного в таких пунктах (местностях) Магаданской области, как кочевье, село, районный центр (поселок городского типа), город. В качестве данных пространственных локусов выступают центр области (г. Магадан), центр Северо-Эвенского района (пос. Эвенск), два примерно равных по численности села в этом районе — одно из них корякское (Верхний Парень), другое эвенское (Гарманда), оленеводческие коллективы (8 бригад), кочующие в Северо-Эвенском районе.

Следует сказать, что Северо-Эвенский район выбран по двум причинам. Во-первых, только в этом субрегионе Магаданской области еще сохраняется оленеводство (на 1 января 2010 г. имелось примерно 20 тыс. голов домашних оленей). Во-вторых, здесь проживают два оленеводческих этноса — эвены и коряки, тогда как в других субрегионах области из народов, занимающихся оленеводством, представлены только эвены. Поскольку речь идет о сознательном поселенческом и трудовом выборе, а также возможности получить законченное среднее образование, подсчеты коснулись только взрослых лиц (18+). Для исследования взята выборка, в которую вошли все взрослые представители аборигенов, проживающие в избранных для анализа населенных пунктах (всего 1067 чел., из них 428 коряков и 639 эвенов). Этот массив составляет не менее четверти взрослых аборигенов области, что обуславливает его репрезентативность.

Источником исследования послужили сведения текущих архивов соответствующих администраций, которые представляют собой списки сплошного учета аборигенов с указанием даты рождения, места работы и образования (данные на 1 января 2010 г.). Для всех звеньев исследуемой транслокальной цепочки установлены численные показатели, выраженные в относительных величинах (долях), что позволяет проводить сравнение в гендерном, этническом, образовательном и поселенческом профилях. Последний профиль имеет четыре позиции (соответственно избранным местностям), все прочие бинарны по естественной причине (гендер) или в силу исторически сложившихся обстоятельств (этнос). Что касается уровня образования, то на основании предварительных оценок он также продифференцирован в дуальной оппозиции «среднее и выше / неполное среднее», поскольку именно здесь пролегает основной количественный «водораздел». В исследовании, кроме того, использованы полевые материалы автора (2002—2012 гг.) — результаты непосредственных наблюдений, бесед с информантами.

Результаты исследования

Пропорция «мужчины/женщины», установленная на основе сплошного учета всех взрослых аборигенов, проживающих в избранных местностях, наглядно показывает «лестницу урбанизации», ступени которой образуются за счет резкого возрастания удельного веса женщин в гендерной структуре населения от кочевья к городу (областной центр) (рис. 1). Расчет относительной координаты показывает, что на 100 мужчин приходится следующее число женщин (в разрезе «коряки/эвены»): в тундре — 30/31; в селах — 92/80, в районном

центре — 162/150, в городе — 252/208. Очевидно, что ни в одной локации соотношение полов у аборигенных народов не является оптимальным: в оленеводческих бригадах и селах женщин слишком мало, а в городской местности, напротив, избыток; при этом гендерный сдвиг у коряков проявлен резче, чем у эвенов.

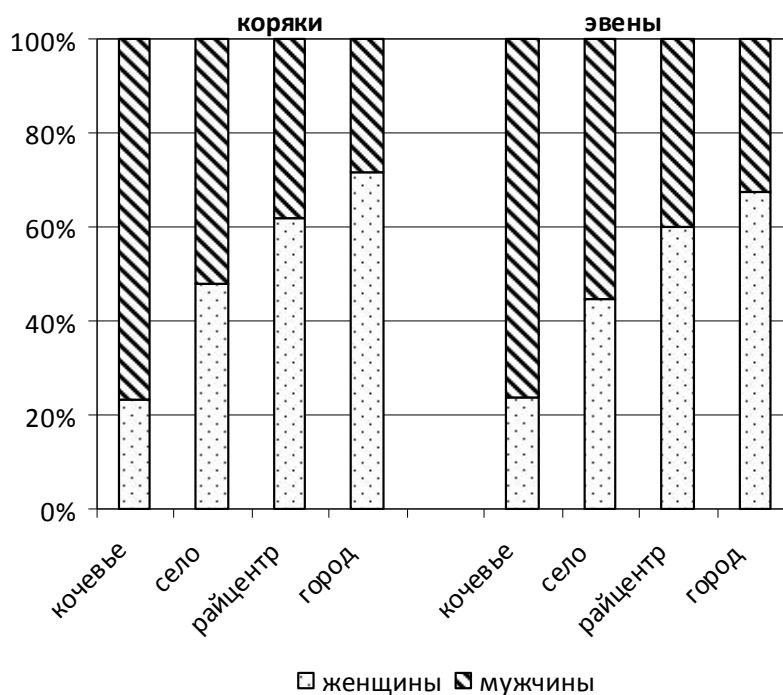

Рис. 1. Гендерная структура аборигенного населения, проживающего в различных местностях

Таким образом, мы видим, что стремление к улучшению комфортности проживания и ориентация на неолениводческую занятость в гораздо большей степени свойственны женщинам, они первыми покинули пастушеские коллективы. Резкая гендерная диспропорция приводит к распространению такого социально-демографического явления, как холостячество оленеводов. В настоящее время имеются даже чисто мужские бригады, чего раньше никогда не было. Пастухам приходится переходить на самообслуживание, за это они получают доплаты за счет ставок отсутствующих «чумработниц». Крайне немногочисленные женщины, еще кочующие в тундре (официально именуемые оленеводами 5-го разряда), — это жены или, реже, матери пастухов. В их обязанности входит обслуживание двух оленеводов, однако если семья проживает в отдельном жилище (палатке), то женщина заботится преимущественно о своем муже (сыне). К тому же речь здесь идет о текущей «домашней» работе (обустройство палаток, приготовление пищи, мелкий ремонт одежды), что же касается пошива меховых изделий, потребность в которых все еще велика, то эту работу по индивидуальным заказам выполняют, как правило, аборигенки-мастерицы, проживающие в селах или райцентре.

Гендерный сдвиг для самого аборигенного сообщества ощутимо болезнен именно в оленеводческих бригадах и сельской местности, т. е. там, где проживают (в основном или исключительно) одни аборигены. Ущемленной стороной здесь являются мужчины: им попросту не хватает невест. Но и миграция в райцентр и город, где женщин-аборигенок значительно больше, далеко не всегда решает проблему из-за асимметрий в брачных предпочтениях. Что же касается женщин, то гендерный «перекос» не мешает им устраивать личную судьбу. В оленеводческих стойбищах и селах у них всегда находятся поклонники из собственной этнической среды, а в городской местности возникающую диспропорцию компенсирует вмещающий социум: переселяющиеся сюда женщины коренной этнической принадлежности обычно создают семейные союзы с представителями неаборигенного населения.

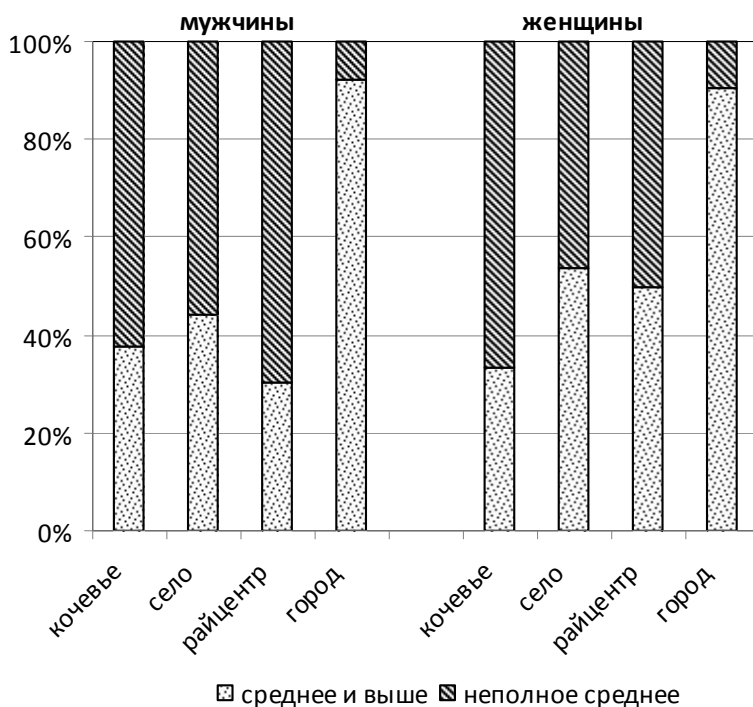

Рис. 2. Гендерное распределение лиц по уровню образования среди коряков

Связь процессов урбанизации и интенсификации общего и профессионального обучения аборигенов не подлежит сомнению, однако имеет свою специфику в гендерном и этническом плане. У коряков доля женщин с образованием «среднее и выше» превосходит соответствующую долю мужчин только в селе и районном центре, причем лишь в последнем случае это превосходство достаточно существенно (рис. 2), хотя в целом женщины более образованны, чем мужчины. Вместе с тем в локусе «райцентр» повышающий тренд «лестницы урбанизации» не коррелирует с транслокальной динамикой образовательного

профиля — напротив, наблюдается провал, особенно заметный у мужчин. Следовательно, переселение коряков, в том числе женщин, в районный центр не связано напрямую с повышением уровня их образования, тогда как в города редко переезжают те из них, кто не закончил среднюю школу.

По нашему мнению, притягательность районного центра для женщин-корячек (которых здесь в 1,6 раз больше, чем мужчин) все же связана с образовательным процессом, но эта зависимость принимает форму отсроченного социального вклада, в котором ведущую роль играет как сознательный выбор, так и открывшиеся финансовые возможности. Осознавая важность получения детьми среднего образования (такая школа имеется только в райцентре) и стремясь не разлучаться с ними, женщины решаются на переезд из села в райцентр, тем более что в последние годы женской мобильности сильно способствует реализация материнского капитала, размер которого достаточен для покупки двухкомнатной квартиры в пос. Эвенск. Такие семьи часто сохраняют связь с местами выхода в виде сезонной маятниковой миграции: летом, во время школьных каникул, родители с детьми приезжают в села, занимаются там собирательством, огородничеством, рыбным промыслом (см.: [Хаховская, 2015: 135]). Эта двойная связь (наличие жилья в райцентре и практики природопользования в селе) закрепляет коряцкие семьи в целом и женщин в частности в пределах Северо-Эвенского района. Как я покажу ниже, доля горожан среди коряков существенно меньше, чем среди эвенов.

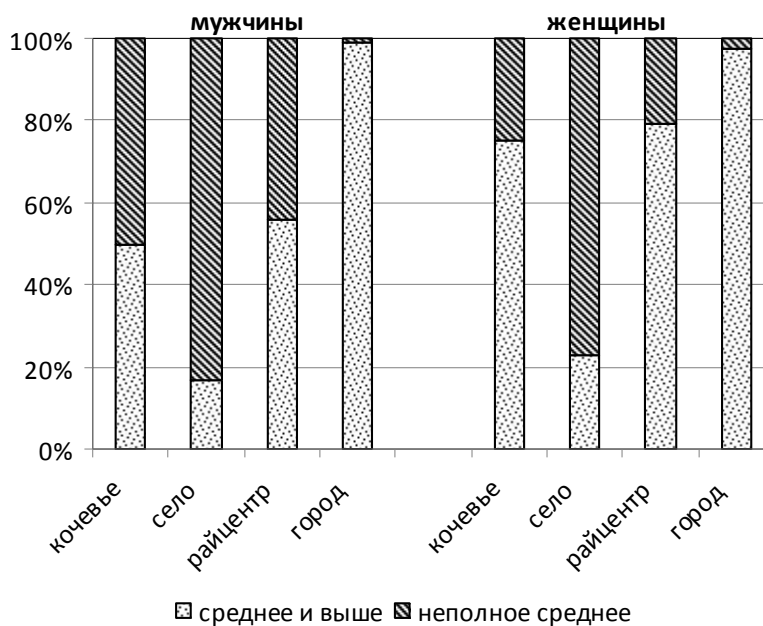

Рис. 3. Гендерное распределение лиц по уровню образования среди эвенов

В эвенском сообществе картина сложилась несколько иная. Уровень образования оленеводов-эвенов выше, чем коряков, а если взять только женщин, то картина получится еще более асимметричной. Женщины-эвенки существенно превосходят мужчин собственной этнической группы по уровню образования в оленеводческих бригадах и районном центре, в селе этот перевес незначителен,

а в городе женщины немного уступают мужчинам (рис. 3). Образовательные профили обоих гендеров показывают повышение от кочевья к городу, но имеют сильный провал в локусе «село». Другими словами, эвены с неполным средним образованием (как мужчины, так и женщины) по какой-то причине «застревают» в сельской местности, в то же время основную часть и кочевниц, и жительниц райцентра и города составляют женщины высокого образовательного статуса. Такое положение имеет место потому, что женщины-эвенки вообще заметно более образованны по сравнению с мужчинами-эвенками, и этим эвенское общество отличается от корякского, где образовательное преимущество женщин не так выражено, а в некоторых местностях отсутствует.

В целом можно сказать, что вектор гендерного сдвига коррелирует с направлением динамики образовательного транслокального профиля женщин-аборигенок, но все же межгендерные различия в уровне образования не столь резки, особенно у коряков, чтобы только этим можно было объяснить численное преобладание женщин среди аборигенов в райцентре и городе. По-видимому, движущим мотивом является не столько образовательная асимметрия гендерного сдвига, сколько два других ее вида, т. е. предпочтение женщинами городского образа жизни и нацеленность на создание брака с представителями некоренных этносов. Причины различающейся мобильности женщин можно усмотреть и в других факторах социально-экономического и культурного плана, которые имеют этническую специфику. Большую роль играет межпоколенная передача образовательного статуса. По результатам бесед с женщинами-аборигенками у меня сложилось впечатление, что корячки в большей степени настроены на то, чтобы их дети получили среднее и среднеспециальное образование, а эвенские женщины чаще мотивируют своих детей на обучение в вузах, которые имеются только в областном центре.

Важную роль, кроме того, играет наличие работы и характер трудовой занятости. Исследования показывают, что в Северо-Эвенском районе официальная трудоустроенность эвенов на 30 % выше, чем коряков. Корячки чаще трудятся там, где не требуется высокая квалификация, а также работают неофициально на различного рода «шабашках» [Хаховская, 2007: 100]. Официально занятые эвены поэтому не столь активны, как корячки, в плане возвратной маятниковой миграции в села и далеко не так часто практикуют присваивающее природопользование. Таким образом, у эвенов меньше связующих нитей с местами выхода, что позволяет с меньшим ущербом мигрировать за пределы района.

Право распоряжения материнским капиталом, дающее женщинам дополнительную степень мобильности, действует также избирательно и в пространственном, и в этническом разрезе. Семьи коряков более многодетны, чем эвенов [там же: 101], поэтому корячки чаще получают материнский капитал, который, как правило, направляют на покупку жилья в райцентре, поскольку возможности добавить средства и приобрести недвижимость за пределами района, где ее стоимость существенно выше, они лишены. Все эти факторы, усиливая друг друга, удерживают коряков преимущественно в районном центре, тогда как эвены в большей степени нацелены на сквозную восходящую миграцию с конечным пунктом в городе, что и показывает пространственная локализация представителей этих двух этнических сообществ (рис. 4).

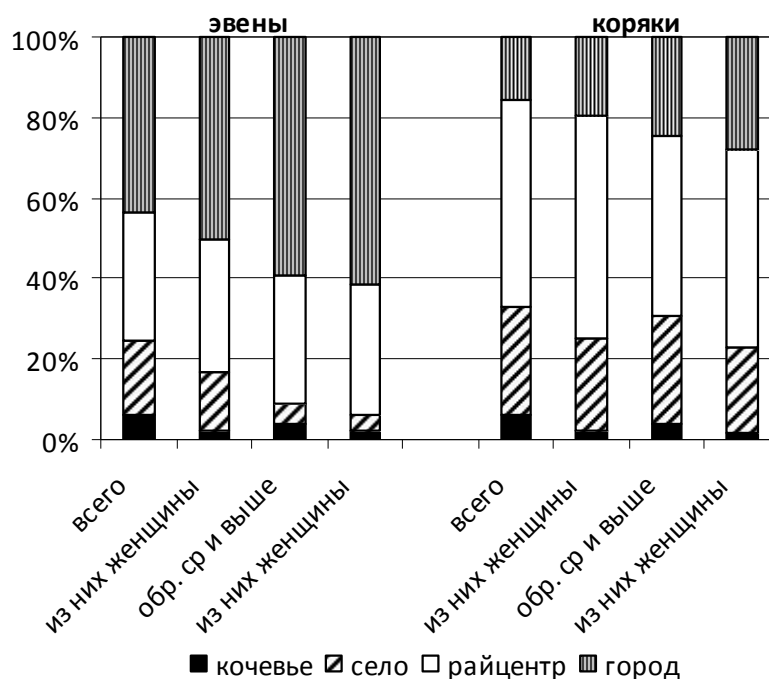

Рис. 4. Доля лиц, проживающих в различных местностях

Заключение

Основываясь на пространственном распределении лиц из взятой нами выборки, можно видеть, что эвены в целом предстают этносом гораздо более урбанизированным, чем коряки. Вместе с тем оба этноса демонстрируют ярко выраженное «женское лицо» аборигенной урбанизации, т. е. численное преобладание женщин над мужчинами среди аборигенов в районном центре и городе. Именно женщины первыми покидают кочевье и село, а в случае с эвенками и райцентр. На рубеже «село/райцентр» происходит инверсия гендерной диспропорции в пользу женщин. Что касается корреляции гендерного сдвига с гендерными различиями в уровне образования, то она не столь существенна, как можно было бы ожидать. Образованные аборигенки, конечно, стремятся в город, однако их доля высока и в райцентре, и даже в оленеводческих бригадах (у эвенов). Следовательно, сам по себе образовательный статус ярко выраженных урбанистических устремлений не вызывает, здесь действуют другие мотивы — выстраивание личностных (в том числе брачных) связей за пределами собственного этнического сообщества, родительская ответственность (стремление не разлучаться с детьми школьного возраста), возможность реализовать материнский капитал (особенно в райцентре).

В настоящее время именно горожане оказываются наиболее характерными представителями аборигенов [Поворознюк, Функ, 2016: 6], хотя весьма часто члены вмещающего сообщества склонны мыслить о коренных жителях как о далеких и «других» в пространственном и культурном отношении. Между тем

процессы урбанизации накладывают отпечаток на культурный облик аборигенного сообщества, его социальную и демографическую структуру, режимы мобильности и этнического активизма. Исследователи констатируют, что во всех северных регионах (как российских, так и зарубежных) в урбанизацию вовлечены прежде всего женщины [Швайцер, 2016: 18] и наиболее заметные процессы развития аборигенных культур разворачиваются на городской «сцене» [Хаховская, 2014: 40]. Гендерный пространственно локализованный сдвиг приводит к такой ситуации, что активистами в этнокультурной сфере становятся городские и поселковые женщины, а мужчины, кочевники и промысловики, продолжают играть ведущую роль в аборигенном природопользовании. Эти два режима этноориентированной деятельности, диктуемой традициями и унаследованным культурным багажом, все больше отрываются друг от друга в числе прочего и по причине выраженной гендерной переспециализации.

Библиографический список

- Бурыкин А.* «Женское лицо» интеллигенции современных малочисленных народов Севера России и взгляд на традиционную культуру // *Женщина в мире мужской культуры: путь к себе: материалы Международной научной конференции*, 15—17 июля 1999 г. СПб., 1999. С. 39—42.
- Ляская Е. В.* Женщины и тундра. Гендерный сдвиг на Ямале? // *Антропологический форум*. 2010. № 13. С. 3—38.
- Поворознюк О. А., Функ Д. А.* Урбанизация и коренные народы Севера: введение к теме номера // *Этнографическое обозрение*. 2016. № 1. С. 5—9.
- Хаховская Л. Н.* Современное социально-экономическое положение аборигенов Северо-Эвенского района Магаданской области // *Вестник Северо-Восточного научного центра Российской академии наук*. 2007. № 4. С. 98—104.
- Хаховская Л. Н.* Аборигены в городе: этнокультурный облик жителей Магадана // *Сибирские исторические исследования*. 2014. № 2. С. 39—59.
- Хаховская Л. Н.* Культура этнолокального сообщества: (коряки села Верхний Парень). Магадан, 2015. 258 с. URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/154193032.pdf> (дата обращения: 21.02.2016).
- Швайцер П.* Коренные народы и урбанизация на Аляске и на Канадском Севере // *Этнографическое обозрение*. 2016. № 1. С. 10—22.
- Povoroznyuk O., Habeck J., Vate V.* On the definition, theory, and practice of gender shift in the North of Russia: introduction // *Anthropology of East Europe Review*. 2010. Vol. 28, № 2. P. 1—37.
- Tuisku T.* The displacement of nenets women from reindeer herding and the tundra in the Nenets autonomous okrug, Northernwestern Russia // *Acta Borealia*. 2001. Vol. 18, № 2. P. 41—60.
- Vitebsky P.* *Reindeer People: Living with Animals and Spirits in Siberia*. London: Harper Collins, 2005. 464 p.
- Vitebsky P., Wolfe S.* The separation of the sexes among siberian reinder herdes // *Sacred Custodians of the Earth? Women, Spirituality and Environment* / ed. by A. Low, S. Tremayne. New York: Berghahn Books, 2001. P. 81—94.

References

- Burykin, A. (1999) “Zhenskoe litso” intelligentsii sovremennykh malochislennykh narodov Severa Rossii i vzgliad na traditsionnuiu kul'turu [“Women face” of modern minorities intellectuals of the Russia North and its view on the traditional culture], in: *Zhenshchina v mire muzhskoi kul'tury: put' k sebe: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, 15—17 iulia 1999 goda, St. Petersburg, pp. 39—42.
- Khakhovskaia, L. N. (2007) Sovremennoe sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie aborigenov Severo-Ėvenskogo raiona Magadanskoĭ oblasti [The modern social-economical status of indigenous population in the North Even area of Magadan region], *Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra Rossiĭskoi akademii nauk*, no. 4, pp. 98—104.
- Khakhovskaia, L. N. (2014) Aborigeny v gorode: ětnokul'turnyi oblik zhitelei Magadana [Aborigines in the city: the ethno-cultural profile of residents of Magadan], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 39—59.
- Khakhovskaia, L. N. (2015) *Kul'tura ětnolokal'nogo soobshchestva: (Koriaki sela Verkhniĭ Paren')* [Culture, ethnic and local community: (Koryak village Top Guy)], Magadan, available from <http://www.rfh.ru/downloads/Books/154193032.pdf> (accessed 21.02.2016).
- Liarskaia, E. V. (2010) Zhenshchiny i tundra. Gendernyi sdivg na Iamale? [Women and tundra. The gender shift in Yamal?], *Antropologicheskii forum*, no. 13, pp. 3—38.
- Povorozniuk, O. A., Funk, D. A. (2016) Urbanizatsiia i korenyye narody Severa: Vvedenie k teme nomera [Urbanization and the indigenous peoples of the North: An introduction to the theme of issue], *Ėtnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 5—9.
- Povoroznyuk, O., Habeck, J., Vaté, V. (2010) On the definition, theory, and practice of gender shift in the North of Russia: Introduction, *Anthropology of East Europe Review*, vol. 28, no. 2, pp. 1—37.
- Shvaĭtser, P. (2016) Korenyye narody i urbanizatsiia na Aliaske i na Kanadskom Severe [Indigenous peoples and urbanization in Alaska and the Canadian North], *Ėtnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 10—22.
- Tuisku, T. (2001) The displacement of Nenets women from reindeer herding and the tundra in the Nenets autonomus okrug, Northernwestern Russia, *Acta Borealia*, vol. 18, no. 2, pp. 41—60.
- Vitebsky, P. (2005) *Reindeer People: Living with Animals and Spirits in Siberia*, London: Harper Collins.
- Vitebsky, P., Wolfe, S. (2001) The Separation of the sexes among Siberian reindeer herdes, in: Low, A., Tremayne, S. (eds), *Sacred Custodians of the Earth? Women, Spirituality and Environment*, New York: Berghahn Books, pp. 81—94.

Статья поступила 10.05.2016 г.

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

ББК 63.3(2)53-284.3

Н. А. Пушкарева, Н. А. Мицюк

МОДЕРНИЗАЦИЯ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОБРАЗОВАННЫХ РОССИЯНОК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.

Женщина в российском обществе. 2016. № 3 (80). С. 73—89

Раскрываются основные тенденции в развитии репродуктивного поведения русских дворянок во второй половине XIX — начале XX в. В центре исследовательского интереса — представительницы дворянского сословия, так как именно в данной социальной когорте наиболее выражено происходила модернизация репродуктивного поведения. Исследование основано на женских эгодокументах и частных случаях, описанных врачами. Наиболее актуальными явились методы и подходы микроистории, гендерной истории, социальной и культурной антропологии, социально-конструктивистский подход, биографический метод и метод кейс-стади.

Вследствие либерализации российского общества, распада ценностей традиционной патриархальной семьи, разорения поместного дворянства, активизации публичной деятельности женщин, эмансипации формировался новый тип брачности. Революционный процесс автономизации сексуального и прокреативного поведения дворянок выражался в существенном сокращении числа деторождений, повышении брачного возраста и возраста первой беременности, широком распространении средств контрацепции. Новый тип рождаемости сформировался чрезвычайно быстро — на протяжении одного поколения.

Появление средств, ограничивавших деторождение, высвобождало женщин из цепи стихийных, бесконечных беременностей, тем самым создавая условия для освоения ими иных сфер деятельности и поиска новых

© Пушкарева Н. А., Мицюк Н. А., 2016

Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 14-31-01217 (грант 16-01-00 136). Поддержано программой фундаментальных исследований РАН «Историческая память и российская идентичность».

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc., Professor, Head of Women and Gender Studies Department, the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).

Мицюк Наталья Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории медицины и социальных наук, Смоленский государственный медицинский университет, г. Смоленск, Россия, ochlokratia@yandex.ru (Cand. Sc., Associate Professor at the Department of Philosophy, History of Medicine and Social Sciences, Smolensk State Medical University, Smolensk, Russia).

форм гендерной идентичности. Планирование рождения детей становилось важной составляющей жизни российских семей высшего сословия.

Ключевые слова: история материнства, история деторождения, дворянки, аборт, контрацепция, контроль над рождаемостью.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.3.7

**N. L. Pushkareva, N. A. Mitsyuk. Modernization
of reproductive behavior of noblewomen
in the second half of XIX — the beginning of the XX c.**

Authors reveal the main trends in reproductive behavior of noblewomen in the second half of XIX and the beginning of the XX c. The noblewomen are in the center of the research, because the modernization of reproductive behavior was the most pronounced in this social stratum. The study is based on the women's private documents, case histories and cases described by physicians. Among approaches and methods employed one should mention the following: socio-constructivist, micro history, gender history, social and cultural anthropology, biographical method, case studies.

Modernization of Russian society, the destruction of the patriarchal family, emancipation, availability of new areas for gender identity in the second half of the XIX c. contributed to the creation of a new type of mating behavior of noblewomen. It was the revolutionary process of autonomization of sexual and procreative behavior of noblewomen. Rationalization of reproductive behavior was reflected in significant reduction of births, increasing the age of marriage and the age of first pregnancy, widespread dissemination of contraception. A new type of fertility was formed very quickly — within one generation.

The reduction of births in woman's life in terms of social construction of "conscious motherhood" led to the growth of maternal roles value in female perception and dissemination of child-centrism. Planning of a family became an important component of the Russian noble families. Sexual life of a married woman became more and more independent of her reproductive abilities.

Key words: history of motherhood, history of childbearing, noblewomen, abortion, contraception, birth control.

Регулирование рождаемости — важнейшее понятие, характеризующее репродуктивное (прокреативное) поведение, т. е. систему действий, межличностных отношений и эмоционально-психических состояний, связанных с рождением детей или отказом от них, как в браке, так и вне брака. Противоречивые результаты современной демографической политики, трансформация института семьи и родительства заставляют пристальнее вглядываться в историческое прошлое, выявляя наиболее типичные для России тренды, ища в прошлом истоки современных проблем, намечая пути их решения.

Малое внимание к так называемым господствующим классам, своеобразию их повседневности и ментальностей на протяжении нескольких десятилетий развития советской историографии компенсировано современным интересом к ним. Частью проявления этого интереса выступает изучение повседневной жизни российских дворянок [Пушкарева, 1998; Белова, 2010; Мицюк, 2014b]. Анализ их репродуктивного поведения в эпоху зарождения движения женщин за свои права в России — новый ракурс изучения истории отечественной модернизации и урбанизации. Представляется очень важным обратить внимание

на представительниц дворянского сословия, так как именно в данной социальной когорте наиболее выраженно происходила модернизация репродуктивных и, шире, социально-психологических установок. Насколько заметной была ломка традиционного прокреативного поведения на уровне отдельных женщин? Насколько заметным на индивидуальном уровне был демографический переход (от многодетной к малодетной семье, от естественной рождаемости к рождаемости контролируемой, регулируемой контрацептивами)? Какие источники могут считаться достаточно репрезентативными для историка и демографа, изучающих механизмы контроля над рождаемостью? Что известно о методах контрацепции и как к ним относились столетие назад сами женщины?

Методы исследования

Репродуктивное поведение — явление, характеризующее большие (этнос) и малые (семья) социальные группы, — тема демографическая. Демографы его изучают на основании формальных статистических подсчетов брачности и детности в рамках зарегистрированных и свободных сожительств. Однако как именно идет формирование ценностных ориентаций и культурных образцов в каждом конкретном социальном слое, к которому принадлежат индивиды, как формируется социальная нормативная среда, ее установки и запреты, касающиеся рождений, абортов, контрацепции, — вопросы для демографов подчас периферийные.

Историку же интересен механизм процесса и историко-психологические нюансы. Чтобы понять репродуктивные установки и предпочтения (рождение детей или бездетность), необходим сбор и анализ источников особого рода — сохранивших эмоциональный фон эпохи («эмотивов»). Дело это необычайно трудоемкое: даже сейчас в автодокументальных материалах женщины не спешат с обнародованием подробностей такого рода. К необходимым источникам отнесем в первую очередь эгодокументальные памятники (дневники, воспоминания, письма), а также созданные в то время произведения художественной литературы (написанные как мужчинами, так и женщинами). В эту же группу «эмотивов» включим редко или вовсе не привлекавшиеся к изучению в нашей науке историко-медицинские материалы, в том числе зафиксированные врачами выдержки из историй болезней, позволяющие анализировать характер деторождения в жизни женщин и отношение их к данному вопросу; частные случаи из практики, описанные ими же. В решении задачи историку могут помочь и визуальные материалы (рекламные образы и тексты, иллюстрации в столичных и провинциальных изданиях). Интегративное использование источников разных типов, дополненное знаниями основ феноменологии и этнометодологии (А. Шюц, Г. Гарфинкель), социально-конструктивистского подхода (П. Бергер, Т. Лукман), микроистории, повседневноведения, гендерной истории, — методический путь к решению поставленных задач.

Обсуждение

Тема регулирования рождаемости в истории репродуктивного поведения специально не выделялась в отечественной историографии, но включалась в изучение проблем брачности, рождаемости и смертности. Подобная тематика волновала как дореволюционных этнографов [Бензенгер, 1879; Жбанков, 1889,

1891], так и советских демографов. Собственно, именно А. Г. Вишневский первым заявил о формировании на рубеже XIX—XX вв. нового «типа рождаемости» [Вишневский, 1977]. Историки тоже пытались сказать свое слово: Б. Н. Миронов отмечал, что стремится воссоздать социально-психологическую модель демографического поведения русского крестьянина XIX — начала XX в. [Миронов, 1977, 2000], но в чем ее отличие от средневропейской модели и сходство с ней, так и не указал.

С конца 1970-х гг. российские социологи стали чаще касаться исторических аспектов развития института семьи и родительства, но опирались исключительно на статистику [Дарский, 1979; Харчев, 1979; Антонов, 1980; Голод, 1998; Бим-Бад, Гавров, 2010]. Некоторые социальные группы при этом выпадали из поля зрения: скажем, дворянство и купечество просто относились к «горожанам». Смелые публикации этнографов (прежде всего И. С. Кона, затем Н. Л. Пушкаревой) поставили проблему истории русской абортивно-контрацептивной культуры, а приоткрытию завесы тайны над темой однополрой любви и осознанной бездетности способствовал перевод книги их американской коллеги Л. Энгельштейн [Энгельштейн, 1996]. В западноевропейских и американских исследованиях по социальной истории и исторической социологии за последние 30 лет в круг изучаемых вопросов попало немало новых тем (контроль над рождаемостью, репродуктивная свобода и права, рационализация сексуальности [Critchlow, 1996; Gordon, 2002; Brodsky, 2008; Engelman, 2011], но российская наука, по сути, их часто отказывалась даже упоминать.

Представленное исследование нацелено на изучение трансформации репродуктивного поведения дворянок второй половины XIX — начала XX в., вызванной модернизацией российского общества, а также разрушением патриархальной семьи, эмансипацией. Изучение данного явления дополнит историю российских женщин высшего сословия, позволит увязать важнейшие социально-политические, экономические процессы в стране с их частной жизнью, миром их повседневности, чувственными и эмоциональными переживаниями.

Результаты исследования

Формирование нового типа брачности. Репродуктивные установки во всех странах и культурах очень инертны. Важнейшей тенденцией брачного, репродуктивного и сексуального поведения дворянок в условиях пореформенной России — как и столетие до того — было дальнейшее повышение возраста первого деторождения. Если в Средние века митрополит Фотий позволял венчать «девочок» не младше 14 лет, то в XVIII в. закон разрешал девицам выходить замуж с 16 лет [Пушкарева, 1998]. Иными словами, в России — как и везде — поначалу существовала традиция ранних браков. Но в Западной Европе с XV в. стал распространяться европейский тип брачности (для которого характерно позднее вступление в брак, высокая доля лиц, никогда не женившихся и не вышедших замуж, малодетность и бездетность). К началу XX в. во многих европейских странах до 70 % женщин в возрасте 20—24 лет еще не были замужем, а среди 30-летних доля незамужних могла достигать почти половины женского населения этого возраста [Најнал, 1965: 67]. Иное дело — Россия. Ранние браки среди крестьянок вплоть до середины XIX столетия были нормой,

дворянки же (если судить по метрическим книгам) перестали спешить пользоваться этим правом и возможностью. Высокая материнская смертность при родах и высокая детская смертность по-прежнему заставляли считать материнство и естественным, и страшно рискованным предприятием, а выйти замуж и вскоре не забеременеть было, по всей видимости, даже для образованной женщины не так-то просто. Вот почему, по данным 1880-х гг., аристократки старались не остаться без мужей лишь в возрасте от 21 года до 30 лет [Михневич, 1886: 36]. Статистические отчеты подтверждают, что в пореформенной России наблюдалась устойчивая тенденция к повышению брачного возраста [Статистический временник... , 1887: 8]. Не только «новые женщины» эпохи — феминистки и нигилистки — не спешили обзаводиться семьей, но и обычные провинциальные дворянки. Изменения жизненных предпочтений молодежи, связанные с отходом от матримониальных ценностей, были частью конфликта «отцов и детей», хотя в данном случае уместна формулировка «родителей и дочерей». Провинциальная помещица М. А. Данилова в своих воспоминаниях цитировала старших родственниц, которые с непониманием относились к ее отрицанию раннего замужества: «Маше уже 23, и она еще не замужем» [РГАЛИ, ф. 1337, оп. 1, д. 66, л. 74]. Всего полвека ранее такая девушка могла прослыть «засидевшейся».

Мужской и женский исследовательский взгляд на причину повышения брачного возраста в аристократической и интеллигентской среде разнятся. Так, Б. Н. Миронов полагает, что было некое «рациональное решение правительства», возникшее под влиянием представителей образованных кругов общества, а также под влиянием врачебного и педагогического дискурсов, в которых культивировался образ «сознательной матери», заводящей детей в возрасте, далеком от подросткового [Миронов, 2000: 168] (см. также: [Мицюк, 2015]). Мы же предлагаем задуматься над трансформацией женских социальных статусов и ролей в эпоху зарождения движения эмансипации, стремления женщин к образованию и самостоятельному труду, в период появления новых сфер для женской самореализации. Если в XVIII в. женщины и девушки ни о чем, кроме замужества и материнства, и не мечтали не могли, то для женщины пореформенной России открылись иные горизонты социальной деятельности. На страницах девичьих дневников, писем все чаще стали попадаться описания намерений пойти учиться, а вовсе не мечты о свадебном платье [ОР РГБ, ф. 375, картон 2, д. 1, л. 4; ф. 497, картон 1, д. 16, л. 4].

Так, о новых предпочтениях молодежи размышляла в своих воспоминаниях престарелая няня, воспитавшая не одно поколение девиц из высших сословий. Оценив барышень «прежних» времен («сегодня в куклы играет, а завтра под венец идет», «кончат пансион и замуж скорей»), в отношении девушек начала XX в. она заметила, что те «детей-то родить успеют, теперь впору курсы слушать» [Холопы, 1914: 169].

Следует рассматривать и другую сторону жизни дворянок второй половины XIX в. В условиях разорения помещичьих семей с их патриархальным укладом уходил в прошлое традиционный гендерный контракт с мужем-кормильцем, обеспечивающим необходимое количество помощниц в деле воспитания детей. Небогатые дворянки задумывались над тем, как найти дополнительный заработок, и выяснялось это не их феминистскими устремлениями, а финансовой

необеспеченностью. Смена приоритетов вела к отсроченному материнству, нижняя граница возраста первых родов — как то было и в Западной Европе [Coale, 1969] — повышалась. Анализ семейного положения учительниц провинциальных женских гимназий показал, что основной контингент учащихся женского пола составляли незамужние и бездетные женщины 25—30 лет, материально необеспеченные, не имевшие богатых родственников. Таковые (и дворянок среди них было немало) вынуждены были самостоятельно содержать себя, направляя все свои усилия на профессиональное совершенствование, а не на поиски подходящей партии.

Причины рационализации женской сексуальности. Контроль над рождаемостью. Что могло стать причиной очевидной и замеченной многими врачами XIX столетия рационализации женской сексуальности в пореформенной России и, как следствие, *сокращения числа беременностей и родов* в жизни дворянок? Похоже, немало образованных женщин руководствовались «желанием знать», но на их пути стояли старозаветные табу. Столетье рождения женского движения в России вовсе не было веком женского сексуального «освобождения». Крестьянки знали о контрацепции подчас больше, чем дворянки [Мухина, 2012; Мицюк, 2014а]. И все же, согласно статистическим данным конца XIX в., в дворянских семьях наблюдалось сокращение рождаемости в 2, а то и в 3 раза по сравнению с серединой XIX в. [Миронов, 2000: 186]. Столичный врач В. Н. Бензенгер указывал на то, что в среднем на одну дворянку приходилось четыре деторождения [Бензенгер, 1879: 14]. По данным врача Д. Н. Жбанкова, средняя плодовитость женщин из семей сельского духовенства составляла 9,8 детей [Жбанков, 1889]. Можно предполагать, что естественная плодовитость дворянок, находившихся в более выгодных социально-экономических условиях, имевших возможность окружить своих детей кормилицами и няньками, могла бы быть выше. Однако количество детей в дворянских семьях в среднем по России уменьшилось на 30 %, что значительно опережало сокращение деторождений в других сословиях [Миронов, 2000: 180]. Тенденция сокращения числа деторождений отразилась и на профессиональном акушерском языке. Если прежде к «многорожавшим» относили женщин, родивших более шести раз, то к началу XX в. к таковым стали относить матерей с тремя и более детьми [Онуфриев, 1905: 45; Феноменов, 1902: 78]. Возрастающие перерывы в деторождении при нормальном репродуктивном здоровье, о чем говорят истории болезней, имплицитно свидетельствуют о вхождении в супружескую жизнь средств, ограничивающих зачатие.

Модернизация российского общества, распространение идей либерализма, гуманизма, развитие женского просвещения приводили к индивидуализации сознания. Частные интересы все чаще ставились выше групповых, в том числе и семейных. Сокращение числа деторождений в семьях отмечали дореволюционные ученые и писатели. В. Михневич в отношении состоятельных интеллигентных супружеских пар столицы писал, что те «боятся детей», смотря на «плодовитость супругов» как на «обузу» [Михневич, 1886: 396]. Врач П. Чухнин указывал: «Замечается как бы стремление не к полному освобождению себя от детей, а к ограничению их числа» [Двенадцатый Пироговский съезд, 1913: 92]. В то время как на Западе складывание нового типа брачности и соответственно

снижение рождаемости имели эволюционный межпоколенный характер, в России новый тип рождаемости в дворянской среде оформился буквально на протяжении одного поколения. Очевидно, что данный процесс был закономерным при переходе от традиционного (доиндустриального) к индустриальному обществу. Разрушение старого, патриархального мира оказало ключевое влияние на трансформацию межличностных, в том числе семейных, отношений. Процесс разорения поместного дворянства, с особой силой проявившийся с 1880-х гг., разложение патриархальной дворянской семьи, участившиеся случаи развода или по крайней мере раздельного проживания супругов, женская эмансипация — все это вело к тому, что дворянки стали считать нормой рождение двух-трех детей.

Сторонники женской эмансипации смотрели на материнство не как на естественную биологическую функцию женщины, а как на ее право «самостоятельно решать вопрос, желает ли она иметь ребенка или нет» [там же: 212]. Не потому ли практически все участницы освободительного движения в России (от В. И. Засулич и В. Н. Фигнер до Н. К. Крупской и М. А. Спиридоновой, а они из дворян) были бездетны? Рост общественной и профессиональной активности дворянок не мог не сказаться на сокращении в их жизни числа деторождений. «Теперь редкая женщина только жена, мать и хозяйка, она часто при этом учительница, акушерка, фельдшерка, врач, швея, кассирша и др.», — отмечал в 1913 г. на съезде врачей П. Чухнин [там же: 91]. Для просвещенной части дворянства идеологическим обоснованием целесообразности сокращения деторождений стала популярная в Европе идея «социального неомальтузианства» [Яковлева, 1909], согласно которой контроль над рождаемостью является важным условием благосостояния общества. Таким образом, прагматичная реальность в конечном счете оказала существенное влияние на женскую фертильность и собственно репродуктивное поведение.

Изменения в репродуктивном поведении женщин могли принимать совершенно радикальные формы. Анализ женских нарративов конца XIX — начала XX в. показал, что среди дворянок появлялись те, кто исключал деторождение из собственных жизненных стратегий. Отказ от материнства впервые стало практиковать молодое поколение 1860-х («шестидесятницы»). Для многих представительниц либерального феминизма начала XX в. материнские роли также занимали второстепенное место. Эпоха модерна культивировала новый тип городской женщины, предполагавший отказ от традиционных женских радостей: детей, семьи, семейно-домашней повседневности (см.: [Пушкарева, 2008]). На страницах женских дневников фиксировались новые предпочтения дворянок [Стасова, 1969: 16; Миротворская, 2010: 182; Успенская, 1922: 33; Дьяконова, 1912: 322; РГАЛИ, ф. 142, оп. 1, д. 383, л. 27; ОР РГБ, ф. 375, картон 2, д. 1, л. 4]. Скажем, активная участница женского движения либерального толка Н. В. Стасова признавалась: «Для меня исчезло очарование семьи своей собственной, я почувствовала любовь ко всемирной семье; это стало моим идеалом, я с ним и умру!» [Стасов, 1899: 387].

Ломка традиционной установки на брак и материнство особенно быстро проходила в крупных городах: там у женщин было больше возможностей для внесемейной самореализации. Врач В. Михневич отмечал «антисемейный» характер Петербурга 1880-х гг., в котором все большее число молодых людей

предпочитали браку и семье свободный образ жизни. Этот город Михневич находил раем для юных «эмансипе»: «Для женщин, обреченных на одиночество и эмансипированных от брачных уз, Петербург может считаться самым удобным и самым заманчивым из всех русских городов» [Михневич, 1886: 396]. Нетипичное поведение демонстрировала Л. Д. Менделеева-Блок, отрицавшая материнство. Она была убеждена, что с рождением ребенка женщина больше не принадлежит себе, а значит, перестает быть личностью [Блок, 1979].

На протяжении второй половины XIX в., согласно статистическим материалам, многочисленным автодокументальным источникам, наблюдалась устойчивая тенденция сокращения числа детей в дворянских семьях в условиях длительного репродуктивного периода супругов. В супружеских отношениях обеспеченных и образованных социальных слоев уже не один век присутствовали определенные формы ограничения деторождения, однако среди них уже не только контрацепция, но и аборт стал куда более практикуемым и известным. Ослабление норм патриархального общества, новая половая мораль городской молодежи, распространение добрачных связей горожанок (а среди них все больше было и обедневших дворянок) являлись причинами «нежелательных беременностей». Новшеством в репродуктивном поведении дворянок стали именно абортивные практики.

«Плодоизгнания» в интеллигентных классах. В то время как о «плодоизгнании» в низших слоях общества написано немало работ (см., напр.: [Фукс, 1910: 40]), об абортах среди представительниц привилегированного сословия ни дореволюционные, ни современные исследователи речи не вели: считалось, что эти практики не имели распространения в дворянском сословии. Действительно, тема аборта в России — это очень табуированная область в истории женского репродуктивного поведения, ведь он считался делом аморальным, незаконным и практиковался, как правило, анонимно. Однако врачи отмечали случаи «преступных выкидышей» в привилегированных слоях общества [Холмогоров, 1900, 1911]. Врач-гинеколог Я. Е. Выгодский в своем докладе на XII Пироговском съезде среди перечисленных причин увеличения абортотворности называл и «крайнюю изнеженность и избалованность многих женщин, принадлежащих по преимуществу к самым богатым и культурным классам населения» [Двенадцатый Пироговский съезд, 1913: 375]. Тем самым он подтверждал существование «плодоизгнаний» в интеллигентных классах. Профессор М. Н. Гернет, выступая в 1914 г. на съезде криминалистов, открыто констатировал: «Женщины богатого класса имеют возможность высоким гонораром оплачивать риск уголовного преследования и с трудом, но находят врачей, производящих нужную операцию в соответствующих условиях» (цит. по: [Траинин, 1914: 257]). О повсеместном распространении абортотворности, в том числе среди аристократок, говорил С. Елпатьевский: «В круг его вовлечены богатые и бедные, города и деревни, производят себе выкидыши не только девушки, но и мужние жены — и даже трудно сказать, кто чаще производит выкидыши» [Елпатьевский, 1914: 265]. Существовавшее положение дел возмущало Л. Н. Толстого, который еще в 1880-х гг. писал: «...с помощью науки на моей памяти сделалось то, что среди богатых классов явились десятки способов уничтожения плода... Зло уже далеко распространилось, и оно охватит всех женщин богатых классов, и тогда они сравняются с мужчинами

и вместе с ними потеряют разумный смысл жизни» [Толстой, 1983: 391—392]. Насколько данное явление было распространено, говорить не приходится за отсутствием соответствующей статистики.

В эгодокументах указания на произведенные аборт встречаются крайне редко ввиду аморальности и противоправности их в дореволюционной России. В интимной переписке с В. Брюсовым Н. Петровская упоминала о том, что знакомые ей дамы регулярно посещают «фабрику ангелов» [Брюсов, Петровская, 2004: 528]. С собственной беременностью она поступила так же. Она писала, что ее страшит («все холодеет внутри от ужаса») сама процедура плодоизгнания — «операция без хлороформа». Но в то же время Нина решилась на аборт («Но если иначе нельзя и ты не хочешь, я сделаю так») [там же: 524]. Узнав о своей беременности, Л. Д. Менделеева-Блок признавалась в желании избавиться от плода («твердо решила устранить беременность» (см.: [там же: 64]). В редких дневниках и письмах, принадлежащих дворянкам, содержится информация о желании «вытравить» ребенка (см.: [Бекетова, 1990]). Провинциальная дворянка А. Знаменская указывала на то, что она «глотала разную дрянь» [РГАЛИ, ф. 142, оп. 1, д. 400, л. 20 об], чтобы вызвать регулы. Это весьма любопытное и крайне редкое свидетельство, так как оно говорит в пользу существования абортивных практик на самых ранних сроках беременности.

Представительницы высших слоев общества обладали достаточными ресурсами, чтобы сделать вполне квалифицированный аборт, который при должном участии врачей приобретал форму «оперативной помощи при преждевременных родах и выкидышах» [Гофмейер, 1893; Губарев, 1915; Феноменов, 1902]. В автобиографической литературе можно найти намеки на осуществление подобных процедур, в то время как в художественной литературе встречаются подробно описанные сюжеты на эту тему [Гумилевский, 1991: 166].

Контрацептивные практики. Новым важным способом ограничения числа деторождений в супружеской жизни стали средства контрацепции. В начале XX в. в медицинской и публицистической литературе все чаще встречались указания на распространение в обществе противозачаточных средств и техник [Дрекслер, 1910]. На страницах популярной медицинской работы автор в отношении деторождения писал: «Дети, составлявшие основную цель брака у наших предков, стали теперь нежеланными гостями, и люди ухищряются всевозможными способами предупредить зачатие» [Фишер-Дюккельман, 1903: 185]. Проникновение в повседневную жизнь женщин контрацептивов вызывало устойчивую критику как на Западе, так и в России [Ломброзо, 2012: 91; Толстой, 1983].

Однако в России атмосфера была несколько либеральнее. В конце XIX в. была издана уникальная книга медико-просветительского характера — «Как предупредить беременность у больных и слабых женщин» петербургского врача К. И. Дрекслера [Дрекслер, 1910]. Важным доказательством того, что специальные средства предупреждения беременности входили в жизнь людей, являлись многочисленные свидетельства частнопрактикующих врачей. Контрацепция была не столько модной тенденцией высшего сословия, сколько объективным следствием процессов, происходивших в российском обществе. Врач Е. С. Дрентельн основную причину распространения специальных средств контрацепции видел в «столкновении болезненного сильного полового инстинкта с чрезвычайно обостренными условиями экономической жизни» [Дрентельн, 1908: 154].

Вхождение средств контрацепции в повседневную жизнь замужних дворянок было явлением противоречивым. В условиях критики контрацепции и представителями церкви, и врачебным сообществом, а также низкого уровня сексуального просвещения населения различные способы предохранения воспринимались аристократками как нечто аморальное и омерзительное. Решаясь на ограничение деторождений, они стремились перед самими собой, перед знакомыми найти достойное оправдание. Исключительное «право не рожать», которое не встретило бы общественных пересудов и самобичевания, могли дать врачи. Врачебные заключения стали единственным моральным объяснением для самих дворянок возможности выйти за пределы бесконечной цепи беременностей, родов и материнства. Княжна И. Юсупова, племянница императора, отмечала, что врачи ей рекомендовали «не иметь детей», пока организм «не окрепнет» [РГАДА, л. 28]. А. А. Знаменская, родив пятого ребенка, сообщала: «Акушер не велел родить больше. Истощены силы» [там же, л. 31].

Ограничить число деторождений российская дворянка могла по-разному, использовалось все то, что было хорошо знакомо женщинам на селе — от «супружеского воздержания» до «недоконченного совокупления» [Жук, 1902, 1906; Пликус, 1902; Якобсон, 1905], но в распоряжении горожанок начала XX в. были и специальные средства контрацепции. В автодокументалистике есть упоминания о том, что дворянки употребляли в качестве контрацептивов настойки, отвары и получившую распространение в XIX в. «сулему» [РГАЛИ, ф. 142, оп. 1, д. 383, л. 35]. Однако зачастую это не давало полной гарантии, к тому же вызывало заболевания желудка и нервной системы. В отличие от крестьянских женщин, широко применявших механические способы профилактики и прерывания нежеланной беременности (прыгание с высоких объектов, подъем тяжестей, тугое бинтование и др.), дворянки ничем подобным не занимались. Первые упоминания в женских дневниках об использовании «специальных средств» относятся к 1870-м гг.: «...говорил о каких-то тампонах, губках, да больно все это пакостно...» [там же, л. 31 об]. Одна из авторов дневников, Е. Н. Половцова, рассказала о регулярном использовании «порошковдувателей» и спринцевании [ОР РГБ, ф. 601, оп. 1, д. 55, л. 2—8].

К началу XX в. специальные средства контрацепции, предназначенные как для мужчин, так и для женщин, получили повсеместное распространение в высших слоях российского общества. В 1893 г. врач А. Г. Боряковский писал: «Средства, препятствующие зачатию, приобретают все большее распространение. В газетах печатаются о них рекламы; в аптеках, аптечных складах, инструментальных и резиновых магазинах они всегда в обилии и на самом видном месте» [Боряковский, 1893]. Врачи отмечали, что это явление было массовым, неконтролируемым. По их свидетельствам, женщины мало разбирались в соответствующих товарах. Точнее всего противоречивую ситуацию относительно средств контрацепции описал врач К. Дрекслер: «Многие желающие по той или иной причине применять предохранительные от забеременения средства и стесняющиеся из ложного стыда обратиться за советом к врачу находятся в полном недоумении, какой презерватив им выбрать, и в результате выписывают наудачу какое-либо средство, оказывающееся на практике неудачным» [Дрекслер, 1910: VII]. Ежегодно на страницах европейских каталогов, продававшихся в России,

публиковались объявления о соответствующих фармацевтических новинках. В отличие от Европы, где открытая реклама контрацептивов была запрещена, в России подобные объявления можно было встретить как в столичных мужских и женских журналах, так и в провинциальных газетах [Реклама, 1908; Реклама, 1914].

Большое количество женских средств контрацепции, рекламировавшихся в российских журналах, заставляет сделать вывод о том, что в отечественной репродуктивной культуре проблема контрацепции считалась скорее женским, нежели мужским делом и с вопросами о ней к врачам обращались именно женщины как страдающая сторона. Сами мужчины нередко относили предохранение исключительно к женским практикам, полностью снимая с себя ответственность за нежеланные беременности. Одна провинциальная дворянка в смятении писала, что муж ее винит во все новых беременностях, упрекая в том, что она «не умеет устроиться, чтобы не беременеть» [РГАЛИ, ф. 142, оп. 1, д. 409, л. 20 об]. Несмотря на доминирование критики в отношении специальных средств контрацепции, именно женщины индустриальной России начали активно прибегать к ней. Распространение данной практики позволило дамам высшего сословия воспользоваться репродуктивной свободой, без которой неосуществимы многие перемены в женском социальном самосознании и женская внесемейная самореализация, ограничены возможности женского социального освобождения и эмансипации.

Проблема использования контрацептивов стала особенно актуальной в 1910-х гг. Медицинское сообщество предлагало сделать средства предохранения от беременности доступными уже не только для обеспеченных горожанок, но и для трудового народа, видя в них панацею от инфантицида и распространения сифилиса [Двенадцатый Пироговский съезд, 1913: 88]. Для большинства либерально настроенных врачей средства ограничения рождаемости являлись «предохранительным клапаном» от «преступных выкидышей», детоубийств и оставления детей [Рейдлик, 1916: 15—17].

Выводы

В условиях пореформенной России наблюдался интенсивный процесс трансформации репродуктивного поведения в сторону его рационализации среди представителей высших слоев общества. Отношение к контрацепции — один из наиболее важных индикаторов, свидетельствующих о степени завершенности демографического перехода (от традиционного общества к современному). Вследствие либерализации страны, распада ценностей традиционной патриархальной семьи, разорения помещного дворянства, активизации публичной деятельности женщин, эмансипационного движения формировался новый тип брачности в образованных слоях общества. С высоты сегодняшнего дня очевидно, что за полстолетия в стране произошла невидимая демографическая революция, автономизировавшая сексуальное и прокреативное поведение дворянок. Рационализация их жизненных установок выразилась в существенном сокращении числа деторождений, повышении брачного возраста и возраста первой беременности, но в первую очередь, конечно, в широком распространении средств контрацепции. Новый тип рождаемости в России, схожий с европейским, сформировался чрезвычайно быстро — на протяжении одного поколения. Сокращение числа деторождений в женской жизни в условиях настойчивой пропаганды

«сознательного материнства» вело к усилению внимания к рожденным детям, росту материнской ответственности, а в родительском воспитании — к распространению детоцентристской воспитательной концепции, предполагающей концентрацию интересов семьи главным образом на детях [Бим-Бад, Гавров, 2010].

Появление вначале за рубежом, а затем и в России средств, ограничивавших деторождение, подарило образованным горожанкам свободное время для досуга и профессиональных исканий, независимость от физиологических потребностей мужей и, следовательно, нескончаемой цепи стихийных беременностей. Планирование семьи превратилось в неотъемлемую составляющую жизни образованных слоев российских горожан, в первую очередь, конечно, дворян. Эти процессы можно смело назвать революционными, поскольку они оказали существенное влияние на формирование новых гендерных ценностей и отношений в обществе.

Библиографический список

- Антонов А. И. Социология рождаемости. М.: Статистика, 1980. 271 с.
- Бекетова М. А. Из дневника // Воспоминания об Александре Блоке / сост. Е. П. Енишерлова, С. С. Лесневский. М.: Правда, 1990. С. 348—570.
- Белова А. В. «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII — середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. 480 с.
- Бензенгер В. Н. К антропологии женского населения Москвы. М.: Тип. М. Н. Лаврова, 1879. 21 с.
- Бим-Бад Б. М., Гавров С. Н. Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. М.: Новый хронограф, 2010. 352 с.
- Блок Л. Д. И быль, и небылицы о Блоке и о себе. Бремен: Кафка-Пресс, 1979. 103 с.
- Боряковский А. Г. О вреде средств, препятствующих зачатию // Врач. 1893. № 32. С. 886—887.
- Брюсов В., Петровская Н. Переписка, 1904—1913 / сост. Н. А. Богомолова, А. В. Лаврова. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 776 с.
- Вишневский А. Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / под ред. А. Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977. С. 105—135.
- ГАСО (Государственный архив Смоленской области). Ф. 108. Оп. 1. Д. 17.
- Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 272 с.
- Гофмейер М. Очерки основ гинекологических операций. СПб.: Изд. К. Риккера, 1893. 381 с.
- Губарев А. П. Оперативная гинекология и основы абдоминальной хирургии. М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсона, 1915. Ч. 1. 641 с.
- Гумилевский Л. Чужие крыши. М.: Сов. Россия, 1991. 237 с.
- Дарский Л. Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи. М.: Наука, 1979. С. 85—125.
- Двенадцатый Пироговский съезд, 29 мая — 5 июня 1913 г. СПб.: [б. и.], 1913. Вып. 2. 423 с.
- Дрекслер К. Как предупредить беременность у больных и слабых женщин. СПб.: Свет, 1910. 128 с.

- Дрентельн Е. С.* Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книгоизд-во Брейтигама, 1908. 285 с.
- Дьяконова Е. И.* Дневник. М.: Изд. В. М. Саблина, 1912. 359 с.
- Елпатьевский С.* Самоистребление человечества: по поводу съезда криминалистов в Петербурге // Русское богатство. 1914. № 4. С. 265.
- Жбанков Д. Н.* К вопросу о плодовитости замужних женщин // Врач. 1889. № 13. С. 309.
- Жбанков Д. Н.* Бабыя сторона: статистико-этнографический очерк. Кострома: Губ. тип., 1891. 97 с.
- Жук В. Н.* Недоконченное совокупление // Акушерка. 1902. № 12. С. 316.
- Жук В. Н.* Мать и дитя: гигиена в общедоступном изложении. СПб.: Изд-во В. И. Губинского, 1906. 1116 с.
- Ломброзо Ч.* Женщина — преступница или проститутка. М.: Попурри, 2012. 320 с.
- Мионов Б. Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / под ред. А. Г. Вишневого. М.: Статистика, 1977. С. 83—105.
- Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 565 с.
- Миротворская Н. А.* Две тетради. М.: Галерея СТО, 2010. 296 с.
- Михневич В.* Язвы Петербурга: исторические этюды русской жизни. СПб.: Тип. Сущинского, 1886. 542 с.
- Мицюк Н. А.* Средства контрацепции в повседневной жизни дворянок на рубеже XIX—XX веков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014а. № 2. С. 49—68.
- Мицюк Н. А.* Типы российских дворянок начала XX в. по отношению к собственной фертильности и материнству // Женщина в российском обществе. 2014b. № 2. С. 17—29.
- Мицюк Н. А.* Конструируя «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX века // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 1. С. 21—33.
- Мухина З. З.* Плодоизгнание и контрацепция в традиционной крестьянской культуре Европейской России (вторая половина XIX — 30-е годы XX в.) // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 147—160.
- Онуфриев В. М.* Акушерские случаи. Екатеринбург: Электротиполитография С. М. Меклера, 1905. 86 с.
- ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки).
- Пликус.* Половая жизнь // Акушерка. 1902. Кн. 8, № 15—16. С. 234—235.
- Пушкарева Н. Л.* Интимная жизнь русских женщин в XVIII в. // Этнографическое обозрение. 1998. № 1. С. 93—103.
- Пушкарева Н. Л.* Сексуальность в частной жизни русской женщины (X—XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 3—17.
- РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1290. Оп. 2. Д. 2610.
- РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства).
- Рейдлик А. А.* Война и охрана материнства и младенчества: речь на съезде Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества, 6 ноября 1916 г. Пг.: Тип. «Орбита», 1916. 30 с.
- Реклама // Смоленский вестник. 1908. № 121. С. 1.
- Реклама // Синий журнал. 1914. № 6. С. 17.
- Стасов В. В.* Надежда Васильевна Стасова. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1899. 507 с.
- Стасова Е. Д.* Воспоминания. М.: Мысль, 1969. 285 с.
- Статистический временник Российской империи. Серия 3. СПб., 1887. Вып. 21: Движение населения Европейской России за 1882 год. 534 с.

- Толстой Л. Н. Так что же нам делать? // Собрание сочинений: в 22 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 16. С. 391—392.
- Трайнин В. На съезде криминалистов: факты и впечатления // Русское богатство. 1914. № 4. С. 257.
- Успенская А. Воспоминания шестидесятицы // Былое. 1922. № 18. С. 33.
- Феноменов Н. Н. Оперативное акушерство. СПб.: Изд. братьев Башмаковых, 1902. 491 с.
- Фишер-Дюккельман А. Женщина как домашний врач. М.: Изд-во Аскарханова, 1903. 556 с.
- Фукс И. Б. Проблема преступности плодоизгнания. Харьков: Типолитография М. Сергеева и К. Гальченка, 1910. 21 с.
- Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979. 367 с.
- Холмогоров С. С. Привычный выкидыш и привычные преждевременные роды // Журнал акушерства и женских болезней. 1900. № 10. С. 1212—1218.
- Холмогоров С. С. Искусственные преждевременные роды // Журнал акушерства и женских болезней. 1911. № 7—8. С. 989—999.
- Холопы: (рассказ няни З. Корецкой) // Родина. 1914. № 11. С. 169.
- Энгельштейн Л. Ключи счастья: секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX—XX веков. М.: Терра, 1996. 572 с.
- Якобсон Л. Половое воздержание перед судом медицины // Русский врач. 1905. № 18. С. 588—594.
- Яковлева С. Деторождение и женское движение // Женский вестник. 1909. № 10. С. 191—194.
- Brodsky Ph.* The Control of Childbirth: Women Versus Medicine Through the Ages. London: McFarland & Co, 2008. 211 p.
- Coale A. J.* The decline of fertility in Europe from the French Revolution to the World War II // Fertility and Family Planning. A World View / ed. by S. J. Behrman, L. Corsa, J. R. Freedman. Ann Arbor: Michigan University Press, 1969. P. 3—24.
- Critchlow D.* The Politics of Abortion and Birth Control in Historical Perspective. Philadelphia (PA): University of Pennsylvania Press, 1996. 182 p.
- Engelman P.* A History of the Birth Control Movement in America. [S. l.]: Praeger, 2011. 231 p.
- Gordon L.* The Moral Property of Women: a History of Birth Control Politics in America. Chicago: University of Illinois Press, 2002. 464 p.
- Hajnal J.* European marriage patterns in perspective // Population in History / ed. by D. V. Glass, D. E. S. Eversley. London; Chicago: Aldine, 1965. P. 101—143.

References

- Antonov, A. I. (1980) *Sotsiologiia rozhdaiemosti* [Sociology of fertility], Moscow: Statistika.
- Beketova, M. A. (1990) Iz dnevnika [From the diary], in: *Vospominaniia ob Aleksandre Bloke*, Moscow: Pravda, pp. 348—570.
- Belova, A. V. (2010) “*Chetyre vozrasta zhenshchiny*”: *Povsednevnaia zhizn' russkoï provin-tsiial'noï dvorianki XVIII — serediny XIX v.* [“Four ages of a woman”: Everyday life of Russian provincial noblewoman XVIII — middle XIX c.], St. Petersburg: Aleteïia.
- Benzenger, V. N. (1879) *K antropologii zhenskogo naseleniia Moskvy* [Anthropology of the female population of Moscow], Moscow: Tipografiia M. N. Lavrova.
- Bim-Bad, B.M., Gavrov, S. N. (2010) *Modernizatsiia instituta sem'i: makrosotsiologicheskii, ekonomicheskii i antropologo-pedagogicheskii analiz* [Modernization of the family institution: macro-sociological, economic and anthropological-pedagogical analysis], Moscow: Novyi khronograf.

- Blok, L. D. (1979) *I byl', i nebylitsy o Bloke i o sebe* [And true story, and stories about Blok and about herself], Bremen: Kafka-Press.
- Boriakovskii, A. G. (1893) O vrede sredstv, prepiatstvuiushchikh zachatiu [About the dangers of means that prevent conception], *Vrach*, no. 32, pp. 886—887.
- Briusov, V., Petrovskaia, N. (2004) *Perepiska, 1904—1913* [Correspondence, 1904—1913], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Brodsky, Ph. (2008) *The Control of Childbirth: Women Versus Medicine Through the Ages*, London: McFarland & Co.
- Coale, A. J. (1969) The decline of fertility in Europe from the French Revolution to the World War II, in: Behrman, S. J., Corsa, L., Freedman, J. R. (eds), *Fertility and Family Planning. A World View*, Ann Arbor: Michigan University Press, pp. 3—24.
- Critchlow, D. (1996) *The Politics of Abortion and Birth Control in Historical Perspective*, Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.
- Darskiĭ, L. E. (1979) Rozhdaemost' i reproduktivnaia funktsiia sem'i [Fertility and reproductive function of the family], in: *Demograficheskoe razvitie sem'i*, Moscow: Nauka, pp. 85—125.
- D'iakonova, E. I. (1912) *Dnevnik* [The Diary], Moscow: Izdanie V. M. Sablina.
- Dreksler, K. (1910) *Kak predupredit' beremennost' u bol'nykh i slabykh zhenshchin* [How to prevent pregnancy of ill and weak women], St. Petersburg: Svet.
- Drentel'n, E. S. (1908) *Étiudy o prirode zhenshchiny i muzhchiny* [Studies on the nature of woman and man], Moscow: Knigoizdatel'stvo Breĭtigama.
- Elpat'evskii, S. (1914) Samoistreblenie chelovechestva: Po povodu s"ezda kriminalistov v Peterburge [The self-destruction of humanity: About the forensics Convention in St. Petersburg], *Russkoe bogatstvo*, no 4, p. 265.
- Engelman, P. (2011) *A History of the Birth Control Movement in America*, s. l.: Praeger.
- Ėngel'shteĭn, L. (1996) *Kliuchi schast'ia: Seks i poiski puteĭ obnovleniia Rossii na rubezhe XIX—XX vekov* [The keys to happiness: Sex and the search for modernity Russia on the end of XIX — beginning XX centuries], Moscow: Terra.
- Fenomenov, N. N. (1902) *Operativnoe akusherstvo* [Operative obstetrics], St. Petersburg: Izdanie brat'ev Bashmakovykh.
- Fisher-Diukkel'man, A. (1903) *Zhenshchina kak domashnii vrach* [Woman as home doctor], Moscow: Izdatel'stvo Askarkhanova.
- Fuks, I. B. (1910) *Problema prestupnosti plodoizgnaniia* [The problem criminal abortion], Har'kov, Tipolitografiia M. Sergeeva i K. Gal'chenka.
- Gofmeĭer, M. (1893) *Ocherki osnov ginekologicheskikh operatsii* [Essays on foundations of gynecological operations], St. Petersburg: Izdanie K. Rikkerera.
- Golod, S. I. (1998) *Sem'ia i brak: istoriko-sotsiologicheskii analiz* [Family and marriage: historical and sociological analysis], St. Petersburg: Petropolis.
- Gordon, L. (2002) *The Moral Property of Women: A History of Birth Control Politics in America*, Chicago: University of Illinois Press.
- Gubarev, A. P. (1915) *Operativnaia ginekologiia i osnovy abdominal'noi khirurgii* [Operative gynecology and abdominal surgery basis], Moscow: Tovarishchestvo skoropechatni A. A. Levensona, part 1.
- Gumilevskii, L. (1991) *Chuzhie kryshi* [Others roofs], Moscow: Sovetskaia Rossiia.
- Hajnal, J. (1965) European marriage patterns in perspective, in: Glass, D. V., Eversley, D. E. S. (eds), *Population in History*, London, Chicago: Aldine, pp. 101—143.
- Iakobson, L. (1905) Polovoe vozderzhanie pered sudom meditsiny [Sexual abstinence before the court of medicine], *Russkii vrach*, no. 18, pp. 588—594.
- Iakovleva, S. (1909) Detorozhdenie i zhenskoe dvizhenie [Childbearing and women's movement], *Zhenskii vestnik*, no. 10, pp. 191—194.

- Kharchev, A. G. (1979) *Brak i sem'ia v SSSR* [Marriage and family in the USSR], Moscow: Mysl'.
- Kholmogorov, S. S. (1900) Privychnyĭ vykidysh i privychnye prezhdvremennye rody [Recurrent miscarriage and habitual premature labor], *Zhurnal akusherstva i zhenskikh boleznei*, no. 10, pp. 1212—1218.
- Kholmogorov, S. S. (1911) Iskusstvennye prezhdvremennye rody [Early artificial birth], *Zhurnal akusherstva i zhenskikh boleznei*, no. 7—8, pp. 989—999.
- Lombrozo, Ch. (2012) *Zhenshchina — prestupnitsa ili prostitutka* [A female criminal or a prostitute], Moscow: Popurri.
- Mikhnevich, V. (1886) *Iazvy Peterburga: Istoricheskie ètiudy russkoĭ zhizni* [Ulcers of St. Petersburg: Historical sketches of Russian life], St. Petersburg: Tipografiia Sushchinskogo.
- Mironov, B. N. (1977) Traditsionnoe demograficheskoe povedenie krest'ian v XIX — nachale XX v. [Traditional demographic behaviour of peasants in the XIX — early XX c.], in: Vishnevskii, A. G. (ed.), *Brachnost', rozhdaemost', smernost' v Rossii i v SSSR*, Moscow: Statistika, pp. 83—105.
- Mironov, B. N. (2000) *Sotsial'naia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.)* [Social history of Russian Empire period (XVIII — beginning of XX c.)], St. Petersburg: Dmitriĭ Bulanin, vol. 1.
- Mirovtorskaiia, N. A. (2010) *Dve tetradi* [Two notebook], Moscow: Galereia STO.
- Mitsiuk, N. A. (2014a) Sredstva kontratseptsii v povsednevnoĭ zhizni dvorianok na rubezhe XIX—XX vekov [Contraception in the everyday life of noblewomen in the XIX—XX centuries], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia Istorii*, no. 2, pp. 49—68.
- Mitsiuk, N. A. (2014b) Tipy rossiĭskikh dvorianok nachala XX veka po otnosheniiu k sobstvennoĭ fertil'nosti i materinstvu [The types of Russian noblewomen at the beginning of the XX century in relation to your own fertility and motherhood], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 17—29.
- Mitsiuk, N. A. (2015) Konstruiruia “ideal'nuiu mat'”: kontseptsii materinstva v rossiĭskom obshchestve nachala XX veka [Constructing the “ideal mother”: the concept of motherhood in Russian society in the beginning of XX century], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noĭ politiki*, no. 1, pp. 21—33.
- Mukhina, Z. Z. (2012) Plodoizgnanie i kontratseptsii v traditsionnoĭ krest'ianskoĭ kul'ture Evropeĭskoĭ Rossii (vtoraia polovina XIX — 30-e gody XX v.) [Abortion and contraception in traditional peasant culture of European Russia (second half XIX — 30th of the XX c.)], *Ètnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 147—160.
- Onufriev, V. M. (1905) *Akusherskie sluchai* [Obstetric cases], Ekaterinburg: Èlektrotipolitografiia S. M. Meklera.
- Plikus (1902) Polovaia zhizn' [Sexuality], *Akusherka*, vol. 8, no. 15—16, pp. 234—235.
- Pushkareva, N. L. (1998) Intimnaia zhizn' russkikh zhenshchin v XVIII v. [The intimate life of Russian women in the XVIII c.], *Ètnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 93—103.
- Pushkareva, N. L. (2008) Seksual'nost' v chastnoĭ zhizni russkoĭ zhenshchiny (X—XX vv.): vliianie pravoslavnogo i ètakraticeskogo gendernykh poriadkov [Sexuality in private life Russian woman (X—XX cc.): the influence of Orthodox and autocratically gender orders], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—17.
- Reĭdlikh, A. A. (1916) *Voĭna i okhrana materinstva i mladenchestva: Rech' na s'ezde Vserossiĭskogo popechitel'stva ob okhrane materinstva i mladenchestva, 6 noiabria 1916 g.* [War and the protection of maternity and infancy: Speech at the Congress of all-Russian guardianship for the protection of maternity and infancy, November 6, 1916], Petrograd: Tipografiia “Orbita”.
- Stasov, V. V. (1899) *Nadezhda Vasil'evna Stasova*, St. Petersburg: Tipografiia M. Merkusheva.
- Stasova, E. D. (1969) *Vospominaniia* [Memories], Moscow: Mysl'.

- Tolstói, L. N. (1983) Tak chto zhe nam delat'?' [What are we to do?], *Sobranie sochineniĭ*: in 22 vols, Moscow: Khudozhestvennaia literatura, vol. 16, pp. 391—392.
- Traĭnin, V. (1914) Na s'ezde kriminalistov: Fakty i vpechatleniia [The congress of criminalists: Facts and experience], *Russkoe bogatstvo*, no. 4, p. 257.
- Uspenskaia, A. (1922) Vospominaniia shestidesiatnitsy [Memories of shestidesiatnitsy], *Byloe*, no. 18, p. 33.
- Vishnevskii, A. G. (1977) Rannie etapy stanovleniia novogo tipa rozhdaemosti v Rossii [Early stages of formation of a new type of fertility in Russia], in: Vishnevskii, A. G. (ed.), *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR*, Moscow: Statistika, pp. 105—135.
- Zhbankov, D. N. (1889) K voprosu o plodovitosti zamuzhnikh zhenshchin [To the question of fertility of married women], *Vrach*, no. 13, p. 309.
- Zhbankov, D. N. (1891) *Bab'ia storona*: Statistiko-étnograficheskiĭ ocherk [The females side: Statistical and ethnographic essay], Kostroma: Gubernskaia tipografiia.
- Zhuk, V. N. (1902) Nedokonchennoe sovokuplenie [Coitus interruptus], *Akusherka*, no. 12, p. 316.
- Zhuk, V. N. (1906) *Mat' i ditia: Gigiena v obshchedostupnom izlozhenii* [The mother and child: Hygiene in a public statement], St. Petersburg: Izdatel'stvo V. I. Gubinskogo.

Статья поступила 24.03.2016 г.

**КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА И РЕФОРМЫ 60—70-х гг. XIX в.
КАК ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ
ЖЕНЩИН-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬНИЦ В ДАГЕСТАНЕ**

Статья посвящена изучению факторов становления в Дагестане профессионального слоя женщин-предпринимательниц. В ходе исследования выявлено, что Кавказская война и последовавшие за ней буржуазные реформы сыграли важную роль в процессе интеграции женщин в предпринимательскую деятельность. На рубеже XIX—XX вв. они занимались различными видами коммерции, являлись владелицами винных и коньячных предприятий, всевозможных ремесленных заведений, частных образовательных учреждений. Исследование выполнено на основе широкого круга исторических источников, в том числе архивных.

Ключевые слова: Дагестан, буржуазные реформы, общественное производство, женщины-предпринимательницы, капиталистические отношения.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.3.8

**O. S. Mutieva. Caucasian War and reforms of 1860—1870-s
as factors contributing to women becoming entrepreneurs
in Dagestan**

The article is devoted to 60—70-s reforms of the XIX c. as an important factor in the formation of a layer of women-entrepreneurs in Dagestan. The end of the Caucasian War and the ensuing reforms of 1860—1870-s had a tremendous influence on the development of the Dagestan society. This period is well covered in the works of historians, both pre-revolutionary and contemporary. However, the issues related to the impact of reforms on the economic situation of women and, in particular, on the development of women-entrepreneurs in Dagestan did not find adequate coverage. This paper attempts to fill this gap and to identify the role of the bourgeois reforms in the formation of women's entrepreneurship.

The research based on the analysis of literary and archival materials revealed that conducted in the region bourgeois reforms played an important role in the process of integration of women in business. After studying the nature of women entrepreneurship, we came to the conclusion that at the turn of XIX—XX cc. they were involved in the trade and industrial activities, engaged in various types

---

© Мутиева О. С., 2016

Мутиева Оксана Саидовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала, Россия, mutiewa.oksana@yandex.ru (Cand. Sc., Associate Professor at the Department of Humanities, Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russia).

of business activities. They owned wine and brandy enterprises, various craft schools, private educational institutions. The study noted that these women were mostly of Russian or Armenian origin. Among local indigenous women there were practically no women entrepreneurs. Activities of women-entrepreneurs were based on equal opportunities principles as stipulated in the laws of the Russian Empire.

Key words: Dagestan, Caucasian War, bourgeois reforms, social production, women-entrepreneurs, capitalist relations.

Кавказская война 1817—1864 гг. стала катализатором буржуазных реформ, проводимых в Дагестане в 60—70-х гг. XIX в. Этот период достаточно хорошо освещен в трудах историков, как дореволюционных, так и современных. Вместе с тем в работах исследователей вопросы, связанные с влиянием реформ на экономическое положение женщины, и в частности на становление женщин-предпринимательниц в Дагестане, не нашли должного рассмотрения. В данной статье мы постарались восполнить этот пробел и выявить роль буржуазных реформ в становлении женского предпринимательства.

В результате проведения реформ в 60—70-х гг. XIX в. экономика Дагестана не только оказалась включенной в общероссийское русло, но и все более приобретала черты капиталистической, усиливая рост товарно-денежных отношений в самых отдаленных районах края, шло развитие капитализма «вглубь» [Фадеев, 1959: 40—41]. Особенно интенсивным стал этот процесс со второй половины XIX в., периода, характеризовавшегося появлением новых отраслей промышленности и новыми производственными отношениями. Предпосылкой развития в Дагестане предпринимательства, безусловно, явилась Крестьянская реформа 1861 г., которая привела к усилению социальной дифференциации дагестанского общества. Достаточно широко предпринимательство было развито в Темир-Хан-Шурином, Кайтаго-Табасаранском и Кумыкском округах. Что касается Кумыкского округа (центр — Хасавюрт), то согласно положению Кавказского комитета от 1857 г. он входил в Терскую область.

Наряду с Крестьянской реформой, фактором ускорения процесса предпринимательства в Дагестане стал и рост банков, как российских, так и местных. В Русско-Азиатском банке и в Дербентском городском банке им. Малютина были сконцентрированы капиталы всех дагестанских предпринимателей. Активной предпринимательской деятельностью, безусловно, характеризовались дагестанские города — Темир-Хан-Шура, Кизляр, Порт-Петровск и Дербент.

Разумеется, реформы 60—70-х гг. XIX в. стали факторами интеграции женщин в различные сферы общественной жизни. Не следует забывать, что сама по себе публичная деятельность женщины в любом проявлении воспринималась как нечто новое и непривычное. В условиях же Дагестана, где менталитет народа отличался патриархальностью, отношение к социально активным женщинам было особенно неоднозначным. Любое их желание выйти за рамки домашнего хозяйства расценивалось как своего рода вызов обществу.

К сожалению, сведения о женщинах, вовлеченных в промышленное производство, и женщинах-предпринимательницах в частности, практически отсутствуют в трудах как дореволюционных исследователей, так и современных историков-кавказоведов. Отдельные факты, имевшие место в рассматриваемый период, содержатся в общих работах по истории Дагестана.

Несмотря на отсутствие статистических суммарных данных о применении женского труда на промышленных предприятиях, не вызывает сомнения тот факт, что спрос на дешевый женский труд был больше, чем на мужской. Как справедливо отмечает О. А. Хасбулатова, «фабриканты и заводчики охотно шли на трудоустройство менее требовательных, чем мужчины, и менее социально активных работниц» [Хасбулатова, 1994: 97].

Анализируя женский фактор в промышленности Дагестана, мы видим, что женщина играла весьма заметную роль в возделывании технических сельскохозяйственных культур — марены, тутовых деревьев, винограда. Учитывая то, что марена в основном шла на продажу и составляла основной источник доходов равнинного Дагестана, ее выращивали на огромных площадях. В 1864 г. в Дербенте появилось первое предприятие фабрично-заводского типа по переработке марены, на котором были задействованы в качестве поденных рабочих коренные дагестанцы, в том числе и женщины [Милованов, 1991: 22; Рамазанов, 1972: 154]. Е. И. Козубский, отмечая важность развития отрасли для Российской империи, приводит следующие факты: «Русские фабриканты Барановы, Зубовы, Лепешкины и другие переводят в дагестанское мареноводство большие капиталы и входят в торговое товарищество с хозяевами-земледельцами» [Козубский, 1906: 226].

Ускоренный темп развития экономики края в пореформенный период способствовал увеличению различных сфер предпринимательской деятельности. История становления капитализма в Дагестане не может быть полной без рассмотрения участия женщин в данном процессе. Однако необходимо заметить, что предпринимательницами являлись преимущественно русские или армянские женщины, женщин-горянок среди них не было.

Изучив характер деятельности женщин в общественном производстве края, мы пришли к выводу, что они играли весьма заметную роль в сельском хозяйстве. В частности, в такой важной отрасли, как шелководство, преимущественно были задействованы женщины. Под посадку тутовых деревьев в Кайтаге, Табасаране, Кумыкии и в Терской области отводились большие площади. У нас нет сведений о доле женского предпринимательства в шелководстве, но известно, что в Терской области имелся шелковичный завод, принадлежавший г-же Хостатовой. Но после смерти владелицы завод сгорел, и предприятие пришло в упадок [Описание кавказского шелководства, 1891: 16].

В истории дагестанского предпринимательства XIX — начала XX в. особого внимания заслуживает виноградарство. Кавказская администрация прилагала определенные усилия по развитию в Дагестане этой отрасли, в связи с чем под виноградники отводилось все больше свободных земель. Уже с первой половины XIX в. Кизляр превращается в центр виноделия. Только с 1800 по 1818 г. число виноградных садов здесь выросло почти в три раза, а к середине XIX в. в Кизляре насчитывалось свыше 11,5 млн кустарников винограда. Крупными центрами виноградарства стали Северный Табасаран (площадь виноградных садов — 3487 десятин), Кайтаго-Табасаранский округ (427 десятин) и Геджух (80 десятин) [Минорский, 1963: 49]. Первое крупное промышленное виноградное хозяйство появилось в имении Воронцовых (с. Геджух) в 80-х гг. XIX в. Известно, что здесь в 1895—1897 гг. на сборе и обработке

винограда под сусло трудились 1119 поденных рабочих, а на обрезке — 756 [История Дагестана, 1968: 175, 182]. Помимо Воронцовых, виноградники промышленного значения в северной части Дербентского района имели и другие русские промышленники, например П. И. Лазарев (20 десятин) и В. С. Кривенко (10 десятин) [там же: 175].

Примечательно, что среди владельцев виноградных садов встречались и женщины. К сожалению, сведения о них весьма скудны, но и они дают нам возможность утверждать, что начиная с пореформенного периода шел процесс становления женского предпринимательства в крае. Интересны сведения о дворянке Калустовой, которая в 1821 г. продала свои земли в Карабаглах (общая площадь — 6353 десятины), используемые под виноградники, прапорщику Качкалову [Гарунова, 2010: 171].

В 30-х гг. XIX в., в период Кавказской войны, винодельческая промышленность переживала кризис, так как финансов у государства для поддержания отрасли не хватало. Ценный фактический материал, отражающий положение дел в виноградарстве в то время, содержат фонды центрального республиканского архива. В частности, определенный интерес для нас представляет архивный документ «Прошение кизлярской армянки Шакаровой» от 5 сентября 1832 г., в котором она просит освободить из-под стражи на две недели ее сына Авакима по случаю уборки винограда, мотивируя это тем, что «урожай большой, одной ей не управиться, а скупщики винограда приедут вовремя» [ЦГА РД, ф. 379, оп. 4, д. 489, л. 3].

На рубеже XIX—XX вв. заметно растет число крупных производителей винной и коньячной продукции. Определенных успехов в этой области достигли предприниматели Фараджев, Серебряков, Томазов, Шустовтов, Испаньянц и другие. В торгово-промышленную деятельность активно включались женщины в основном мещанского происхождения, но были среди них и крестьянки. Безусловно, наибольших успехов добивались те женщины-предпринимательницы, которые владели крупным промышленным бизнесом. В одном из архивных документов упоминается о мещанке А. И. Науменковой, владелице виноградных садов и завода, занимающейся виноделием на профессиональной основе: «Мещанка А. И. Науменкова имела в округе виноградные сады и свой коньячный завод. В феврале 1904 года она получила разрешение открыть огневой фруктово-винный завод под одной крышей с коньячным» [ЦГИА РФ, ф. 575, оп. 2, д. 1961, л. 81].

В дальнейшем, судя по сохранившимся архивным источникам, процесс приобщения женщин к предпринимательству продолжался. В частности, в материалах архива удалось обнаружить сведения о том, что в 20-х гг. XX в. им принадлежали 12 заводов Кизлярщины. Владелицами заводов были А. С. Тамазова, Т. Г. Татосова, М. Н. Тамазова, П. И. Качкарева, А. И. Науменкова, А. Н. Цунцулова [ЦГА РД, ф. р-46, оп. 1, д. 1а, л. 255 об].

Наряду с винодельческой промышленностью, женщины-предпринимательницы занимались различными видами коммерческой деятельности. В наибольшей степени они преуспели в торговле как владелицы частных лавок, мануфактур и т. п. Важным фактором, который сказался на росте торговли, следует считать принятое в 1863 г. Положение о купечестве. По Положению были отменены все ранее существовавшие сословные ограничения для занятия

предпринимательством, сословная принадлежность стала зависеть исключительно от имущественного ценза. Владелец предприятия, уплативший налог, соответствующий его бизнесу, становился купцом [Шацилло, 2000: 209].

Новое законодательство дало колоссальный толчок для развития коммерческой деятельности в Дагестане. Следует сказать, что вплоть до начала XX в. в крае преимущественно развивалась мелкая торговля, но число предпринимателей росло с каждым годом. Так, например, если в 1892 г. было выдано 1680 купеческих свидетельств, то в 1896 г. — уже 2565, а в 1911-м — 34 642 [ЦГА РД, ф. 71, оп. 1, д. 38, л. 5—7; ф. 72, оп. 2, д. 11, л. 94]. В основном торговля была сосредоточена в г. Темир-Хан-Шура, Порт-Петровск, Дербент и Кизляр, в которых, как мы уже отмечали, осуществлялась активная предпринимательская деятельность.

По законам Российской империи женщины допускались к коммерческой деятельности лишь при соблюдении определенных условий: «После смерти начальника семейства может заступить место его вдова, взяв на свое имя купеческое свидетельство, со внесением в оное сыновей, незамужних дочерей и внуков» [Свод законов Российской империи, 1857: 379].

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на данные ограничения в законодательстве, в пореформенный период и в последующие годы все больше женщин самостоятельно вели торговые дела, получив лицензию. Так, по данным за 1909 г., в Кизляре женщины были владелицами торговых предприятий 1-го и 2-го разряда. В частности, галантерейной торговлей занималась Е. Е. Арютюнова, мануфактурной торговлей — С. В. Ананьева, К. М. Никогосова, А. Т. Попова, кожаными изделиями — М. А. Ананьева [Кавказский календарь... , 1909: 715]. Небольшой бизнес имели также М. Ф. Маскалева, в собственности которой было трактирное заведение, и Е. Е. Саркисова, владевшая меблированными комнатами [там же: 716].

В исследуемый период растет доля женщин-предпринимательниц в сфере образования. В этой сфере происходят качественные изменения. Дагестанские женщины все больше вовлекаются в образовательный процесс. Как правило, светские женские школы появляются там, где сосредоточена военная интеллигенция, прежде всего в таких городах, как Дербент, Кизляр, Темир-Хан-Шура, Порт-Петровск. В деле распространения женского образования немаловажную роль в данный период сыграли частные учебные заведения, которые открывались по причине нехватки казенных школ. Так, например, 1 июля 1859 г. в Темир-Хан-Шуре Н. Есиповой была создана первая частная женская школа (частный пансион), которая просуществовала до 1875 г. и была закрыта с основанием в городе мужской и женской прогимназии [Козубский, 1902а: 227—228]. Г-жа Есипова обратилась к командиру войсками в Прикаспийском крае с просьбой о разрешении открыть частный пансион для обучения детей. Попечитель Кавказского учебного округа, которому была передана ее просьба, отметил, «что ей следовало бы подвергнуться испытанию на звание домашней учительницы, но, принимая во внимание, что в Т.-Х.-Шуре нет никакого учебного заведения, тогда как потребности в учении ощущаются» нашел возможность ходатайствовать перед наместником об облегчении для Есиповой условий, требовавшихся для открытия частного учебного заведения, на что в ноябре 1858 г. последовало

разрешение [Очерки истории города... , 1894: 63]. С 1864 г. пансион принадлежал В. Лосевой. Известно, что в 1872 г. Е. Котляревская получила разрешение создать в Темир-Хан-Шуре частное женское училище с пансионом. Однако через три года в связи с ее отъездом из Дагестана училище прекратило работу [Каймарзов, 1989: 159]. Большой интерес представляют сведения, касающиеся деятельности супруги начальника 21-й пехотной дивизии С. Я. Петровой, которая в 1871 г. ходатайствовала об открытии в Дешлагаре женского училища. Поскольку ей было отказано ввиду материальной необеспеченности содержания училища, она устроила небольшую школу частного характера.

В 1870 г. женский частный пансион в Порт-Петровске, преобразованный в 1878 г. в частную женскую прогимназию, открыла М. Серпинэ. Собственного помещения у г-жи Серпинэ не было, поэтому приходилось арендовать его за 1000 руб. в год. Расходы на содержание пансиона покрывались платой за обучение — 300 руб. в год для проживающих в пансионе, а для проходящих 60 руб. [Козубский, 1902b: 195]. Вследствие нехватки средств на содержание пансиона он был закрыт в 1881 г. Наряду с пансионом М. Серпинэ, в Порт-Петровске с 1878 г. функционировали еще две частные школы, которыми заведовали Дегаева и Смирнова.

Таким образом, процесс интеграции женщин в предпринимательскую деятельность в Дагестане стал возможным благодаря реформам 60—70-х гг. XIX в., которые последовали за окончанием Кавказской войны. Деятельность женщин-предпринимательниц была обусловлена возможностями, оговоренными в законах Российской империи. Наравне с мужчинами женщины занимались различными видами коммерции, являлись владелицами промышленных предприятий, ремесленных заведений, частных образовательных учреждений. На рубеже XIX—XX вв. предпринимательство среди женщин постепенно превращалось во внесловное занятие. Процесс вовлечения женщин в эту деятельность был сложным и длительным: он требовал ломки патриархальных стереотипов мышления и преодоления традиционного взгляда на женщину.

Библиографический список

- Гарунова Н. Н. «Женский след» в виноделии // Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Армавир: Армавир. гос. пед. ун-т, 2010. С. 171—173.
- История Дагестана. М.: Изд-во вост. лит., 1968. Т. 2. 368 с.
- Кавказский календарь на 1910 год. Тифлис: Тип. т-ва «Либерман и К^о», 1909. 809 с.
- Каймарзов Г. Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. 159 с.
- Козубский Е. И. К истории народного образования в Дагестанской области в первое десятилетие // Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура: Рус. тип. В. М. Сорокина, 1902а. Вып. 1, отд. 1. С. 189—230.
- Козубский Е. И. Народное образование и просвещение // Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура: Рус. тип. В. М. Сорокина, 1902b. Вып. 1, отд. 2. С. 191—199.
- Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура: Рус. тип. В. М. Сорокина, 1906. 468 с.
- Милованов Г. И. Рабочий класс Дагестана. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1991. 128 с.

- Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X—XI веков. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 285 с.
- Описание кавказского шелководства // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражд. частью на Кавказе, 1891. Вып. 11. С. 7—33.
- Очерки истории города Темир-Хан-Шуры. Учителя Темир-Хан-Шурина реального училища Е. Козубского // Сборник для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражд. частью на Кавказе, 1894. Вып. 19. С. 1—77.
- Рамазанов Х. Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1972. 201 с.
- Свод законов Российской империи. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1857. Т. 9: Законы о состояниях. 572 с.
- Фадеев А. В. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России: (к проблеме развития капитализма «вширь») // История СССР. 1959. № 6. С. 40—62.
- Хасбулатова О. А. Опыт и традиции женского движения в России (1860—1917). Иваново: Иван. гос. ун-т, 1994. 136 с.
- ЦГА РД (Центральный государственный архив Республики Дагестан).
- ЦГИА РФ (Центральный государственный исторический архив Российской Федерации).
- Шаццло М. К. Эволюция социального облика российского предпринимателя // История предпринимательства в России. М.: РОССПЭН, 2000. Кн. 2: Вторая половина XIX — начало XX века. С. 208—225.

References

- Fadeev, A. V. (1959) Vovlechenie Severnogo Kavkaza v ekonomicheskuiu sistemuu poreformennoĭ Rossii: (K probleme razvitiia kapitalizma “vshir”) [Involvement of the North Caucasus in the economic system of post-reform Russia: (By “breadth” of the problem of capitalism)], *Istoriia SSSR*, no. 6, pp. 40—62.
- Garunova, N. N. (2010) “Zhenskĭ sled” v vinodelii [“Women’s trail” in the wine], in: *Zhenshchiny v istorii: nedostaiushchie fragmenty istoricheskogo polotna: Materialy Vserossiĭskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Armavir: Armavirskĭ gosudarstvennĭ pedagogicheskĭ universitet, pp. 171—173.
- Istoriia Dagestana* (1968) [History of Dagestan], Moscow: Izdatel’stvo vostochnoi literatury, vol. 2.
- Kaĭmarazov, G. Sh. (1989) *Prosveshchenie v dorevoliutsionnom Dagestane* [Education in pre-revolutionary Dagestan], Makhachkala: Daguchpedgiz.
- Kavkazskĭ calendar’ na 1910 god* (1909) [Caucasian calendar for 1910], Tiflis: Tipografiia tovarishchestva “Lieberman i K”.
- Khasbulatova, O. A. (1994) *Opyt i traditsii zhenskogo dvizheniia v Rossii (1860—1917)* [Experience and tradition of the women’s movement in Russia (1860—1917)], Ivanovo: Ivanovskĭ gosudarstvennĭ universitet.
- Kozubskĭ, E. I. (1902a) K istorii narodnogo obrazovaniia v Dagestanskoĭ oblasti v pervoe desiatiletie [On the history of public education in the Dagestan region in the first decade], in: *Dagestanskĭ sbornik*, Temir-Khan-Shura: Russkaia tipografiia V. M. Sorokina, vypusk 1, otdel 1, pp. 189—230.
- Kozubskĭ, E. I. (1902b) Narodnoe obrazovanie i prosveshchenie [Public education and enlightenment], in: *Dagestanskĭ sbornik*, Temir-Khan-Shura: Russkaia tipografiia V. M. Sorokina, vypusk 1, otdel 2, pp. 191—192.

- Kozubskii, E. I. (1906) *Istoriia goroda Derbenta* [The history of the city of Derbent], Temir-Khan-Shura: Russkaia tipografiia V. M. Sorokina.
- Milovanov, G. I. (1991) *Rabochii klass Dagestana* [The working class of Dagestan], Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Minorskiĭ, V. F. (1963) *Istoriia Shirvana i Derbenta X—XI vekov* [The history of Shirvan and Darband X—XI centuries], Moskva: Izdatel'stvo vostochnoi literatury.
- Ocherki istorii goroda Temir-Khan-Shury. Uchitelia Temir-Khan-Shurinskogo real'nogo uchilishcha E. Kozubskogo (1891) [Sketches of history of the city Temir-Khan-Shura. Teacher Temir-Khan-Shurinskogo realschule of E. Kozubskiy], in: *Sbornik dlia opisaniia mestnostei i plemien Kavkaza*, Tiflis: Tipografiia Kantseliarii glavnonachal'stvuiushchego grazhdanskoĭ chast'iu na Kavkaze, pp. 1—77.
- Opisanie kavkazskogo shelkovodstva (1894) [Disclosure Caucasian sericulture], in: *Sbornik dlia opisaniia mestnostei i plemien Kavkaza*, Tiflis: Tipografiia Kantseliarii glavnonachal'stvuiushchego grazhdanskoĭ chast'iu na Kavkaze, pp. 7—33.
- Ramazanov, Kh. Kh. (1972) *Sel'skoe khoziaĭstvo i promyshlennost' Dagestana v poreformennyĭ period* [Agriculture and industry of Dagestan in the post-reform period], Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Shatsillo, M. K. (2000) Ėvoliutsiia sotsial'nogo oblika rossiĭskogo predprinimatelia [The evolution of the social image of a Russian businessman], in: *Istoriia predprinimatel'stva v Rossii*, Moscow: ROSSPĖN, vol. 2, pp. 208—225.

Статья поступила 11.02.2016 г.

**СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
(На материалах Кировской области)**

Статья содержит историко-социологический анализ социального положения женщин в годы Великой Отечественной войны. На примере тылового населения рассматривается социальное положение женщины, отмечаются факторы, способствующие его изменению. Определяются главные статусные характеристики женщины — мать, труженица и гражданка.

Ключевые слова: социальное положение женщин, население, Великая Отечественная война, Кировская область.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.3.9

**N. V. Chernysheva. Social position of women
in the Great Patriotic War: historical and sociological analysis
(On materials of Kirov region)**

The article contains a historical and sociological analysis of the social position of women in the Great Patriotic War. Considering the example of the social status of women rear population, the researcher notes the factors contributing to its change. The paper defines main characteristics of the status: woman as mother, as a hard worker and a citizen.

Key words: social position of women, population, Great Patriotic War, Kirov region.

Историко-социологические исследования позволяют изучить эволюцию социального положения женщин, выявить схожие проблемы на различных этапах и определить способы решения женского вопроса. Концепция его решения в условиях социализма была основана на том, что женщина выполняла в обществе три основные функции — гражданки, труженицы, матери.

Социальное положение женщин в годы Великой Отечественной войны изменялось под воздействием ряда факторов: социальных, экономических, демографических, духовно-нравственных и фактора военного времени. Последний фактор послужил катализатором всех изменений. Война, с одной стороны, нарушила половую

пропорцию ровесников, а с другой — усугубила непропорциональное соотношение полов в соседних возрастных группах мужчин и женщин. За период между переписями 1939 и 1959 гг. численность населения Кировской области снизилась на 13,9 %, при этом количество мужчин — на 17,8 %, женщин — на 10,5 %. Сокращение числа женщин к 1959 г. характерно для возрастного периода от 0 до 39 лет. Доля женщин в средних и старших возрастных группах (40 лет и более) значительно увеличилась. Если в начале войны диспропорция полов представляла собой соотношение 10 : 12 в пользу женщин, то уже к 1943 г. — соотношение 10 : 17 [ГАКО, ф. Р-2344, оп. 2, д. 1229, л. 15—15 об., 38—38 об.; ф. Р-2756, оп. 5, д. 2, л. 4; ГАСПИ КО, ф. П-1291, оп. 1, д. 7, л. 3—3 об.].

Сведения о социальном составе населения имеются лишь по сельской местности. Более 80 % сельских жительниц были колхозницами, 8—10 % — рабочими и служащими, 4—8 % проживали временно или считались эвакуированными, и около 1 % относились к единоличным хозяйствам [ГАКО, ф. Р-2344, оп. 2, д. 1229, л. 34—38 об.; д. 1681, л. 15—16 об.].

Важным демографическим последствием войны являлось снижение репродуктивных возможностей семьи. Оно усугублялось начатым в довоенное время процессом демографического перехода от ее традиционного типа (многодетной) к современному (с низким уровнем рождаемости). Не способствовала ситуация военного времени и заключению брачных союзов. С июня по октябрь 1941 г. количество зарегистрированных браков в области уменьшилось в 4 раза [ГАКО, ф. Р-2344, оп. 2, д. 464, л. 7 об.]. Свою низшую точку брачность тылового населения прошла в 1942—1943 гг. (на 1 тыс. населения Кировской области заключалось всего 1—2 брака). В последний год войны она превысила довоенный уровень (6 браков на 1 тыс.) [ГАКО, ф. Р-2344, д. 1697, л. 2—43; ГАСПИ КО, ф. П-1291, оп. 1, д. 17, л. 79]. Но это произошло уже в мирном полугодии 1945 г. Резкие диспропорции сложились среди брачующихся 1919—1924 годов рождения. В этих возрастных группах на 10 мужчин приходилось 30 женщин [Население России... , 2002: 102].

Изменения за годы войны претерпело и законодательство о браке. Только зарегистрированный брак порождал права и обязанности супругов, за исключением обстоятельств, оговоренных в Указе от 10 ноября 1944 г. [Сборник законов... , 1968: 417]. В паспортах супругов делалась отметка о семейном положении. Правовой акт признавал фактически брачными отношения, существовавшие между лицами до издания Указа, в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из лиц. Вводилась публичная процедура развода (за исключением ряда условий).

Рождение детей сопровождалось множеством трудностей. Уже к декабрю 1941 г. показатель рождаемости в регионе сократился на 78,2 %, несмотря на то что пик падения пришелся на апрель 1942 г. [ГАКО, ф. Р-2344, оп. 2, д. 464, л. 4]. К концу 1945 г. количество рождений в области уменьшилось по сравнению с первым годом войны в 3,2 раза [ГАКО, ф. Р-2344, оп. 2, л. 6; д. 1697, л. 2—43]. Снижение рождаемости в городах было ощутимее, чем в сельской местности, однако и восстановительные процессы проходили быстрее.

Изменения коснулись и миграционной активности женщин. Среди прибывающих в регион они доминировали на протяжении всей войны, показатели

колебались от 53 до 59 % в разные годы, что обусловлено прежде всего эвакуационными процессами [ГАКО, ф. Р-2344, оп. 2, д. 465, л. 14; д. 863, л. 12—12 об.; д. 1227, л. 7—7 об.; д. 1275, л. 4—4 об.; д. 1679, л. 7—7 об.]. Около 2/3 эвакуированных в сельскую местность составляли женщины [ГАКО, ф. Р-2344, оп. 2, д. 1229, л. 15—15 об., 38—38 об.; д. 1225, л. 116—116 об.].

В годы войны существенно повысилась гражданская и общественная активность женщин. Только за первую ее неделю заявления с просьбой отправить на фронт написали 3244 жителя области, из них 1115 женщин [Книга Памяти, 1993: 12]. Эти заявления наполнены глубокими чувствами: «Я, как патриотка своей Родины, хочу честно и бесстрашно с оружием в руках защищать ее от фашистских захватчиков...» (цит. по: [Козлов, 1995: 51]).

Медицинские сестры-сандружинницы Красного Креста, отправляемые на фронт из Кировской области. Фото Л. Шишкина. Дата и место съемки не указаны

Женщины отправлялись на фронт главным образом по линии комсомола. По комсомольским мобилизациям в армию ушли около 800 тыс. молодых бойцов, из них 200 тыс. девушек. В 1942 г. под Москвой была открыта Центральная женская школа снайперской подготовки. Во время первого набора здесь прошли обучение 220 девушек из Кировской области. В последующие два набора кировчанки также направлялись в данную школу. 303 комсомолки Кировской области прошли подготовку в школе командиров снайперских подразделений [там же]. В 1942 г. ЦК ВЛКСМ осуществил мобилизации 25 тыс. девушек-добровольцев в тыловые и береговые части ВМФ (на Балтийский флот — 980 девушек), в тыловые части Ленинградского и Волховского фронтов (739 и 2225 комсомолок соответственно). 293 кировчанки попали в женскую стрелковую бригаду, 135 — в Рязанское пехотное училище и 15 — в Пензенское артиллерийское [там же]. В рамках программы всеобуча за 1941—1944 гг. в области были обучены

для Красной армии более 6 тыс. девушек-специалистов [ГАСПИ КО, ф. П-1290, оп. 10, д. 36, л. 113]. Все население в возрасте от 16 до 60 лет до 1 июля 1941 г. обязано было пройти курсы подготовки к противовоздушной и противохимической обороне, а несовершеннолетние (от 8 до 16 лет) должны были уметь пользоваться средствами индивидуальной защиты при воздушном нападении.

Наиболее крупная мобилизация патриотов была проведена в войска противовоздушной обороны. В марте 1942 г. мобилизовано 100 тыс. девушек, в том числе 2032 из Кировской области. Летом 1943 г. в зенитные части отправлено 810 кировчанок [там же]. В 1941—1942 гг. в части связи призвано из региона 1485 чел., в том числе 628 девушек.

В годы войны не один десяток женщин получили звание Героя Советского Союза, часть — посмертно.

Кировское отделение Красного Креста в годы войны осуществляло разнообразную работу: участвовало в разгрузке и погрузке военно-санитарных поездов, помогало госпиталям, занималось подготовкой медсестер и сандружинниц, организацией санпостов и пр. За 1941—1944 гг. значкистами «Готов к санитарной обороне» (ГСО) стали 303 130 взрослых, значкистами «Будь готов к санитарной обороне» (БГСО) — 88 024 школьника. В 238 группах получили медицинские знания 6103 медсестры. К началу 1944 г. в регионе работало 360 санитарных дружин (8532 чел.), оказывающих помощь медицинскому персоналу [Загвоздкин, 1995: 393].

Повсеместно получил поддержку пример учительниц А. М. и Е. М. Костриковых, взявших шефство над эвакуированными детьми. В Кирове при детских домах и интернатах для таких детей были организованы комитеты женщин-общественниц [Лихоманов и др., 1985: 49]. Многие женщины оказывали эвакуированным детям помощь. Так, в с. Шестаково они срочно нашили для них постельного белья. Женский актив и учителя г. Молотовск немало сделали для встречи детского дома — заранее приспособили помещение, приготовили горячую пищу. По приезде детей вымыли в бане и накормили.

Значительные изменения произошли в сфере труда. Государство было крайне заинтересовано в притоке новых рабочих рук. На большинстве заводов в качестве рабочих преобладали женщины и подростки. Так, на заводе «Красный инструментальщик», эвакуированном в Киров, в 1943 г. 67,4 % рабочих составляли женщины и более половины юноши и девушки в возрасте до 24 лет. В Кировской области женщины преобладали среди токарей (55,6 %), шлифовщиков (77 %) [Загвоздкин, 1995: 395]. Использовался женский труд и на металлургических предприятиях, в том числе и в мартеновских цехах.

В 1942 г. были законодательно установлены формы трудовой мобилизации. В феврале 1942 г. вводилась обязательная трудовая мобилизация, в том числе женщин 16—45 лет, не работающих в государственных учреждениях и на предприятиях. От мобилизации освобождались юноши и девушки 16—18 лет, обучающиеся в системе государственных трудовых резервов, а также женщины, имеющие детей до 8 лет, в случае отсутствия других членов семьи, которые могли бы обеспечить за ними уход. В сентябре 1942 г. возраст подлежащих трудовой мобилизации женщин был увеличен до 50 лет, а в августе 1943-го были внесены изменения, касающиеся использования труда женщин, имеющих детей.

Поскрёбышева Нина, бригадир комсомольско-молодежной бригады завода «Кировский металлист», инициатор движения двухсотенников на заводе. [1942—1944 гг.], г. Киров. Фото Л. Шишкина. Репродукция А. Кудрявцева

Мобилизация на сельхозработы проводилась в периоды посадки и уборки урожая [Сборник указов... , 1942: 164]. К работе привлекалось не работающее на промышленных предприятиях и транспорте городское и сельское население (мужского пола 14—55 лет, женского — 14—50 лет), служащие государственных, кооперативных и общественных учреждений не в ущерб основной работе, учащиеся 6—10-х классов, студенты техникумов и вузов (только в каникулы) [В Совнарком СССР... , 1942: 1].

Членам семей фронтовиков трудоспособного возраста оказывалась помощь в устройстве на работу. С июля 1941 по май 1942 г. в области были трудоустроены лишь 19 417 членов семей военнослужащих, за 1943 г. — 94 тыс., а в 1944 г. — уже 114 900 чел., из них 7452 чел. находились на производственном обучении [ГАСПИ КО, ф. П-1290, оп. 11, д. 7, л. 52]. Женщины-домохозяйки, желая обеспечить свою семью, помочь Родине, шли на производство и транспорт, выполняя разные по сложности работы.

Государство стремилось использовать трудовой потенциал женщин, имеющих детей, путем расширения сети детских учреждений. Эта мера давала возможность высвобождения женщин для работы. В 1943 г. стационарные ясли и сады посещали 39,7 тыс. детей фронтовиков, сезонные — еще 69,8 тыс. [ГАКО, ф. Р-2169, оп. 1, д. 749, л. 19]. К началу 1945 г. в Кировской области детские

ясли (173) обслуживали 10 300 детей фронтовиков, постоянные детские сады (379) — 29 173 ребенка.

Положение женщины-матери было крайне тяжелым. На 1 февраля 1944 г. в Кировской области числилось 323 808 семей военнослужащих, оставшихся в тылу без кормильца. Среди детей школьного возраста в семьях проживали 242 251 чел. (67,6 %), дошкольного возраста — 16 006 чел. (4,7 %), ясельного возраста — 99 544 чел. (27,7 %). 44 206 женщин являлись многодетными матерями, 25 893 воспитывали четырех детей, 13 441 — пятерых, 5904 — шестерых, 2614 — семерых, 1126 — более восьми детей [ГАКО, ф. Р-2130, оп. 3, д. 47, л. 25—26].

В Слободском районе семьи военнослужащих четыре-пять месяцев питались верхушками льна (куколь), дети пухли от голода. Два ребенка Г. Н. Долгоаршинных 10 и 12 лет были истощены и с отеками отправлены в больницу. Ранее двое детей в этой семье умерли от голода. Колхоз их хлебом вообще не снабжал, так как первоочередной задачей было выполнение хлебопоставок на фронт, для жен и детей защитников хлеба просто не хватало. В тяжелом состоянии находились члены семьи красноармейца Байшихина: «Жена плохо передвигается, 1 ребенок умер от истощения и 3 крайне истощены» [ГАКО, ф. Р-2130, оп. 3, д. 43, л. 6].

Социальная помощь матерям стала активно оказываться лишь на завершающем этапе войны [Важнейшие законы... , 1946: 78—79]. Наиболее сложной для тылового населения в первые ее месяцы являлась продовольственная проблема. Осенью 1941 г. в Кировской области была введена карточная система снабжения [ГАКО, ф. Р-2192, оп. 1, д. 7, л. 11, 15]. Система нормирования позволила наиболее целесообразно использовать ограниченные в годы войны продовольственные и промтоварные ресурсы, организовать снабжение отдельных категорий граждан (беременные женщины и кормящие матери, дети, инвалиды и т. д.).

За время войны сеть женских консультаций, детских поликлиник в области уменьшилась (101 и 84 учреждения соответственно), так же как и число мест в больницах для беременных женщин и рожениц (с 1580 до 1260 коек) [ГАКО, ф. Р-2344, оп. 1 б, д. 12, л. 24]. Для беременных женщин увеличивались родовые отпуска (с 63 до 77 календарных дней). Начиная с четырех месяцев беременности запрещалось привлекать женщин к сверхурочным работам, а в период кормления — к ночным сменам.

Важным событием стало законодательное оформление прав усыновителей. С осени 1943 г. усыновители обладали полным объемом прав и обязанностей родителей усыновляемого [Сборник законов... , 1968: 409]. За 1943 г. по Кировской области из 8639 детей-сирот были устроены на патронат 3305 чел., подлежали усыновлению 767 чел. [ГАКО, ф. Р-2169, оп. 1, д. 749, л. 19]. В следующем году в области насчитывалось уже 9294 детей-сирот, из них 2719 находились на патронате, 2066 — под опекой и 533 были усыновлены [ГАКО, ф. Р-2342, оп. 1, д. 272, л. 4].

Изменилась система государственного обеспечения многодетных матерей. Пособия таким матерям (имеющим мужа или вдовам) назначались и выплачивались начиная с рождения третьего ребенка и за каждого последующего. При назначении пособия по многодетности учитывались дети, погибшие

или без вести пропавшие на фронтах Отечественной войны. Пособия выплачивались одновременно (от 400 до 5000 руб. в зависимости от количества детей в многодетной семье) и ежемесячно (от 80 до 300 руб. также в зависимости от количества детей).

Одиноким матерям на содержание и воспитание детей, родившихся после выхода Указа от 8 июля 1944 г., также выплачивалось пособие до достижения ими 12 лет [Сборник законов... , 1968: 148]. Одиноким матерям, имевшим трех и более детей, государственное пособие выплачивалось одновременно и как многодетным, и как одиноким.

Особыми льготами пользовалась женщины, представленные к наградам: медали «Мать-героиня» (присваивалась женщине, родившей и воспитавшей 10 детей) и медали Материнства 1-й и 2-й степени (присваивалась за рождение и воспитание 5—6 детей), а также к ордену «Материнская слава» 1, 2 и 3-й степени (для женщин, имеющих 7—9 детей) [Важнейшие законы... , 1946: 84—88]. Введение государственных наград было направлено на поддержание многодетных семей и материнства в целом в столь тяжелый период.

Таким образом, Великая Отечественная война оказала сильное воздействие на жизнь женщин, изменив их роль в семье и обществе. Сложная ситуация вынуждала женщин взять на себя новые обязанности. Работая на нужды обороны, оказывая помощь больным и раненым, отправляясь на фронт, они становились в один ряд со своими отцами, мужьями и сыновьями.

Библиографический список

- В Совнарком СССР и ЦК ВКП (б) // Кировская правда. 1942. 18 апреля.
Важнейшие законы и постановления Советского государства за время Великой Отечественной войны. М.: Воен. изд-во НКО СССР, 1946. 116 с.
ГАКО (Государственный архив Кировской области).
ГАСПИ КО (Государственный архив социально-политической истории Кировской области).
Загвоздкин Г. Г. В битве за Отечество, 1941—1945 гг. // Энциклопедия земли Вятской / Обл. писат. орг. Киров, 1995. Т. 4: История. С. 393—401.
Книга Памяти / отв. ред. В. А. Никонов / Администрация Киров. обл. Киров, 1993. Т. 1. 720 с.
Козлов П. Е. Сотворение победы / Администрация Киров. обл. Киров, 1995. 570 с. (Книга Памяти; т. 16).
Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финоянов Е. И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 168 с.
Население России в XX веке: в 2 т. / отв. ред. Ю. А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 2: 1940—1959 гг.: исторические очерки. 456 с.
Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938—1967 гг.: в 2 т. / сост. Ф. И. Калинычев, М. И. Юмашев, А. В. Калитеевская. М.: Известия, 1968. Т. 2. 896 с.
Сборник указов, постановлений, решений и приказов военного времени. Л.: Лениздат, 1942. 272 с.

References

- Kniga Pamiati* (1993) [Memory book], Kirov, vol. 1.
- Kozlov, P. E. (1995) *Sotvorenie pobedy* [Creation of victory], Kirov.
- Likhomanov, M. I., Pozina, L. T., Finoianov, E. I. (1985) *Partiinoe rukovodstvo évakuatsiëi v pervyï period Velikoï Otechestvennoï voïny* [Party management of evacuation in the first period of the Great Patriotic War], Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.
- Naselenie Rossii v XX veke*: in 2 vols (2002) [The population of Russia in the XX century], Moscow: ROSSPËN, vol. 2.
- Sbornik ukazov, postanovleniï, resheniï i prikazov voennogo vremeni* (1942) [Collection of decrees, regulations, decisions and orders of wartime], Leningrad: Lenizdat.
- Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR, 1938—1967 gg.*: in 2 vols (1968) [Collection of laws and decrees of the USSR Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, 1938—1967], Moscow: Izvestiia, vol. 2.
- V Sovnarkome SSSR i TsK VKP (b) (1942) [The Council of Commissars of the USSR and the Central Committee of the CPSU (b)], *Kirovskaia Pravda*, 18th April.
- Vazhneïshie zakony i postanovleniia Sovetskogo gosudarstva za vremia Velikoï Otechestvennoï voïny* (1946) [The most important laws and decrees of the Soviet government during the Great Patriotic War], Moscow: Izdatel'stvo NKO SSSR.
- Zagvozdkin, G. G. (1995) V bitve za Otechestvo, 1941—1945 gg. [In the battle for their country, of 1941—1945], in: *Ëntsiklopediia zemli Viatskoï*, Kirov, vol. 4.

Статья поступила 20.04.2016 г.

ПОЛИТОЛОГИЯ

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

ББК 66.61(2Рос)

А. А. Букина

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПРОГРАММ КОНСЕРВАТИВНЫХ И ЦЕНТРИСТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Женщина в российском обществе. 2016. № 3 (80). С. 106—120

Статья посвящена гендерному аспекту программ консервативных и центристских политических партий современной России. Анализируются программные документы 29 партий с целью выявить наличие и специфику обращения к гендерной проблематике. Исследование показало, что в 76 % случаев рассмотренные партии упоминают в своих программах такие слова, как «женщины», «материнство», «семья». При этом правые и центристы практически не касаются гендерной проблематики вне репродуктивного дискурса. Ни одна из рассмотренных партий не видит общество способным к саморегуляции и решению проблем, в том числе демографических, посредством институтов гражданского общества.

Ключевые слова: политические партии, партология, консерватизм, демографическая политика, демография, женщины, гендер.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.3.10

A. A. Bukina. The gender dimension of conservative and centrist political parties programs in modern Russia

This article focuses on the gender dimension of conservative and centrist political parties in modern Russia. The author conducted an analysis of 29 parties programs in order to find out the importance of gender in them. The study showed that 76 % of the surveyed parties mention in their programs such words as “women”, “motherhood”, “family”. Only two right-wing parties in their programs speak about women's work. “The party of the spiritual transformation of Russia” considers that the work of women in the family should be counted as employment history. Another party “The national policy” makes a reservation,

---

© Букина А. А., 2016

Букина Анна Андреевна — аспирантка кафедры социальных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, г. Санкт-Петербург, Россия, anna.book@mail.ru (PhD student at the Department of Social and Human Sciences, St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics, St. Petersburg, Russia).

that this measure should be applied to women bringing up three children. Such parties as “The women’s dialogue” and “For the women of Russia” declare that women are bearers of a special’s mission to harmonize the social and political order in Russia. In general, right-wing and centrist political parties give gender issues little concern outside the reproductive discourse.

Some parties say that the government must organize favorable conditions for increasing the birth rate, other parties talk about the need for stringent prohibitions (against abortions) and public propaganda of traditional values.

The cited data show that none of these parties sees our society capable of self-regulation and problem solving (including demographic ones) through the institutions of civil society.

Key words: political parties, partology, conservatism, population policy, demography, women, gender.

В рамках дискурса важности политических партий как институтов гражданского общества многие исследователи и политики отмечают, что крупные партии, представленные в региональных парламентах и Государственной думе РФ, зачастую в конечном счете защищают интересы довольно узких групп, а не широких масс [Барамидзе, 2013: 118]. Ввиду этого факта важно исследовать небольшие партии. Изучение их программных документов может дать ценную информацию — содействовать пониманию реальных политических настроений общества, тенденций общественной мысли.

Обосновывая свою систему политических ценностей, партия выводит из нее конкретные моральные, правовые, административные и другие нормы, которые находят отражение в тексте программы [Чуаньлинь, 2011: 63]. Центристские и правые (консервативные) политические партии зачастую рассматривают семью как одну из основополагающих ценностей. В концепциях будущего, которые формулируют партии, среди ключевых сегментов фигурирует демография [Сенцов, 2010].

Таким образом, для данных партий обращение к демографической, а следовательно, и гендерной проблематике является имманентной тенденцией. В этой связи особенно интересно проанализировать программы консервативных и центристских партий, определить, каково в них место женщины.

Сегодня довольно сложно провести однозначные границы, четко разделяющие левых, центристов и правых, взгляды многих партий эклектичны. В рамках данного исследования рассматриваются программы консервативной части правых партий, а также центристских партий, декларирующих положительное отношение к частной собственности, «государственничество», приоритет государственных интересов над личными и национальных интересов над интернациональными.

В статье рассматриваются 29 программных документов. В ходе исследования был проведен контент-анализ текстов программ, осуществлен поиск слов «женщина», «женская», «материнство», «семья» и их однокоренных вариаций. В случае множественных упоминаний указывается их точное количество и контекст, в случае единичных упоминаний — только их контекст.

Гендерная проблематика в программных документах: ретроспективный взгляд

Если предпринять небольшой экскурс в историю программных документов партий и кандидатов в президенты Российской Федерации, можно заметить малоутешительную тенденцию — постепенное смещение акцентов в гендерной проблематике персуазивных текстов.

На выборы 1996 г. Б. Н. Ельцин шел с программным документом «Человек. Семья. Общество. Государство», в котором правам женщин был посвящен целый раздел, написанный согласно международным канонам равноправия полов. Декларировалось намерение обеспечить на законодательном и исполнительном уровнях реальное равноправие между полами, подготовку женщин к политической и управленческой деятельности, разработать санкции для пресечения дискриминации [Айвазова, 2008: 78].

В ходе президентской кампании 2000 г. лишь трое из двенадцати кандидатов упомянули в своих программах о гендерном равноправии, причем только у одного кандидата — Э. Памфиловой — тема прав женщин была выделена в особый раздел программы. Остальные документы и заявления кандидатов в президенты не затрагивали дискурс гендерного равноправия. Апелляции к женщинам либо сводились к фразам, свидетельствующим о приверженности традиционным представлениям о роли женщины в обществе, либо женщины не упоминались вовсе [там же: 79, 82].

На президентских выборах 2004 г. в текстах программ кандидатов и их публичных дебатах гендерная тема практически отсутствовала. В ходе президентской кампании 2008 г. использовались программные документы, с которыми партии, выдвинувшие кандидатов, баллотировались в Думу. Идеи развития демократии путем утверждения гендерного равноправия уступили в них место демографической проблематике — определению материнства как главного назначения женщины [там же: 82—83]. Разговор о демократии превратился в разговор о демографии. Такая ситуация складывается несмотря на то, что ООН считает положение женщин в обществе важной проблемой и регулярно принимает декларации о необходимости ликвидации гендерного неравенства [Шведова, 2015: 18—19].

После 2012 г., в связи с либерализацией партийного законодательства, появилось значительное количество новых партий [Попова, 2015: 186]. На момент написания данной статьи в Российской Федерации официально зарегистрированы 78 политических партий [Список...].

Современные женские партии о женщинах

Особого внимания заслуживают партии «Женский диалог» и «За женщин России». Обе они, хотя и в разных формах, декларируют наличие особой женской миссии по гармонизации общественно-политического порядка России.

Обе партии апеллируют к символическому капиталу известности — профессиональным достижениям лидеров партий и их родственников. Лидер партии «За женщин России» Г. В. Хавраева — режиссер, телеведущая, шеф-редактор ВГТРК, имеющая государственную награду. Относительно

Е. Г. Семериковой, лидера «Женского диалога», отмечается, что она работала в Общественной палате РФ в 2006 г. Кроме того, прямо в программе партии указано, что ее мать В. В. Кадцина в годы Великой Отечественной войны служила в разведке [Попова, 2015: 191—192]. Любопытно, что программы обеих партий содержат фрагменты стихотворного текста.

В программе Всероссийской политической партии «Женский диалог» содержится 25 вариаций слова «женщина», из них в 16 случаях — это упоминания названия партии. Слово «мать» упоминается 2 раза в контексте «мать-Отчизна». «Семья» упоминается 4 раза: 3 упоминания в позитивном ключе, 1 упоминание негативное — «семейственность чиновников».

Название партии выражает ее основную идею — «диалог с миром, где мужское и женское начала не сосуществуют рядом друг с другом, а взаимодействуют в самых сложных межнациональных и геополитических конфликтах, только женщины со своим материнским инстинктом самосохранения способны остановить войну, вражду и ненависть» [Программа Всероссийской политической партии «Женский диалог»]. Для более полной иллюстрации идеи диалога в текст программы включено стихотворение, в котором женщина предстает в трех ипостасях — мать, невеста и жена, а затем отождествляется с Россией: «Льнет жена с любовью к мужу: / “Не устал ли, голубок? / Как работа? Вот — твой ужин”. / И в ответ он — нежен, нужен. / Это — женский диалог. / Ради мира, ради жизни, / Как грядущего залог, / Без мольбы и укоризны, / Это — матери Отчизны / С целым миром диалог!» [там же].

Девиз партии «Женский диалог» — «Сохраним себя, сбережем семью, возродим РОССИЮ!!!» [там же]. Среди целей партии — борьба за прекращение всех форм насилия в отношении женщин, детей и пожилых людей, а также увеличение количества женщин, участвующих в принятии государственных решений и в политическом процессе нашей страны [там же].

Программа «Народной партии “За женщин России”» больше по объему и содержит 52 вариации слова «женщина», из них в 16 случаях — это упоминания названия партии. Также в программе 10 раз встречается слово «мать» и его вариации: 5 раз речь идет просто о матерях, 3 раза упоминаются матери-одиночки, 1 — Мать-природа и 1 — Родина-мать. Слово «семья» и его вариации упоминаются в программе 14 раз.

Декларируется приверженность традиционным патриархальным ценностям, сторонники партии определяются как неоконсерваторы. В программе можно встретить многочисленные упоминания бога и иных метафизических сущностей, вероятно призванные создать ощущение обращенности к традициям. Однако при подробном анализе текста становятся очевидными внутренние противоречия: сторонники патриархата прямым текстом утверждают, что «именно женщине надлежит исполнить на Земле волю Всевышнего». Также интересно, что в тексте нет ни одной цитаты из Библии или Священного Предания, зато приводятся афоризмы Ж.-Ж. Руссо и Т. Мора [Букина, 2015b: 50].

Программа написана очень эмоциональным языком. Обозначается особое место женщины в историческом процессе: «Цивилизация жива и развивается потому только, что скромная женщина неприметно и тихо исполняет свое великое предназначение: зачастую жертвуя собой, она несет сквозь поколения факел

бессмертия, в муках вновь и вновь воспроизводя на свет свое дитя — чудо жизни, рожденное женской податливостью и мужской грубой силой» [Программа Общероссийской политической партии «Народная партия “За женщин России”»]. Авторы утверждают, что русская женщина отличается особыми нравственно-духовными качествами и подкрепляют этот тезис стихотворным текстом: «Твоих сердечных струн канаты / Удержат падающий свет. / Греховный мир спасешь одна ты, / Подобной не было и нет!» [там же]. Декларируется необходимость прихода женщин в политику: «Безумие и обреченность пути, по которому, несмотря ни на что, продолжает идти к своей гибели цивилизация, заставляют женщину, как созидательницу самой жизни, без промедления и решительно выступить за создание более устойчивой и целесообразной, чем действующая, системы мироустройства» [там же]; «От того, что изберет для себя главным сегодняшняя женщина, зависит, сохранится ли вообще в обозримом будущем человечество» [там же].

Современные центристы и консерваторы: упоминания женщин

За единственным исключением [Программа Всероссийской политической партии «Правое дело»] в текстах всех программ, содержащих упоминания о женщинах, также присутствует слово «семья». Однако и в случае, где семья не упоминается, речь все равно идет о репродуктивной роли женщин. Только единжды [Программа политической партии «Объединенная аграрно-промышленная партия России»] женщины упоминаются вне связи с демографией.

«Объединенная аграрно-промышленная партия России» упоминает женщин в связи с перечислением своих реальных и потенциальных политических союзников. Среди них, наряду с рабочими, крестьянскими, ветеранскими, молодежными, религиозными, просветительскими, антиглобалистскими организациями, упомянуты женские общественные организации [там же]. Партия отмечает, что среди ее задач «защита нравственности, семьи, здоровых народных традиций, включая религиозные» [там же]. В программе говорится о необходимости раздачи всем желающим участков земли для создания семейных усадеб. По мнению сторонников «Объединенной аграрно-промышленной партии России», это позволило бы улучшить жилищные условия россиян и организовать в каждом семейном имении производство экологически чистых продуктов [там же].

Все остальные упоминания женщин в текстах рассматриваемых программ прямо или косвенно связаны с их репродуктивной функцией.

В тексте программы «Партия возрождения села», наряду с обоснованием необходимости государственной поддержки сельских семей, сельских школ, упоминается охрана материнства и детства, улучшение условий труда и быта сельских женщин, поддержка женских общественных объединений [Программа Всероссийской политической партии «Партия возрождения села»]. Для детей из неблагополучных семей предлагается на базе закрывающихся сельских школ открывать реабилитационные центры и кадетские школы [там же]. Партия выступает за предоставление молодым семьям беспроцентного кредита на покупку квартиры, причем при рождении первого ребенка должно списываться 25 % кредита, второго — 50 %, третьего — кредит будет погашен [там же].

«Партия духовного преображения России» декларирует, что труд женщины в семье «должен расцениваться как общественно полезный, в том числе зачитываться в трудовой стаж, учитываться при начислении пенсии» [Программа политической партии «Партия духовного преображения России»]. В программе подчеркивается, что беременные женщины, находящиеся в сложных и конфликтных ситуациях, «помимо финансовой помощи и необходимого обеспечения, в том числе и для маленьких детей, нуждаются в полной поддержке со стороны отца ребенка, семьи и соседей, работодателя и хозяев квартир» [там же]. Партия отмечает необходимость «восстановления утраченного положения семьи в общественном сознании как фундаментальной нравственно-этической ценности», а также необходимость социальной и моральной поддержки семьи, поощрения к вступлению в брак, правовой защиты материнства и детства [там же].

Партия «Правое дело» упоминает женщин в связи с необходимостью либерализации уголовного законодательства: предлагается отменить заключение под стражу подсудимых, обвиняемых в экономических преступлениях, а также «беременных женщин и кормящих матерей, которые не представляют общественной опасности» [Программа Всероссийской политической партии «Правое дело»].

В программе ЛДПР есть раздел «Мужчины и женщины». ЛДПР говорит о необходимости повышения роли мужчин в российском обществе: «...большое количество разводов и неполных семей, длительные войны, рост преступности, перебор женщин в образовании, здравоохранении и других сферах привели к перекосам в воспитании детей, к уменьшению участия мужчин в этом деле и в целом к снижению роли отца в семье и мужчин в обществе» [Программа политической партии ЛДПР]. Партия выступает за «равноправие мужчин и женщин, улучшение их материального положения и повышение их социального статуса». Вместе с тем ЛДПР считает вредным и глубоко ошибочным «чрезмерное искусственное вовлечение женщин в экономическую и политическую жизнь, стирание граней между социальными функциями мужчины и женщины». В программе подчеркивается, что и женщина и мужчина должны «выполнять свои исконные обязанности, определенные самой природой». Однако сразу за этим тезисом следует оговорка: «В нашем обществе не должно быть никаких ограничений для деловой и политической активности женщин». ЛДПР выступает за повышение роли отца в семье, видя в этом средство укрепления семьи и уменьшения числа разводов [там же]. Для решения демографических проблем ЛДПР предлагает приостановить на 10 лет проведение аборт за исключением особых случаев (возраст, болезни и др.), а также снизить брачный возраст для женщин до 16 лет, повысить «размер пособий на малообеспеченных детей». Программа содержит предложение разрешить гражданам вступать в новый брак, не расторгая предыдущего: эта мера позволила бы «закрепить заботу мужчины в случае, если у него появляется новая семья, как о первой, так и о других семьях». При этом предполагается, что обязательство по алиментным платежам возьмет на себя государство. По мнению ЛДПР, это стимулировало бы рождение новых детей у разведенных супругов и одиноких граждан [там же].

Программа партии «Родина» содержит довольно обширный блок, посвященный социодемографической проблематике. Женщины в тексте упоминаются

9 раз, брак — 5 (из них 2 раза — гражданский брак), родители — 6 раз, слово «семья» и его вариации упоминаются 38 раз. Текст имеет сильный пропагандистский характер. Приводятся демографические данные, не подкрепленные статистическими источниками: «Сегодня, как минимум, 17 миллионов женщин в России находятся в возрасте, благоприятном для рождения детей. Даже половина этого контингента потенциальных рожениц, если они решатся завести еще двоих детей, уже способна произвести на свет 17 миллионов новых жизней», «Все последние 15 лет у нас во многих женских консультациях и кабинетах гинекологии упорно отговаривали женщин рожать, рекомендовали аборт, пугали зачастую надуманными медицинскими осложнениями» [Программа Всероссийской политической партии «Родина»]. Однако программа содержит внутреннее противоречие: уже спустя две страницы мы встречаем фразу «Гинекологи отмечают резкую детородную патологию у молодых женщин» [там же]. Довольно много внимания уделено абортам. Предлагается ввести уголовную ответственность за принуждение к аборту и предоставление материалов для самоаборта, заявляется о намерении в 24 часа выдворить из страны «иностранные организации, деятельность которых направлена на сокращение рождаемости, разрушение семейных ценностей и общественной нравственности, пропаганду абортотворения как средства планирования семьи» [там же]. В программе партии «Родина» подчеркивается, что особым направлением деятельности государства должна стать масштабная пропаганда культа здоровой семьи с двумя родителями и несколькими детьми, ценностей супружеской верности и взаимной ответственности. Предлагается запретить «рекламу гражданского брака, неполной семьи и другой информации негативного по отношению к семье характера» [там же]. Партия «Родина» негодует, что «вместо пропаганды материнского и отцовского счастья акцент во многих обсуждениях и публикациях в СМИ делался на дороговизне рождения и воспитания, сложности получения образования и подобных проблемах» [там же].

В то же время «Родина» предлагает экономические меры по поддержке молодых семей, стимулированию рождаемости. Среди них — ипотечная программа, предусматривающая 30, 65 и 100 %-е погашение жилищного кредита при рождении в семье соответственно второго, третьего и четвертого ребенка [там же]. Также предлагается ввести специальное пособие семьям при рождении третьего и последующих детей до достижения ими трехлетнего возраста — в размере прожиточного минимума ребенка [там же]. Слово «семья» упоминается в программе партии «Родина» еще и в негативном контексте: в рамках борьбы с коррупцией предлагается обязать высокопоставленных чиновников соблюдать в документах о доходах «абсолютную прозрачность», касающуюся и «расходов и крупных приобретений семьи» [там же].

Партия «Национальный курс» подчеркивает, что женщина, воспитывающая трех детей, должна получать от государства достойную зарплату с сохранением трудового стажа, как выполняющая полезную для всего общества работу [Программа политической партии «Национальный курс»]. Текст программы дословно дублирует меры, предлагаемые партией «Родина» относительно 30, 65 и 100 %-го погашения жилищного кредита при рождении в семье второго и последующих детей [там же].

Современные центристы и консерваторы: упоминания семьи

В 13 программах женщины не упоминаются, но упоминаются слова «семья» или «материнство».

В программе «Единой России» отмечается, что в будущем Россия станет страной где «...где человек сможет обеспечить достойный уровень жизни себе и своей семье, выполняя свои обязательства перед обществом и государством» [Программа Всероссийской политической партии «Единая Россия»].

В программе «Партии мира и единства» говорится о необходимости «разработать долгосрочную эффективную государственную политику в области защиты прав молодых семей, а также материнства и детства» [Программа Российской политической партии «Партия мира и единства»].

Партия «Молодая Россия» выступает за комфортную среду в стране для создания семьи, продолжения рода, строительства карьеры, накопления и приумножения капитала [Программа политической партии «Молодая Россия»].

«Партия дела» в своей программе отмечает необходимость мероприятий, направленных на пропаганду и развитие физкультуры и спорта и их доступности для граждан, пропаганды здорового образа жизни в семье и организации различных мероприятий среди семейных команд [Программа Всероссийской политической партии «Партия дела»].

Партия «Национальная безопасность России» предлагает на федеральном уровне установить, что максимально допустимая доля расходов граждан на оплату коммунальных услуг не должна превышать 10 % совокупного дохода семьи [Программа политической партии «Национальная безопасность России»]. Партия обещает обеспечить доступность для семей с любым доходом учреждений детского дополнительного образования [там же]. Подчеркивается, что «отсутствие собственного жилья является одной из причин, по которой молодые люди отказываются от создания семьи, а молодые семьи не решаются рожать больше одного ребенка» [там же]. Партия «Национальная безопасность России» объявляет, что должны быть созданы экономические условия, облегчающие молодым людям получение качественного образования, профессиональный рост и создание семьи. В связи с этим предлагается реализовать различные программы обеспечения жильем молодых семей [там же]. «Мы за то, чтобы реальные перспективы, возможности для больших достижений были не только у страны, но и у каждой семьи, у каждого человека» [там же].

В программе партии «Защитники Отечества» содержится призыв «прекратить деятельность российских, иностранных, международных организаций и частных лиц, направленную на сокращение рождаемости, “половое просвещение” детей и подростков, вмешательство в традиционные права семьи и родителей» [Программа Всероссийской политической партии «Защитники Отечества»]. Выказывается озабоченность тем, что внедрение в практику материнского капитала без должного обеспечения молодых семей доступным жильем не решает вопроса повышения рождаемости в славянских семьях. Отмечается, что «Государство, основанное на тысячелетних традициях и семейно-родовых началах, на первенстве главы семьи, мужа и отца, на обязанностях жены и матери, на наследственном преемстве от родителей к детям, является идеалом для установления образа жизни всего народа». «Забота Государства о материальном

благополучии и трудоустройстве молодых семей должна сопровождаться твердым запретом любой пропаганды безнравственности, внесемейного образа жизни и извращений». В программе также отмечается, что «для увеличения рождаемости, защиты материнства и детства, укоренения в обществе семейных ценностей... партия предлагает создать социальные, финансово-экономические и законодательные условия» [там же]. Какими именно должны быть условия, в программе не уточняется.

Партия «Великое Отечество» декларирует, что народ России является главным богатством страны. Поэтому необходимы «стимулирование рождаемости и поддержка института семьи на государственном уровне, как главной ценности и важнейшего фактора сохранения и развития державы» [Программа Всероссийской политической партии «Великое Отечество»]. Партия считает целесообразным сформировать и пропагандировать идеологию, поддерживающую патриотизм, традиционные и нравственные ценности народов РФ, здоровый образ жизни. Параллельно с этим должен быть установлен запрет пропаганды разрушения семьи, нравственности и религиозности, получения прибыли любой ценой [там же].

В программе партии «Гражданская инициатива» подчеркивается, что каждая российская семья должна иметь возможность дать своим детям хорошее образование, получить современное медицинское обслуживание и условия для отдыха. «Жилье должно стать доступным, в том числе молодым семьям. Любой гражданин, а не только “особо охраняемые персоны”, должен быть убежден в своей защищенности, спокоен за настоящее и будущее своей семьи, уверен в завтрашнем дне» [Программа Всероссийской политической партии «Гражданская инициатива»].

«Партия возрождения России» в своей программе говорит о необходимости материальной поддержки «молодых семей и особенно материнства и детства». Предполагается «обеспечение каждому гражданину, каждой семье реальной перспективы получения или строительства собственного жилья, соответствующего современным жизненным стандартам» [Программа политической партии «Партия возрождения России»]. Идет речь о государственной поддержке семей военнослужащих [там же]. Также предполагается упрощение процедуры получения российского гражданства для семей, проживающих в странах СНГ, Балтии и Грузии, желающих переехать на постоянное место жительства в Россию [там же].

В программе партии «Возрождение аграрной России» говорится о необходимости строительства жилья, объектов здравоохранения, обучения и детских садов в сельской местности с учетом особенностей традиционного уклада жизни (каждой семье — свой дом) [Программа политической партии «Возрождение аграрной России»]. Подчеркивается необходимость государственной поддержки семьи, создания экономических условий для ее укрепления и стимулирования рождаемости, а также заботы «о здоровой семье, о детях, о молодой семье, о старшем поколении» [там же].

«Родная партия» заявляет о наличии конкретных законодательных инициатив. Согласно ее программе, в России назрела необходимость написания и принятия закона «О восстановлении окружающей среды», который позволит

каждому гражданину страны принять посильное участие в совершенствовании среды обитания его семьи и государства в целом [Программа политической партии «Родная партия»]. Кроме того, необходимо написание и продвижение закона «О семье и любви», который позволит на законодательном уровне закрепить принципы сохранения баланса сил, здоровья и благосостояния семьи. «Родная партия» считает своей задачей повышение нравственности, ценности семьи. Восстановление нравственности, появление здоровых, счастливых, искренних отношений, крепкой любви в семье должно преобладать в рекламе, СМИ расцветавшего с каждой такой семьей государства. «С возвращением любви в семье со временем исчезнет необходимость в детских домах, домах для престарелых и инвалидов, в чрезмерном финансировании больниц, повышении размера пенсий и т. д. Россия обогатится за счет роста влюбленных и счастливых лиц людей из числа тех семей, которые могут излучать счастье и любовь только при достатке и комфортном сосуществовании всех членов семьи». «Родная партия» выступает за распространение идеи родовых поместий. Для популяризации этой идеи, обмена опытом и поиска своей половинки для создания семьи и проживания в родовых поселениях, состоящих из таких поместий, «Родная партия» планирует на каждой своей конференции и съезде проводить концерты и организовывать встречи для создания крепких и любящих семей [там же].

Партия «Новая Россия» отмечает, что должны быть достигнуты «лучшие условия для проживания и для ухода за ребенком, дружелюбная к семьям налоговая политика и должны поощряться отпуска по уходу за ребенком» [Программа Всероссийской политической партии «Новая Россия»].

Партия «Патриоты России» видит будущую Россию страной, в которой «обеспечены материальное благосостояние и духовное развитие всех граждан, гармонично сбалансированы интересы личности, семьи, общества и государства» [Программа политической партии «Патриоты России»]. Партия говорит о необходимости «оптимизировать условия для открытия магазинов “шаговой” доступности и семейных продуктовых магазинов гражданами России, обеспечить неукоснительное выполнение законов и решений, запрещающих работать в торговой сети мигрантам из ближнего и дальнего зарубежья» [там же]. Предлагается за счет специальных программ обеспечить доступ к культурному наследию школьникам, молодежи, малообеспеченным семьям, пенсионерам. Партия намерена развернуть массовое строительство муниципального жилья и сдавать его в аренду «по адекватно низким ценам» молодым семьям, бюджетникам, студентам, многодетным семьям, гражданам, переселяемым из аварийного и ветхого жилья [там же]. Демографическая и социальная политика нового государства должна быть направлена на то, чтобы в ближайшей перспективе каждая российская семья захотела иметь и воспитывать не менее троих детей [там же].

Партия «Развитие России» подчеркивает, что она «опирается на традиционные ценности: Родина, Семья, Честь, Патриотизм, Духовность» [Программа Общероссийской политической партии «Развитие России»]. В ее программе отмечается, что она объединяет «единомышленников, равнодушных людей, ежедневно добросовестно делающих свою работу, приносящих пользу своей семье, своему городу, своей Стране» [там же].

Заключение

По мнению ряда исследователей, сейчас наблюдается откат к патриархатно-консервативным представлениям о социальных ролях женщин и мужчин (см., напр.: [Воронина, 2013]). Рассмотренные выше тексты программ партий иллюстрируют эту тенденцию.

В программных документах партий «Гражданская позиция», «Демократическая правовая Россия», «Народная партия», «Народный альянс», «Казачья партия Российской Федерации», «Монархическая партия» женщины не упоминаются. В программах этих 6 партий также нет блоков, посвященных социальной политике, в которых упоминался бы институт семьи или материнства.

Гендерная проблематика, так или иначе, фигурирует в программах 23 партий. Упоминания женщин встречаются в программах 9 партий (в 8 из них также фигурируют упоминания семьи). В 14 программах женщины не упоминаются, но присутствуют слова «семья» или «материнство». Таким образом, гендерный аспект, разнообразно преломляясь в социальной реальности, присутствует в 76 % программ официально зарегистрированных правых и центристских политических партий современной России. Практически все упоминания связаны с демографией.

Интересно провести сравнение с установками левых партий современной России. Ряд левых партий (4 из 23) заявляют о необходимости гендерного равенства в социуме и в сфере трудовых отношений, еще 3 партии упоминают женские организации как возможных союзников в политической борьбе. В поле зрения 7 из 23 левых партий гендерная проблематика попала только в связи с демографией [Букина, 2015а: 1637].

Только 2 правые партии в своих программах упоминают о женском труде. «Партия духовного преображения России» считает, что труд женщины в семье должен засчитываться в качестве трудового стажа, а партия «Национальный курс» делает оговорку, что эта мера должна касаться женщин, воспитывающих троих детей. Таким образом, в отличие от левых партий, правые и центристы практически не касаются гендерной проблематики вне репродуктивного дискурса.

Апелляция к национальным ценностям и архетипам является одним из важнейших способов убеждения в риторике политических партий [Чернявская, Логинова, 2005: 72]. Действительно, в большинстве программ правых и центристских партий нашли отражение семейные ценности.

«Единая Россия», «Партия мира и единства», «Молодая Россия», «Новая Россия» и «Развитие России» ограничились в своих программах краткими фразами о том, что семья — это важно. «Партия духовного преображения России», «Родина», «Партия дела», «Защитники Отечества», «Великое Отечество» призывают восстановить высокий статус института семьи, вести пропаганду семейных ценностей через СМИ. ЛДПР призывает поднять статус мужчин в обществе.

Демографический вопрос тесно связан с жилищным. Так или иначе, этой проблематики коснулись 10 партий. «Объединенная аграрно-промышленная партия» и «Родная партия» хотят создать условия возрождения традиций посредством строительства семейных усадеб в сельской местности. Партии «Национальная безопасность России», «Гражданская инициатива», «Партия возрождения России», «Возрождение аграрной России», «Патриоты России»

высказали общие соображения о необходимости государственной поддержки граждан, нуждающихся в жилье. «Партия возрождения села», «Родина» и «Национальный курс» предложили конкретные экономические меры по постепенному погашению государством ипотечного кредита за каждого рожденного в семье ребенка.

А. В. Дуванов утверждает, что ряд партий предлагают практически одинаковые способы решения социальных (в том числе демографических) проблем и, кроме того, не имеют четких планов реализации своих целей и задач. Все партии отводят государству роль источника ресурсов и средств для решения социальных проблем общества [Дуванов, 2008: 173—174]. Изложенные в настоящей статье факты позволяют расширить выводы А. В. Дуванова, распространить их, по крайней мере, на большую часть правых и центристских партий.

Ни одна из рассмотренных выше партий не видит общество способным к саморегуляции и решению проблем, в том числе демографических, посредством институтов гражданского общества. Если часть партий стоит за необходимость создания государством определенных благоприятных условий, то некоторые партии прямо говорят о необходимости жестких запретительных мер и государственной пропаганды.

Библиографический список

- Айвазова С. Г. Российские выборы: гендерное прочтение. М.: Консорциум женских неправительственных объединений: Ин-т социологии РАН, 2008. 177 с.
- Барамидзе С. М. Роль политических партий России в гражданском обществе // Вестник Удмуртского университета. 2013. Вып. 2—3. С. 116—119.
- Букина А. А. Гендерный аспект программ левых политических партий современной России // Десятые Ковалёвские чтения: материалы научно-практической конференции, 13—15 ноября 2015 г. / отв. ред. Ю. В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2015а. С. 1635—1638.
- Букина А. А. Особенности программных установок консервативных партий современной России: (на примере партии «За женщин России») // Право и современные государства. 2015b. № 4. С. 47—54.
- Воронина О. А. Политика гендерного равенства в современной России: проблемы и противоречия // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 12—20.
- Дуванов А. В. Проблема идентификации социальных аспектов программ политических партий РФ // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. Вып. 70. С. 170—174.
- Попова О. В. «Женские» партии в современной России: проблемы и перспективы // Политическая наука. 2015. № 1. С. 186—199.
- Программа Всероссийской политической партии «Гражданская инициатива» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/5084> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/2378> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа Всероссийской политической партии «Женский диалог» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/2753> (дата обращения: 26.10.2015).

-
- Программа Всероссийской политической партии «Народная партия России» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/2295> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа Всероссийской политической партии «Новая Россия» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/2312> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа Всероссийской политической партии «Партия возрождения села» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/4457> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа Всероссийской политической партии «Партия дела» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/2728> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа Всероссийской политической партии «Великое Отечество» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/4902> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа Всероссийской политической партии «Правое дело» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/2269> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа Всероссийской политической партии «Родина» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/2749> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа Общероссийской политической партии «Народная партия “За женщин России”» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/2257> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа Общероссийской политической партии «Развитие России» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/4487> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа политической партии «Возрождение аграрной России» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/taxonomy/term/1493> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа политической партии «Гражданская позиция» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/5018> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа политической партии «Демократическая правовая Россия» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/4772> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа политической партии «Казачья партия Российской Федерации» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/4475> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа политической партии ЛДПР — Либерально-демократической партии России // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/2278> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа политической партии «Молодая Россия» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/2308> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа политической партии «Монархическая партия» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/2407> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа политической партии «Народный альянс» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/2389> (дата обращения: 26.10.2015).

- Программа политической партии «Национальная безопасность России» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/2729> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа политической партии «Национальный курс» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/5132> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа политической партии «Объединенная аграрно-промышленная партия России» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/4771> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа Всероссийской политической партии «Защитники Отечества» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/4462> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа политической партии «Партия возрождения России» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/5085> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа политической партии «Партия духовного преображения России» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/2681> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа Российской политической партии «Партия мира и единства» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/2420> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа политической партии «Патриоты России» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/2271> (дата обращения: 26.10.2015).
- Программа политической партии «Родная партия» // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/5525> (дата обращения: 26.10.2015).
- Сенцов А. Э. Концепт будущего в программах политических партий: (на материале программ партий «Единая Россия» и «Патриоты России») // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2010. № 3 (11). С. 55—60.
- Список зарегистрированных политических партий // Официальный портал Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения: 26.10.2015).
- Чернявская В. Е., Логинова И. Ю. Программа политической партии как персуазивный текст // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2005. Т. 5, вып. 11. С. 64—75.
- Чуаньлин Н. Ценностное размежевание политических партий в современной России // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2011. № 1 (95). С. 62—66.
- Шведова Н. А. Развитие человеческого капитала и гендерное равенство: умная гендерная политика // Женщина в российском обществе. 2015. № 3—4. С. 17—30.

References

- Aivazova, S. G. (2008) *Rossiiskie vybory: gendernoe prochtenie*, Moskva: Konsortsium zhenskikh nepravitel'stvennykh ob'edinenii; Institut sotsiologii RAN.
- Baramidze, S. M. (2013) Rol' politicheskikh partii Rossii v grazhdanskom obshchestve [The role of political parties in Russia in civil society], *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, no. 2—3, pp. 116—119.

- Bukina, A. A. (2015a) Gendernyi aspekt programm levyykh politicheskikh partii sovremennoy Rossii [Gender aspect of the programs of left political parties of modern Russia], in: Asochakov, Yu. V. (ed.) *Desiatye Kovalëvskie chteniya: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, 13—15 noiabria 2015 g., St. Petersburg: Skifia-print.
- Bukina, A. A. (2015b) Osobennosti programmnykh ustanovok konservativnykh partii sovremennoy Rossii: (Na primere partii “Za zhenshchin Rossii”) [Features policies of the conservative parties of modern Russia (On the example of the party “For women of Russia”)], *Pravo i sovremennye gosudarstva*, no. 4, pp. 47—54.
- Cherniavskaia, V. E., Loginova, I. Yu. (2005) Programma politicheskoy partii kak persuazivnyi tekst [The program of a political party as a persuasive text], *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*, vol. 5, no. 11, pp. 64—75.
- Chuan’lin’, N. (2011) Tsenostnoe razmezhevanie politicheskikh partii v sovremennoy Rossii [The valuable division of political parties in modern Russia], *Omskiy nauchnyy vestnik, seriia Obshchestvo, Istoriia, Sovremennost’*, no. 1 (95), pp. 62—66.
- Duvanov, A. V. (2008) Problema identifikatsii sotsial’nykh aspektov programm politicheskikh partii RF [The problem of identifying the social aspects of the programs of political parties of the Russian Federation], *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*, no. 70, pp. 170—174.
- Popova, O. V. (2015) “Zhenskie” partii v sovremennoy Rossii: problemy i perspektivy [“Women’s” parties in modern Russia: problems and prospects], *Politicheskaya nauka*, no. 1, pp. 186—199.
- Sentsov, A. È. (2010) Koncept budushchego v programmakh politicheskikh partii: (Na materiale programm partii “Edinaia Rossiia” i “Patrioty Rossii”) [The concept of the future in the program texts of political parties: (“The United Russia” and “The patriots of Russia”), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia Philosophiia, Sotsiologiia, Politologiia*, no. 3 (11), pp. 55—60.
- Shvedova, N. A. (2015) Razvitie chelovecheskogo kapitala i gendernoe ravenstvo: umnaia gendernaia politika [Human capital development and gender equality: smart gender policy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 17—30.
- Voronina, O. A. (2013) Politika gendernogo ravenstva v sovremennoy Rossii: problemy i protivorechiia [The policy of gender equality in modern Russia: problems and contradictions], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 12—20.

Статья поступила 21.05.2016 г.

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ СОБЫТИЯХ

ББК 76.005.2

Т. Ю. Забелина

О МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ГЕНДЕРНЫЕ СЮЖЕТЫ В КУЛЬТУРЕ И СМИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

DOI: 10.21064/WinRS.2016.3.11

*T. Yu. Zabelina. Information on the International conference
“Gender issues in culture and media in the Ex-Soviet area”*

11—12 апреля 2016 г. в Центральном доме журналиста (ЦДЖ) в Москве прошла Международная конференция «Гендерные сюжеты в культуре и СМИ на постсоветском пространстве. Гендерная цензура как элемент культуры. Преодоление сексизма. Гендер и Интернет». Ей предшествовал круглый стол «Равенство прав и возможностей в культуре и обществе», успешно проведенный 23 марта модератором, секретарем Союза журналистов РФ, вице-президентом Европейской федерации журналистов Н. Ажгихиной при поддержке Союза журналистов РФ, Гильдии кинорежиссеров РФ, Представительства ООН в РФ, Программного офиса Совета Европы в РФ. Цель круглого стола — обмен мнениями и повышение уровня информированности в вопросах культурного многообразия, равенства прав и возможностей в кинематографе и в обществе — была полностью достигнута. В открытом диалоге приняли участие представители женских и правозащитных организаций, кинематографисты, а также официальные лица: Р. Коменда, старший советник по правам человека при системе ООН в РФ; Х. Хайдар, член Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин; П. Зих, глава Программного офиса Совета Европы в РФ; Л. Демченко, представитель Европейского фонда поддержки совместного кинопроизводства и проката кинематографических и аудиовизуальных работ «Евримаж» (Eurimages).

Женщина в российском обществе. 2016. № 3 (80). С. 121 — 123

© Забелина Т. Ю., 2016

Забелина Татьяна Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, Московский государственный гуманитарный университет, член президиума РОО «Форум женщин Москвы», tatiza08@gmail.com (Cand. Sc., Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Moscow University of Humanities, Moscow, Russia).

Наметившаяся дискуссия еще шире развернулась в ходе двухдневной конференции, программа которой была составлена очень логично и сбалансированно, включала много новых, ранее не обсуждавшихся тем и предусматривала возможность интернет-трансляции. Соорганизаторами конференции выступили Фонд Розы Люксембург (ФРГ), Гильдия кинорежиссеров РФ и Союз журналистов РФ. В эти же дни ее участники могли посетить в ЦДЖ показы Второго Международного кинофестиваля «8 женщин», фотовыставку Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев «Женщины-беженки в поисках защиты», а также принять участие в обсуждениях, проводившихся в рамках этих мероприятий.

Конференцию открыли приветственные выступления О. Игнатовой, координатора программ Филиала Фонда Розы Люксембург в РФ, а также Н. Ажгихиной. Первая обсуждаемая тема — «Женщины в СМИ и культуре стран Центральной Азии и Монголии» — вызвала большой интерес слушателей благодаря уникальности представленной информации в выступлениях Р. Таукиной, председателя Федерации равноправных журналистов (Алма-Ата, Казахстан), журналистки Х. Хушкадамовой (Москва), сценаристки из Монголии Х. Наранжаргал, Ю. Атаниязовой (Центр миграции и права).

О гендерных сюжетах в культуре Восточной Европы и Израиля говорили Т. Кисилевски, телепродюсер и режиссер (Тель-Авив, Израиль); И. Соломатина, руководитель концентрации «Гендерные исследования» (Минск, Белоруссия); В. Церетели, театральный критик (Тбилиси, Грузия).

Сложные проблемы гендерной теории, феминистской практики и культуры, а также роли женских НКО в формировании языка мировой коммуникации раскрыли, используя интересные формы наглядной презентации, О. Липовская (основательница Санкт-Петербургского центра гендерных проблем), искусствовед из Вологды И. Юшкова, доктор философских наук С. Жеребкин (заведующий Харьковским отделением Центра гуманитарного образования НАН Украины), московские арт-кураторы Л. Бредихина и Н. Каменецкая, писатель Э. Тополь (член жюри кинофестиваля «8 женщин») и другие. Выступления по таким актуальным вопросам, как женская солидарность на постсоветском пространстве (доктор философских наук И. Жеребкина, директор Харьковского центра гендерных исследований), работа с женщинами, пострадавшими в результате конфликтов (Ю. Харашвили, директор женской ассоциации «Консент»; Тбилиси, Грузия), селективные аборты (журналистка Я. Израэлян; Тбилиси, Грузия), вызвали оживленную дискуссию, в которой приняла участие С. Айвазова, член Совета по правам человека при Президенте РФ.

Второй день конференции позволил кинодеятелям, участникам кинофестиваля «8 женщин» во главе с его программным директором А. Сычевой обсудить феномен женского кино. Затем в своих выступлениях директор Карельского центра гендерных исследований Л. Бойченко, председатель Тверской ассоциации женщин-журналисток С. Рузлева, Т. Забелина (РОО «Форум женщин Москвы») говорили о необходимости преодоления сексизма в СМИ, Интернете и в цензуре. С помощью видеосредств Н. Ажгихина представила проект «Сексист года».

Конференция завершилась выступлениями женщин — членов Союза писателей Г. Щекиной, С. Василенко и поэтессы Л. Григорьевой. Они не только прочитали свои произведения, но и очень эмоционально рассказали о молодых талантливых коллегах.

Подводя итоги, О. Игнатова поблагодарила всех выступавших и партнеров, сделав вывод об успешности конференции, собравшей большое число участников из разных стран, наметила перспективы проектной деятельности по затронутым проблемам.

Благодаря усилиям Н. Ажгихиной и директора ЦДЖ И. Степанова все организационные вопросы конференции были решены образцово, программа полностью выполнена, к изданию готовится сборник выступлений ее участников, что даст новый импульс развитию гендерной проблематики не только в России, но и на всем постсоветском пространстве.

Статья поступила 09.05.2016 г.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

---

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее, а следовательно, объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

- Хасбулатова О. А.** Гендерные аспекты развития STEM-образования в России 3
- Савинская О. Б.** Гендерное равенство в STEM-программах дошкольного образования как фактор успешного технологического развития России 16
- Михайлова Е. А.** Реализация профессионального потенциала российских женщин: социологическое измерение 25

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ И РОДИТЕЛЬСТВА

- Нартова Н. А.** Материнство в современной западной социологической дискуссии 39

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ

- Соблирова З. Х.** Женская мода как элемент локальной городской культуры (На примере г. Нальчик) 54
- Хаховская Л. Н.** Гендерный аспект урбанизации коренных народов Магаданской области 63

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

- Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А.** Модернизация репродуктивного поведения образованных россиянок второй половины XIX — начала XX в. 73
- Мутиева О. С.** Кавказская война и реформы 60—70-х гг. XIX в. как факторы становления женщин-предпринимательниц в Дагестане 90
- Чернышева Н. В.** Социальное положение женщин в годы Великой Отечественной войны: историко-социологический анализ (На материалах Кировской области) 98

ПОЛИТОЛОГИЯ

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

- Букина А. А.** Гендерный аспект программ консервативных и центристских политических партий современной России 106

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ СОБЫТИЯХ

- Забелина Т. Ю.** О Международной конференции «Гендерные сюжеты в культуре и СМИ на постсоветском пространстве» 121
- Информация для авторов* 124

CONTENTS

SOCIAL SCIENCES

HUMAN CAPITAL

- Khasbulatova O. A.** Gender aspects of STEM-education in Russia 3
- Savinskaya O. B.** Gender equality in the early STEM-education as a factor
of Russia's successful technological development 16
- Mikhaylova E. A.** Implementation of professional capacity of Russian women:
sociological dimension 25

SOCIOLOGY OF FAMILY AND PARENTHOOD

- Nartova N. A.** Motherhood in contemporary Western sociological debate 39

SOCIOLOGY OF CITY: GENDER ASPECTS

- Soblirova Z. Kh.** Woman's fashion as an element of the local urban culture
(On the example of Nalchik) 54
- Khakhovskaya L. N.** Gender aspect of the urbanization process of indigenous
people in Magadan region 63

HISTORY AND ARCHEOLOGY

WOMAN'S HISTORY

- Pushkareva N. L., Mitsyuk N. A.** Modernization of reproductive behavior
of noblewomen in the second half of XIX — the beginning of the XX c. 73
- Mutieva O. S.** Caucasian War and reforms of 1860—1870-s as factors
contributing to women becoming entrepreneurs in Dagestan 90
- Chernysheva N. V.** Social position of women in the Great Patriotic War:
historical and sociological analysis (On materials of Kirov region) 98

POLITOLOGY

GENDER POLITOLOGY

- Bukina A. A.** The gender dimension of programs of conservative and centrist
political parties in modern Russia 106

INFORMATION ABOUT SCIENTIFIC EVENTS

- Zabelina T. Yu.** Information on the International conference "Gender issues
in culture and media in the Ex-Soviet area" 121
- Information for the authors* 124

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 (80) — 2016

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 30.09.2016 г. Формат 70 x 108 ¹/₁₆.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 8,6. Тираж 100 экз.
Заказ № 206. Цена свободная

Адрес редакции (издателя):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39

Издательство «Ивановский государственный университет»

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ОГБПОУ «Ивановский энергетический колледж»

153025 Иваново, ул. Ермака, 41 ☎ (4932) 37-52-44

Адрес в Интернете: www.tip1.ru